

СВ

1(56)

ВРАТА СИБИРИ

ВРАТА СИБИРИ

ЛИТЕРАТУРНО-ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ И ИСТОРИКО-КРАЕВЕДЧЕСКИЙ АЛЬМАНАХ

ВЫХОДИТ С ДЕКАБРЯ 1999 года
два раза в год

учредитель
и издатель:
АНО

«Тюменская область сегодня»

Редактор, автор проекта
ИВАНОВ Л.К.

РЕДАКЦИОННЫЙ
СОВЕТ:

№ 1 (56)

БЕЛКИН С.В.
ГАРДУБЕЙ М.М.
ЕГОРОВ С.И.
ЕФРЕМОВА Л.Г.
КОЗЛОВ С.С.
СТРОГАЛЬЩИКОВ В.Л.
ФЕДОСЕЕНКОВ М.А.
ШЕСТАКОВ С.А.
ШИРМАНОВ И.А.
ЯРКОВ А.П.

Тюмень
2021

Содержание

ПРОЗА

Александр МАТАЕВ Адская машина.....	3-9
Александр СТЕШЕНКО Утро.....	10-15
Анжела БЕЦКО Чемодан без ручки.....	16-23
Сергей ЛУЦКИЙ Течение.....	24-30
Елена МАЙСЮК Сказка о девочке и драконе.....	31-38
Олег ЯНЕНАГОРСКИЙ А завтра он станет верным.....	39-42
Наталья ГОНЦОВА Гадёныш.....	43-48

ПОЭЗИЯ

Антонина МАРКОВА Вспоминаю тебя.....	49-52
Людмила ЕФРЕМОВА Актриса.....	53-56
Сергей ПЕРУНОВ Бурьян.....	57-60
Альбина КОШКАРЁВА Нет мира на Земле.....	61-63
Ирина ЧУПИНА Танцует перо.....	64-67
Марина АЛЕКСАНДРОВА Страна.....	68-71
Александр УСТЮЖАНИНОВ У души есть свои острова.....	72-74

МОЛОДЫЕ ГОЛОСА

Артем ТИХОМИРОВ Дом для нас двоих.....	75-84
Юлия ПАПАНОВА.....	85-86
Полина КУЗИНА Иван Федорович и ангел.....	87-89
Маргарита СЛАДКОВА Апрель.....	90-91

ПУБЛИЦИСТИКА

Василий ДВОРЦОВ Нам нужна имперская история.....	92-101
--	--------

КРАЕВЕДЕНИЕ

Николай ЗЕНЗИН Герой на все времена.....	102-107
Вячеслав СОФРОНОВ	
Заложник века своего, или Последний сибирский митрополит.....	108-114
Ольга ОЖГИБЕСОВА Дело случая.....	115-119
Евгений МОРОЗОВ Разведчик из «озерного края»	120-127

ЛИТЕРАТУРОВЕДЕНИЕ И ЛИТЕРАТУРНАЯ ХРОНИКА

Сергей СМЕТАНИН От мечты до прорехи	128-135
Станислав ЛОМАКИН	136-138

ДЕСЯТАЯ МУЗА

Тамара ВОРОНИНА Жизнь, отданная искусству	139-150
---	---------

ЖУРНАЛ «АЛЕКСАНДР»

Марина ЕЛЮТИНА Счастливей человек	152-156
Евгений ХАРЛАНОВ Осенняя картинка	157-159
Марина КУРДИМОВА Книга	160-162
Анатолий ТРУБА Испытание	163-169
Валентина ДОРОЖКИНА Тамбов – любимый город	170-172
Валерий АРШАНСКИЙ Юрий Казаков	173-176
Владимир ЧИСТЯКОВ Рассказ ветерана	177-180
Молодежь о Тамбове Поэзия.....	181-186
Игорь МАРТЫНОВ Казаки и основание Тамбова	187-189
Евстахий НАЧАС	190-192

ЛИТЕРАТУРНАЯ ХРОНИКА

Январь-ноябрь.....	193-195
Коротко об авторах.....	196-199

ПРОЗА

Александр МАТАЕВ

Адская машина

Рассказ

Ещё всё было нормально. Ещё вся огромная страна была единой коммунальной квартирой: бывало, ругались из-за бельевых верёвок и лампочки в общем туалете, бывало, тырили друг у друга крупу и соль, бывало, не чистили общую плиту и не прибирались в общем коридоре... Но глотки друг другу не грызли. И в трудные минуты безвозмездно делились той же крупой и солью, давали в долг до полочки и годами ждали отдачи. А в радостные минуты накрывали нехитрый стол «что-у-кого-есть», выносили магнитофон или радиолу, и все обиды обнулялись искренними тостами и душевными песнями.

Ещё всё было по-человечески. Терроризм, наркомания и прочие прелести «свободного мира» были где-то там, у них, «за бугром»... Мы и не знали тогда, что где-то уже запущена адская машина разрушения. Разрушения родовой памяти. Разрушения психики. Разрушения нашего несовершенного, но лучшего в мире государства. А может быть, и этого несовершенного, но такого прекрасного мира.

Венька Колобков вернулся в свою уютную бендюжку на ведомственной АТС, бросил на верстак тяжеленную сумку с инструментом, плюхнулся в драное дерматиновое кресло и блаженно вытянул ноги. Рабочий день подходил к концу, заявок больше не было, и он имел полное право на расслабуху. Венька работал монтером-линейщиком в конторе ведомственной связи. В советское время связь руководства с подведомственным населением, а попутно и населения между собой была делом непростым и весьма трудоёмким.

Денёк выдался не из лёгких. Ноги гудели, как трансформаторная будка. До конца рабочего дня было ещё полтора часа. «А не пора ли домой, пока ещё работёнки не подкинули?» – лениво подумал Венька. Шевелиться не хотелось, да и дома делать было особенно нечего. Он откинулся в кресле и закрыл глаза. Внезапно огромный эбонитовый «наркомовский» телефон с белыми кнопками и клавишами, предмет особой гордости и монументальный, как бюст вождя, выдал длинный, противный и громыхающий, как по цинковому тазику, звонок. От его сигнала обычно неподготовленные люди на минуту теряли дар речи, что являлось поводом для хохмы. На этот раз Венька сам непроизвольно подскочил в кресле. «Чтоб тебя!.. Нет бы раньше слинять... Не буду вот отвечать».

Однако телефон разразился новой трелью, ещё более длинной и требовательной. Он раньше был Телефоном Большого Начальника, и привык, чтобы отвечали по первому же звонку.

Венька нехотя выбрался из кресла.

– Алё! – раздражённо сказал он в чёрную трубку.

– Ой, Венечка, как хорошо, что ты здесь, я уж думала, никого не

застану. Такое дело, такое дело... – без пауз заверещала трубка голосом Тины Ивановны, техника бюро ремонта.

– Что, до завтра-то не терпит? – ещё более раздражённо спросил Венька.

– Ой, Веня, тут такое дело, такое дело!.. – уже более членораздельно сказала трубка. – Понимаешь, Кича запил...

– Тоже мне новость! – перебил её Венька. – Да он с выходных ещё не просыхал. Получку же дали!

Кича, он же Витька Кичунов, монтёр с большим стажем и авторитетом, приземистый, жилистый, злой и ухватистый в работе, в драке и по жизни, запивал регулярно и неизбежно, приблизительно раз в два месяца. Специалист он был хороший, водил дружбу с начальством, и на это смотрели сквозь пальцы.

– Да нет, такое дело... Он звонил вроде как почти трезвый и прощался со всеми. Простите, говорит, если что не так, не поминайте лихом, говорит, неправильно, говорит, я жил... Ой, Веня, что-то нехорошо у меня на душе... Съездил бы ты к нему! А то ведь он дурной, как бы чего не удумал! – Тина Ивановна знала, что Венька отказывать не умел.

Венька Кичу органически не переваривал. И за то, что однажды ни за что получил от него в глаз, и за то, что тому всегда начальство подбрасывало самую выгодную работу, и так... Но поехал, хотя очень ему не хотелось. Пообещал же!

Нехотя, через силу поднялся на этаж, нехотя длинно позвонил, немного постоял и с облегчением собрался было уйти, но подвела привычка доводить всё до конца. Венька толкнул на всякий случай дверь, и она оказалась не заперта. Это было очень странно. Времена, когда в Сибири вместо замка ставили палочку к воротам – мол, хозяев нет дома, – к тому времени уже канули в Лету. Теперь уже он не мог не войти в квартиру.

Осторожно прикрыв за собой дверь, Венька медленно продвигался по квартире, поочерёдно заглядывая на кухню, в комнаты. Открыв дверь в спальню, Венька почему-то сразу понял, что влип. Под ложечкой противно заныло, как в детстве, когда отец начинал вытаскивать из штанов ремень.

В комнате параллельно стояли две кровати, две тумбочки и платяной шкаф в углу. На дальней от Веньки кровати лицом к нему сидел сам хозяин и смотрел на него пустыми и какими-то потусторонними глазами. На тумбочке рядом стояла тарелка с признаками остатков закуски и до губ искуренными окурками «Примы», пустой, захватанный до непроглядности гранёный стакан, на полу валялись бутылки, по количеству которых и густому застою запаху можно было примерно вычислить длительность запоя.

Из одежды на Киче были стандартные семейные трусы советского фасона, неопределённого цвета майка и «командирские» непромокаемые часы, что в сочетании с недельной небритостью и торчащими на шишковатой голове уморительными ушами было бы потешно, если бы не одно но...

Он был опоясан сооружением из целлофановых кульков, в каждом из которых лежало нечто похожее на куски хозяйственного мыла. К одному из «обмылков» синей изолентой была привязана небольшая металлическая штучка и квадратная батарейка, от нее тянулись провода, оголённые концы которых Кича сжимал в узловатых кулаках. Кулаки эти заметно потряхивало.

Всю эту картину Венька охватил как-то сразу внезапно обострившимся панорамным зрением. Так же сразу он идентифицировал и конструкцию поверх семейных трусов Кичи. Что такое взрывчатка и детонаторы, он знал по армии. Кича как-то по пьяни проболтался, что достал несколько пашек у сейсмиков для рыбалки.

– Зачем-пришёл-у-тебя-же-дети, – деревянным голосом произнёс Кича. Потом кивнул на соседнюю кровать: – Садись.

– Да не-е, пойду я... – без особой надежды промямлил Венька. Язык служить отказывался.

– Садись!

Что-то подсказывало Веньке, что вариантов нет. Он присел на краешек кровати, осторожно оценивая обстановку. Венька никогда не был героической личностью, бывали в его жизни поступки, за которые потом было мучительно стыдно, но он обладал одним неопределимым качеством, а именно – боялся «после того, как...». То есть во время непосредственной опасности он как бы «тормозил» и не паниковал, а действовал на редкость хладнокровно. Страх приходил уже позже, когда начиналось «а вот что, если бы...», и это по жизни выручало его неоднократно.

Вот и теперь Венька как будто отключился. Спинным мозгом он чувствовал прямую угрозу самой жизни, а сам независимо от чувств и эмоций искал выход. То, что главная опасность в этих узловатых пальцах, в которых слишком близко дрожат оголённые проводки, было понятно. Конечно, Кича был парень мутный, мог и блефануть, но проверять это у Веньки желания не появлялось. Вариант силового решения проблемы отпал сразу как утопический. Но что же делать, когда напротив тебя сидит кусок шизофрении в тротиловом эквиваленте, да ещё и трясётся? Если бы Венька тогда знал анекдот про обезьяну с гранатой, он удивился бы сходству. Но это всё равно бы не помогло. А помочь могли только правильно сказанные слова. И интуиция.

– Ты когда на работу? Зашиваемся! – невпопад и как ни в чём не бывало, буднично сказал он.

– Зачем ты?.. – так же невпопад спросил Кича. Он оказался совсем не пьян, хотя внешний вид и шторы на глазах говорили, что лучше бы он был пьян.

– Я-то? Домой иду вот... – их разговор напоминал разговор двух слабослышащих физиков.

– Не дёргайся. Вот коснусь – полдома разнесёт! – руки с проводами опасно приблизились друг к другу. В глазах появилось какое-то подобие жизни.

– Оно тебе надо?!

– А пусть знают!

Логика была убийственная, возражать как-то не получалось. Помолчали. Веньке шибко захотелось курить, но желание это оставалось как бы на заднем плане, тем более что сигареты закончились, а уместно ли беспокоить по такому пустяку Кичу в сложившейся ситуации, было неясно.

Время тянулось как-то мучительно и с неизвестной скоростью. Венька часы постоянно забывал, а стрелки на кичиных «командирских» разглядеть не удавалось. Да и вряд ли у него последние дни была потребность заводить их. С улицы доносились звуки летней дворовой жизни, но всё это было как бы в другом, параллельном мире.

«На молочку, наверно, теперь опоздаю!» – тоскливо подумал Венька. Забирать детское питание с молочной кухни было его основной супружеской обязанностью. Жена его отличалась нравом сквалыжным, могла со свету сжить и за меньшее прегрешение.

– Зачем ты? – внезапно вновь то же и с такой же деревянной интонацией спросил Кича. – Дурак, что ли? Думаешь, я дуркую? Все вы меня не любите! – внезапно заключил он.

Надо ли на это отвечать, Венька так и не решил, тем более что возражать было глупо, а поддакивать ещё глупее. Всё это напоминало шахматный цугцванг, когда «куда ни кинь – везде клин», но таких мудрёных терминов Венька не знал. Он благоразумно решил подождать, что будет, и только молча то ли кивнул, то ли мотнул головой, обозначив внимание. Да слов от него и не ждали.

– Все вы меня не любите! Думаешь, не знаю, что вы все думаете? Кича козёл, Кича с начальством вась-вась, Кича пьёт, а ему и получку, и КТУ по полной начисляют, Надька, коза драная, пацана забрала к сестре, на пьяную рожу твою, говорит, смотреть тошнит, хахалю её я причиндалы вырву!.. – интонация по ходу его тирады менялась от деревянного скрипа до раскалённого металла. В уголках губ появилась пена, глаза закатились, плечи и руки заходили ходуном, и Венька чуть было не решился на рискованный прыжок через межкроватьное пространство с целью нейтрализации проводов, но Кича вдруг внезапно умолк и взглянул на него совершенно осмысленно.

– Не дёргайся! – абсолютно нормально сказал он, и Венька понял, что попытка была бы не засчитана.

Наступила какая-то странная пауза, в течение которой физически ощущаемое нервное напряжение, казалось, достигнет такой величины, что сам воздух начнёт искрить и потрескивать. Вдруг на заросшем лице Кичи обозначилось какое-то подобие работы мысли и даже, можно сказать, признаки внутренней борьбы. Наконец он принял какое-то решение.

– Иди на балкон. Там алюминиевая фляга и ковшик. Неси. Только не дёрнись никуда – всё равно не успеешь. Тут всем хватит, – Кича кивнул на бомбу.

Венька медленно встал с кровати, медленно, ощущая тяжёлый взгляд, отчего между лопатками было как-то нехорошо, подошёл, открыл балконную дверь, за которой и впрямь оказалась обещанная фляга, рывком задёрнул флягу в комнату (ведра два есть – механически отметил он) и, прихватив эмалированный ковшик, поставил всё между кроватями.

– Открывай.

Венька открыл. Запах свежей сивухи пополз по комнате. Всё же это было несравнимо лучше, чем тот густой аромат, который был до этого. Убойная смесь запахов прокисших окурков и стоячих носков без привычки могла свалить с ног.

– Наливай.

Венька зачерпнул из фляги ковшиком (никакой другой инструмент для этого не годился) и налил в стоявший на тумбочке стакан до краёв.

– Себе! – как при игре в «очко» приказал Кича.

Венька снова зачерпнул из фляги и вопросительно посмотрел на Кичу. Пить не хотелось. Венька вот уже полтора месяца как подзавязал с этим делом. Надоело, да и пьянки что-то стали слишком регулярными и уже получались как бы сами собой...

– Пей!

Возражать было без толку. Венька поднёс ковшик к губам и медленно стал цедить белёсую полупрозрачную жидкость. Брага оказалась на редкость крепкой. Видимо, ей дали добросовестно побродить и отстояться, что странно при запое. Хотя деньги на водку у Кичи были. Он обычно, когда запивал, брал сразу ящик, чтобы не бегать в лавку.

Не сводя с Веньки глаз, Кича перехватил провода в одну руку, не забыв при этом развести концы, взял стакан и залпом осушил его, разливая на майку и постукивая зубами о край стакана.

«Не чокаясь...» – отстранённо подумал Венька. Брага начала разливаться по организму горячей пульсирующей волной, наполняя его теплом и тяжестью.

Помолчали. Кичу стало заметно потряхивать, словно его бил крупный озноб. На лбу появилась испарина, хотя взгляд по-прежнему был стеклянным.

– Наливай!.. Себе!.. Пей! – через пару минут вся процедура повторилась в точности.

После четвёртого захода Кичу прорвало. Судорожно сжимая провода, лихорадочно, проглатывая куски слов, он говорил, говорил и говорил, всё быстрее и неразборчивее. Однако на белую горячку это не походило, так как всё было складно. Он не бредил, нет. Просто прорвался какой-то душевный нарыв, и вся эта дрянь обрушилась на Веньку.

Веньку брага не брала, то есть конечности налились свинцовой тяжестью и каждый новый ковшик давался с трудом, внутри становилось всё жарче, но голова оставалась такой же светлой, более того, одна часть мозга слушала и отчётливо воспринимала всё сказанное, другая одновременно думала о своём, третья непрерывно искала выход. И не находила. А Кича тем временем спешил выговориться, словно больше возможности для этого не предвидел.

Кича всегда был крутым. Молодость его до и после армии проходила в захолустном посёлке, который был основан ссыльными. Позже найденная рядом нефть открыла дорогу не только геологам-романтикам, но и всякого рода бичам, беглым и охотникам за длинным рублём, и школа выживания была суровой. Там, где жильё в приличном балке было роскошью, где многие жили поначалу в землянках, вырытых прямо в крутом берегу речки, где единственной формой отдыха было пьянство да иногда рыбалка, где главным шиком для молодёжи было прийти на танцы в болотных сапогах и белой нейлоновой рубаше, с неременной дракой после – там ботаники авторитетом не пользовались. Да Кича никогда им и не был. Он вообще сначала бил, потом спрашивал. Имея связи в местном полууголовном бомонде и свояка – сержанта милиции, имея возможность установить кому-то такую роскошь, как телефон, пусть даже и «левый» – можно было и не спрашивать.

Кича говорил и говорил, а Венька думал о своём. Кича говорил, что жена, сука неблагодарная, не понимает его и опять вот ушла, а в доме шаром покати, а Венька вспомнил, как Кича по пьяни выгонял жену из дома, чтобы не мешала пить, а иногда и поддавал неслабо. А его, Венькина, благоверная самого норовит долбануть, если что...

Кича говорил, что поймал мужика, который, по его подозрениям, пользовался благосклонностью жены, и что тот теперь лежит с переломом

руки и весь синий, в больнице, и что придётся откупаться через свояка. А Венька вспоминал, как тот отправлял жену в отпуск к тётке, а сам устраивал многодневные оргии с пьяными тётками и постоянно меняющимися приятелями.

Кича с надрывом жаловался, что пацан совсем от рук отбил, пьёт, связался с кампанией, вскрыли несколько гаражей, теперь ещё и его выкупать надо, а Венька вспомнил, как тот сам наливал этому пацану из трёхлитровки пиво и ободряюще хлопал его по спине – мужик, мол, растёт!

Да и сидели они в неслабой трёхкомнатной квартире, где растворимый кофе и колбаса, жутко дефицитные по тем временам, были отнюдь не деликатесом. А Венька вспоминал, как он разрывается между работой, молочкой, работой на полставки и огородом. Как часами стоит в очереди, чтобы достать два кило куриных шеек (больше в одни руки не давали) и с победой вернуться домой в 15-метровую малосемейку, где дети и вечно сидящая в декрете жена, получить дежурную порцию упреков типа «от тебя никакого толка», с психу бежать курить на балкон (иначе не уснёшь), утром вновь с красными от дурной ночи глазами и без похмелья дрожащими руками на работу – и так по кругу, по кругу, как дрессированный пони...

И чем больше жаловался Кича, тем меньше становился сидящий у Веньки где-то в районе солнечного сплетения страх, а на его месте начала расти холодная весёлая ярость. И когда Кича, сорвавшись на петушиный фальцет, прокричал: «А пошли они все! Что, за шестёрку меня держат?! Вот щас как рвану – полдома разнесёт к ядрене-фене! Попомнят ещё меня, козлы е.....е!», Венька уже сам, без команды, зачерпнул полнёшенький ковшик браги, тщательно осушил его (страх при этом как-то рассосался и впервые легко вдохнулось) и пристально взглянул в глаза Киче.

– Рви! Ну чего смотришь, давай взрывавай! Устал я от тебя! Взрывавай уже! – чётко выговаривая слова и неотрывно глядя ему в глаза, звенящим от напряжения голосом сказал Венька.

Кича поперхнулся на последнем мате, так и не закончив эпитета, и недоумевающим взглядом уставился на него. Как?! Какой-то по сравнению с ним, Кичей, щенок, дохляк, которого он и не воспринимал никогда всерьёз, осмеливается вякать против? Да он!.. Да как?!.. Да он обязан только от одного его взгляда трухануть и забиться в ужасе под лавку! Не боится или просто дурак?

Они смотрели глаза в глаза, и казалось, что всё течение жизни остановилось на время, даже за окном во дворе не было слышно ни звука. Только тишина эта слегка звенела, как перетянутая струна, и когда кулаки с зажатыми в них проводами двинулись друг к другу, казалось, что струна эта всё-таки лопнет, и уже не будет ни времени, ни самой жизни, а только эта непереносимая тишина...

Наконец Кича, сдержав движение рук, вдруг как-то пакостливо отвёл глаза в сторону, скривился, как от лимона, уронил нечёсаную голову на кулаки и... заплакал! Венька медленно встал с кровати, аккуратно вырвал у него из рук проводки вместе с контактами от батарейки и бросил подальше. Затем так же сорвал с пояса целлофановые кульки со взрывчаткой и забросил за платяной шкаф, чтобы достать было непросто. Затем закрыл флягу (надо доводить всё до конца) и аккуратно положил сверху ковшик.

Кичу било в беззвучных рыданиях. «Врезать бы тебе!» – обессиленно подумал Венька.

– Только... никому... не... – сквозь хлюпающие звуки прохрипел Кича.

– Врезать бы тебе! – уже вслух твёрдо сказал Венька.

На самом деле он не мог, даже если бы захотел. Обездвиживающие свойства ядрёной браги начали сказываться в полной мере. Ноги отказывались слушаться, и даже веки налились свинцовой тяжестью. Голова пока ещё работала чётко.

И только когда Венька, аккуратно закрыв за собой дверь квартиры и с трудом спустившись вниз, двинулся по беззаботному летнему двору, звенящему детскими голосами и скрипящему вечно недовольными голосами бабулек, кайфующих летним вечером на прогретых за день лавочках, в голове его начал клубиться какой-то гулкий туман, и даже дребезжащая старушечья тирада «Эвон, нажрался-то как!» прозвучала для него дивной музыкой.

Улыбнувшись бабулькам примиряющей, как ему казалось, улыбкой, Венька на непослушных ногах поплёлся в сторону дома, радостно предвкушая, какой скандалище закатит ему ненаглядная супружница, благо повод был стопроцентный. Да и молочка тютю... Но это было уже не важно, ибо до дому ещё надо было как-то дотянуть.

Завтра придёт тяжёлое душное похмелье и запоздалый страх при мысли «а если бы...». Завтра придёт осознание того, что играть чужими жизнями – удел не мужчин, а слабаков и трусов. И что только страх жертвы даёт им иллюзию собственной силы. А послезавтра и вся страна очнётся, как после запоя, и обнаружит, что сидит на «адской машине», и что неизвестно, в чьих руках провода, и от этого жизнь человеческая стала дешевле денег, а смерть, здоровье и жильё многим не по карману. Но это будет потом.

А пока главное было – дотянуть до дому...

Александр СТЕШЕНКО

Утро

Бесстыжий рассвет нагло сдёрнул платье тумана с низинной поймы, скомкал его и бросил на холодную утреннюю воду. Обнажённый речной берег застенчиво затих в томительном ожидании чуда.

Но звенящую тишину разорвал недовольный крик ранней чайки.

Из-под заиленного топляка резко вынырнула щука, долго сидевшая в ночной засаде, и тут же, ухватив зазевавшегося чебака поперёк туловища, замерла. Через пару минут она повернёт жертву головой к себе и начнёт неторопливую трапезу.

Несколько шустрых окуней в зелёных «тельняшках» с чёрными полосами проплыли мимо, не обращая никакого внимания на щуку-бревно – у этой «братвы» своя хулиганская охота. Сейчас они найдут стаю мальков и будут глушить их своими хвостами. А уже потом, изрядно «контуженных», жадно заглатывать.

Две серые цапли застыли неподвижными идолами на небольшой песчаной отмели, карауля мелкую рыбёшку. Вдруг одна из них совершила молниеносное движение длинной шеей, и крепкий клюв, окантованный острыми зубами, надёжно зафиксировал долгожданную добычу. Тут же подбросив её вверх, опытная охотница ловким движением отправила серебристый деликатес в глотку. Её напарница только чуть вздрогнула, завистливо отреагировав на удачную ловлю своей соседки.

Огромный сохатый выглянул из-за кустов прибрежного тальника и настороженно взглянул на тёмную речную воду. Быстрое течение в фарватере озадачило матёрого самца. Покрутив огромными ушамиллокаторами, он возмущённо потряс массивной головой, отчего его горловая «серьга» всколыхнулась. Постояв в недолгих раздумьях, лось недовольно фыркнул, оттопырив верхнюю губу, и исчез в густых зарослях.

Наконец-то рассвет добрался до тальниковой лохматости речного берега, прикрывающей вход во внутреннее озеро. Острым лучом солнца он неудержимо проник сквозь разрыв прибрежных кустов в глубину озёрной протоки. И яркое огненное светило радостно выскочило из-за своего ночного укрытия.

Чудо утра свершилось!

Неожиданный порыв случайного ветра удовлетворённо выдохнул – оуух...

Переселение душ

Раннее утро.

Огненное светило, прячась за верхушками деревьев, готовилось к решающей атаке на ночную тьму. Вот оно переместилось чуть выше, и его острые лучи россыпью огненных стрел безжалостно пронзили ослабевшую оборону ночи. Рваные клочья сумрака, убегая от разящей атаки, трусливо прятались в глубине леса.

Ещё мгновение, и солнце взмыло ввысь, торжественно водрузив знамя победы над окружающим лесом.

Я сидел в укрытии, в тени куста у небольшого лесного озера, и наблюдал за пробуждением природы. За рождением нового дня. Вдыхая

бодрящую свежесть утреннего воздуха, крепко заваренного ароматами трав.

Красногрудые зарянки выводили свою вечную мелодию любви. Первые проснувшиеся бабочки суетливо порхали около распустившихся бутонов, спеша полакомиться свежим нектаром. От большой коричневой кучи хвойных иголок нескончаемым потоком потекли рыжие ручейки. Это муравьи торопились на работу по уборке лесной территории.

Прямо передо мной из толщи озёрной воды по качающемуся стеблю камыша выползла буро-зелёная наяда – личинка стрекозы. Она на мгновение остановилась, осваиваясь в новой для неё обстановке. Затем с медленным достоинством продолжила свой путь по влажной от росы камышинке. Выбрав удобное место, обильно прогреваемое солнцем, она затихла, неподвижно застыв на травяном стебле.

Лёгкий утренний ветерок развеивал камышовые локоны лесного озера. Дневные жители местной акватории уже давно приступили к своим повседневным делам. А наяда продолжала неподвижно висеть на колышающейся опоре, обсыхая и греясь в тёплом потоке солнечных лучей.

И вдруг в верхней части спины каракатицы появилась трещина, и начались какие-то шевеления. Несколько секунд, и в трещину просунулась «глазастая» голова. Фасеточные зрачки нарождающейся стрекозы были заметно крупнее, чем у её личинки. Будто взглянув на красоту окружающего мира, они расширились от удивления и восторга.

Продолжая активно помогать себе челюстями, стрекоза выбиралась наружу. Вот уже появились тоненькие, ещё неокрепшие лапки. Ещё немного – и туловище наполовину освободилось от тесного кокона.

Через некоторое время молодая стрекоза полностью покинула прорванную оболочку. Её брюшко, подобно гармошке со сжатыми мехами, стало медленно растягиваться. Будто невидимый баянист вступал в игру, выводя мелодию, воспевающую рождение новой жизни.

Первоначально скомканные в «мокрую тряпку» морщинистые зачатки крыльев стали расправляться. Прошло достаточно времени, прежде чем из них сформировалось две пары прозрачных удлинённых пластинок с густой сетью многочисленных жилок, наполненных жизненной праной. Я продолжал спокойно наблюдать за чудесными метаморфозами, спешить мне всё равно было некуда.

Молодая стрекоза отползла от старой оболочки и, ухватившись лапками за камышинку, начала карабкаться вверх. Её качало на ещё слабых ножках, но она упорно продолжала своё восхождение.

Взобравшись на верхнюю часть камышового листа, стрекоза удобно расположилась на нём. Некоторое время она нежилась в тёплых лучах яркого солнца, после чего интенсивно затрепетала крыльями, разогревая свои подъёмные механизмы. Затем, оторвавшись от зелёного стебля, на мгновение зависла в воздухе. И почувствовав неограниченность свободы, её душа легко устремилась ввысь. Навстречу новому дню. И новой жизни.

Брошенное морщинистое тело осталось болтаться ненужной капсулой на зелёном камышовом листе. Душа, покинув старую телесную оболочку наяды, вселилась в новое тело молодой стрекозы.

И это превращение совершилось прямо на моих глазах!

Вот вам и переселение душ! Истинное переселение.

А ведь когда-то я полностью отрицал саму возможность этого.

Посмеивался над верованиями индуистов. Совершенно не верил в мистику. На семинарах кафедры в университете аргументированно опровергал невозможность подобного процесса, подводя под свои доказательства строгую научную концепцию.

А теперь?

Теперь я верю. Убедился в этом. Проникся чувством и ощущениями. Полностью проникся.

Потому что теперь...

Потому что теперь я серая пупырчатая жаба, мирно наблюдающая из своего укрытия под кустом за тем, что происходит рядом. На опушке у небольшого лесного озера.

Свободный полёт

Пожилой мужчина с тросточкой, прихрамывая на правую ногу, прогуливался по весеннему парку. Его часто можно было видеть здесь. Вот и сейчас он неспешно «отмерял» парковые метры, радостно встречая окружающий мир открытым добрым лицом, на что указывали лукавые морщинки в уголках его смеющихся умных глаз. По всему следовало, что мужчина был одинок. Никто и никогда его не сопровождал...

Дойдя до середины центральной аллеи, он сел на свежеевыкрашенную голубую скамейку, натужно откашлялся и вытянул вперёд правую ногу. Отставив свою тёмно-коричневую трость с набалдашником в форме льва, он стал интенсивно массировать больное колено. Затем блаженно откинулся на наклонную спинку лавочки и посмотрел вверх. На скомканные ватные хлопья белёсых облаков, которыми чья-то невидимая рука протирала купол высокого весеннего неба.

Мужчина закрыл глаза и погрузился в свои мысли, чему-то улыбаясь. Возможно, он радовался теплу и солнцу. Весенней сказке, плавно переходящей в яркое лето. И ещё одному очередному маю, пришедшему в его одинокую жизнь.

Солнечные зайчики играли в пятнашки на его лице. Лёгкий майский ветер нежно причёсывал седые волосы. Детские голоса рассекали пространство парка, конкурируя с многоголосием птичьего оркестра. И жизнь продолжалась в окружении этого волшебного чуда.

А душа, задыхаясь от восторга и восхищения, рвалась в полёт.

Она, как и в прежние далёкие годы, была легка на подъём, но уставшее тело сдерживало её неудержимый порыв. Ведь стареет только тело, а душа, душа остаётся молодой.

Но почему бы ей на самом деле не полетать? Немножко. Хоть самую малость. Хоть крохотное, неосоздаемое мгновение. Да, конечно же, надо полетать! Обязательно надо!

«Пусть уставшее тело пока отдохнёт на голубой скамейке. А я полетаю... где-нибудь рядом... вместе с ветром и птицами», – подумала душа.

Очередное дуновение весеннего ветерка только раззадорило её. И она, ухватившись за невесомые струи восходящего потока, устремилась... в свободный полёт.

И вот она уже скользит по молодым зелёным листочкам ближайшей берёзы, наблюдая за жизнью местных обитателей. Какой-то большой тёмно-коричневый жук с мохнатыми лапками карабкается по её стволу. Вот прыгнул на ветку воробей, и радостно прочиркав какую-то птичью

новость, тут же исчез в берёзовой кроне. Вдогонку за ним пронеслась озорная ватага таких же пернатых, безуспешно пытавшихся перекричать друг друга.

Накачавшись вдоволь на берёзовых листочках, душа, напевая звонкую песенную мелодию, полетела вдоль зелёной аллеи в сторону паркового озера. Здесь молодые мамы гуляли со своими детьми, некоторые малыши сладко спали в открытых колясках. Седая морщинистая старушка отламывала кусочки хлеба и бросала их в воду, кормя уток. На середине озера пара лебедей кружила хоровод любви. Мальчишки бросали в воду камешки на спор – у кого будет больше отскоков.

Душа так увлеклась, утонув в потоке эмоций, что не заметила, как беспощадное время съело минуту. Потом другую. ...Прошёл час. ...Ещё...

Вечерело.

Дневное светило, сваливаясь от усталости за горизонт, уже с трудом цеплялось за верхушки деревьев. Его отражение ярко-оранжевым масляным пятном растеклось по водной глади.

Становилось прохладнее.

Люди покидали парк.

* * *

День завершился.

Надвигающиеся сумерки проглотили солнечный блин, густо обмакнув его в сахарный сироп паркового пруда. «Пора возвращаться», – подумала душа. Она легко проскользнула между кронами засыпающих деревьев. Вот и знакомая голубая скамейка. Кажется, здесь.

Лавочка была пуста...

Лишь у её правого края одиноко стояла знакомая тёмно-коричневая трость.

Душа резко метнулась вдоль парковой аллеи, тревожно осматривая каждую скамейку.

Пожилого мужчины не было...

Нигде.

Вязкие сгустки тьмы лениво растеклись по осиротевшему парку. И холодная ночь накрыла пространство плотным чёрным покрывалом...

Падал жёлтый лист

Падал жёлтый лист.

Он падал и думал: как же коротко лето. И как быстро оно закончилось. Как неожиданно налетели колючие ветра холодной дождливой осени. Как мгновенно падение. И как скоротечна жизнь.

Падал жёлтый лист.

Его не съели прожорливые гусеницы. Не иссушил жестокий июньский зной. Не оторвал ураганный ветер разбушевавшейся в середине лета стихии.

Его миновал страшный лесной пожар: огонь остановили свежеевырытый ров и тёплый июльский ливень. А лесорубы не тронули дерево, оставив материнское растение на краю вырубki.

И все жизненные неурядицы обошли его стороной.

Падал жёлтый лист.

Наверное, он был баловнем судьбы. Проклюнувшись из клейкой бурой почки в светлый день тёплого мая, он удивлённо взглянул на

окружающий мир. А вокруг среди реликтовых сосен и вековых кедров просыпался лиственный подлесок. И кипело буйными насыщенными красками безграничное пространство таёжного леса. Ярко-оранжевые жарки, жёлтые первоцветы, красно-розовые и фиолетовые легочницы-медуницы обильно декорировали зелёное полотно одиноких полянок. Важные напыщенные глухари деловито осматривали прошлогодние брусничники. А желтощекий уж лениво лежал на солнцепёке, разогревая кровь, остывшую за долгую сибирскую зиму.

Осмотревшись и осознав радость бытия и молодости, лист оптимистично развернул плечи, затёкшие от скрюченной спячки в почечной капсуле, и пошёл в неудержимый рост навстречу новому дню, теплу и солнцу мощным нарастающим крещендо.

Падал жёлтый лист.

Он рос на самой верхушке высокого дерева. Здоровым и сильным. Его ласкало и нежило доброе солнце, вливая жизненную энергию Космоса в каждую клеточку юного организма. Раскрашивая богатой зеленью хлорофилла и превращая лист из слабого бледно-зелёного младенца в уверенного крепыша.

Беспорно, он был красавцем и выгодно выделялся среди подобных ему. С ровным выверенным силуэтом. Классическими формами. Яркий представитель своей породы.

Падал жёлтый лист.

Налетевший порыв ветра чуть-чуть приподнял его. И вселил надежду. На мгновение ему показалось, что сейчас он вернётся. На прежнюю высоту. В прежнюю жизнь. В тёплое и беззаботное лето. Окажется на своём привычном и любимом месте. На самой верхушечке большого раскидистого дерева. Где неиссякаемый солнечный океан омывал его своими ласковыми водами, разбрызгивая живительные флюиды тепла и счастья. Где был бесконечный праздник. И где молодые и весёлые листочки шелестели дружным хором под аккомпанемент радостного ветерка. Напевая жизнеутверждающий гимн: всё, что зелено и молодо и растёт изо дня в день неудержимо.

Но в прошлое не возвращаются. Никогда.

И ветер не вернул его в прежнюю жизнь, а лишь на мгновение приподнял ввысь. Сыграв короткий ностальгический этюд воспоминаний и возбудив несбыточные мечтания. Но земное притяжение вернуло в реальность.

И падение продолжилось вновь.

Падал жёлтый лист.

А ведь когда-то он был высоко. Очень высоко. Не где-то там, на нижних ветвях. И даже не в середине густой раскидистой кроны. А именно на верху. На самом верху огромного мощного дерева. Где было больше всего тепла и света. И откуда было видно всё.

И он гордо смотрел вокруг. И снисходительно вниз.

Падал жёлтый лист.

И чем выше ты когда-то находился, тем больнее твоё падение. Но боль возникает не от удара о землю. Она появляется в глубине тебя. Ещё до столкновения с земной поверхностью. От осознания того, что ты обязательно упадёшь. От понимания неотвратимости этого. От твоей тупой опустошающей беспомощности. И это невыносимая, внутренняя боль.

Намного сильнее приближающейся физической.

И чем дольше ты падаешь, тем больше находишься в состоянии раздумий и размышлений. А изнуряющая, выматывающая, непреходящая, гнетущая хроническая боль убивает твою волю.

И медленное кружение в хороводе листопада с неизбежностью завершения этого осеннего танца только усугубляет твоё тяжёлое состояние.

Падал жёлтый лист.

Он оторвался от родительского растения и покинул место своего обитания одним из последних. Не в конце лета, при первых ночных заморозках. И даже не в начале осени, когда начались холодные затяжные дожди. Он переждал первые атаки наступающих холодов и успел порадовать своей нарядной ярко-жёлтой окраской таёжные просторы в короткие тёплые дни бабьего лета. Он стойко выдержал непрерывные разрывные удары шквальных ветров поздней осени. И настойчивые притязания мокрого липкого снега, обильно разбавленного дождевой влагой.

Друзья-листья давно его покинули. Даже очень близкие. Которые когда-то были рядом, на соседних ветвях. Оставив одного. Не выдержав тяжёлых испытаний. А он упрямо сопротивлялся. В гордом одиночестве. И не рассчитывал на чью-либо помощь.

Но вдруг, как-то сразу, постарел. В одночасье. Превратившись в жалкое сморщенное подобие гербарного экспоната. Слабых старческих сил оказалось недостаточно, чтобы сохранять свою прежнюю позицию. Оторвавшись от верхушки дерева, он покинул родное место. И ушёл. В своё последнее, несвободное падение.

Падал жёлтый лист.

И вот он упал.

И теперь лежал в грязной мутной луже. Среди разных листьев и листочков. Причудливых форм и очертаний. Различных размеров. Некогда таких же сильных, как и он когда-то. И слабых, еле обозначивших своё существование в этом мире. Жёлтых, бледно-жёлтых и ярко-жёлтых. С разными оттенками и изъясными. Бурых и даже красных. И былые заслуги здесь не учитывались. Пространство лужи было распределено между ними случайным образом.

Жёлтый лист ещё видел кусочек светлого голубого неба, неуверенно пробивающегося через тёмные дождевые облака, но уже слышал чьи-то приближающиеся шаги, хлюпающие по прокисшим осенним лужам.

Вот и всё.

Ботинок случайного прохожего смачно втоптал его в мутную грязь.

Толстая рифлёная подошва уничтожила индивидуальность.

И земля уравнила всех.

Анжела БЕЦКО

Чемодан без ручки

Из книги «Облака во рту»

Ту-дух-ту-дух, ту-дух-ту-дух, ту-дух-ту-дух...

Электричка другой песенки и не знает. В вагон входят тяжёлые мокрые люди: трудно оставаться лёгким и сухим, когда на улице льёт как из ведра. Вода струится с плащей, зонтиков и сумок, и под ногами, мерно покачиваясь, едут лужи и останавливаются вместе с электричкой. Тшшшшшшш...

На коротких остановках пассажиры меняются: одни – выходят, другие – заходят. Состав лениво трогается, колёса снова стучат на стыках рельсов, и лужи едут дальше, в девочкин город. В большой луже-море у девочкиного сидения-суши плавают огромная тётенькина сумка-корабль. Только тётеньке нет дела ни до моря, ни до суши, ни до корабля, будто этот пейзаж она видит каждый день. Тётенька всю дорогу без умолку трещит в самое мамино ухо, мама всю дорогу ни капельки не помнит про девочку, а девочка всю эту же дорогу сидит рядом и теребит рукав мамино плаща. Мамины мысли заняты этой грустно трещащей тётенькой-стрекозой, и даже мамин плащ стал неродным и колючим...

– А ты? – с надеждой спрашивает девочкина мама.

– А уж я для него... – вздыхает Грустная Стрекоза. – И коня на скаку, и в горящую избу...

– Да-а-а... – с усмешкой тянет девочкина мама. – Как говорится, до своей смерти она была жива и носила с базара мягкие бублики... А он?

– А он не носит... у него две левых руки... он и гвоздь вбить не может...

Девочка внимательно смотрит на свои руки. Кажется, у неё всё в порядке: одна – левая, другая – правая.

– А ты?

– А что я?.. Сама ношу, сама вбиваю!

И девочка живо представляет себе Грустную Стрекозу с гирляндами ароматных бубликов на шее и молотком в руках.

– А он?.. Небось, пьёт?

– В том-то и дело, что нет... – как-то с сожалением вздыхает Грустная Стрекоза. – И даже не курит...

– Мда... Лучше бы пил... Ой, правду говорят: боясь непьющего – или больной, или сволочь... А детки-то... детки-то есть?

– Ваши билетки! – откуда ни возьмись вырастает до потолка рыжий усатый контролёр.

Девочкина мама долго роется в сумочке и наконец находит пропажу:

– Вот.

Контролёр берёт мамин билет и маленьким дырокольчиком с большим удовольствием делает в нём дыру.

– Девочка с вами?

– Со мной...

– Сколько девочке?

– Пять... завтра будет... – густо краснея, тихо шелестит девочкина мама.

– С завтрашнего дня девочке положен детский билет! – контролёр строго поджимает губы и поднимает указательный палец вверх.

– Да-да... – растерянно кивает девочкина мама. – Я знаю...

У девочки слова застревают в горле. Она пытается что-то сказать и даже открывает рот, но мама делает ей страшные глаза, и девочкин рот закрывается как-то сам собой.

– Совесть – лучший контролёр! Ваш билетик! – обращается усатый дяденька к Грустной Стрекозе.

Она протягивает ему свой картонный билет. Контролёр радостно выгрызает в нём серединку и растворяется в глубине вагона...

– Дочка у меня... – продолжает Грустная Стрекоза.

– А сколько дочке?

– Как вашей... пять...

Девочка опять по-рыбьи открывает рот, но мама незаметно прижимает палец к губам, и девочкин рот снова закрывается.

– Любишь его? – в мамином голосе слышно страдание.

Грустная Стрекоза пожимает плечами.

– А ты не слушай взрослые разговоры! – спохватывается девочкина мама. – Смотри в окно!

Девочка утыкается носом в окно: и ничего там нет, кроме дырявого неба, цедающего воду, танцующих под дождём мокрых деревьев и провисших до земли проводов... А как не слушать, когда слова сами заползают в уши, когда электричка вместо своего «ту-дух-ту-дух, ту-дух-ту-дух, ту-дух-ту-дух...» стройно выводит мамино «а-ты-а-он, а-ты-а-он, а-ты-а-он...»...

– Привычка, наверно... – вздыхает Грустная Стрекоза. – А как красиво ухаживал! Прямо посреди улицы так и плюхнулся на колени в лужу: «Выходи замуж – и всё!»... и колечко из пиджака достаёт... золотое...

– Ухаживают они краси-и-иво... – о чём-то о своём вздыхает девочкина мама. – А что свекровь?

– На стороне сына. А он от мамкиной юбки отлипнуть не может.

– А свёкор?

– Свёкор в семье как торшер в комнате: кто за верёвочку дёрнет, тому и светит...

– Без мужика в наше время тяжело... – вздыхает девочкина мама. – Кто тебя с дитём возьмёт, а?.. Что ты, особенная?.. Все так живут...

«Прилетит вдруг волшебник в голубом вертолёте и бесплатно покажет кино...» – от скуки мурлычет себе под нос девочка.

– Не прилетит... – качает головой девочкина мама. – Карлсоны только в книжках бывают...

И во внезапно наступившей тишине три пары чутких ушей, не сговариваясь, пытаются уловить далёкий рокот вертолёта или тоненькое весёлое жужжание моторчика, но вместо этого ясно различают монотонное «ту-дух-ту-дух, ту-дух-ту-дух, ту-дух-ту-дух...».

– Чемодан без ручки: нести тяжело, а бросить жалко... – с болью вырывается у девочкиной мамы. – Хоть бы глазком на него взглянуть...

– А встречать будет... Сумка тяжёлая. Самой не дотащить... – отзывается Грустная Стрекоза.

– Запомни, ты у себя одна...

Электричка медленно подплывает к пустому перрону. Девочка при-

липает к окну и глазам своим не верит: солнце! Большое, оранжевое и ленивое. Ещё сонное и помятое, со следами от подушки на щеках, рас-трёпанное и смешное, со сладким молочным запахом снов.

– Приехали. Выходим, – мама берёт девочку за руку.

Разноцветная людская толпа выливается на перрон и плывёт к тоннелю, ведущему в город. Девочкина мама и Грустная Стрекоза еле тащат сумку-корабль, а девочка, смешно морща нос и щурясь на солнце, вприпрыжку скачет рядом.

– Ой! – врезается девочка в мягкую стену и отскакивает от неё резиновым мячиком.

– Ай! – отзывается «стена».

Над девочкой возвышается дяденька: на носу – очки, в руках – развёрнутая газета.

– Нашёл время для газеты! Лучше помощи... – бросает недовольный взгляд на дяденьку Грустная Стрекоза.

Дяденька аккуратно складывает газету, кладёт в карман пиджака и берёт сумку:

– Ого, как нагрузилась!

И все вместе плывут с толпой в сторону тоннеля. Девочка с любопытством разглядывает незнакомого дяденьку.

– А я всё про вас знаю!

– Что «всё»? – улыбается дяденька.

– Всё!.. Что вы в луже с кольцом сидели...

– В какой луже?

– Большой. Вот тако-о-ой! – девочка широко разводит руки в стороны.

– С каким кольцом?

– Золотым!

– Когда?..

– Когда-когда... Когда лужи бывают. В дождь!

Дяденька выразительно поглядывает в сторону Грустной Стрекозы.

– А что ты ещё знаешь? – обращается он к девочке.

– Что у вас две левые руки! – выкладывает она очередной козырь.

– Не может быть! – дяденька ставит сумку на асфальт. – А ну давай проверим!

Он вытягивает обе руки и вертит ими перед девочкиным носом:

– Ну что скажешь?..

Сказать нечего: руки как руки, обыкновенные. Одна – левая, другая – правая.

– А про руки ты откуда взяла? – допытывается дяденька.

– Ваша тётенька в электричке сказала, – смотрит девочка на Грустную Стрекозу.

Лицо Грустной Стрекозы белеет как тихий утренний бульвар в свежесвыпавшем ночном снегу.

– А что ещё тётенька в электричке говорила?

Дяденька упирается взглядом в совсем побелевшую тётеньку, и дяденькин левый глаз заметно дергается.

– Что вы че-мо-дан!.. Чемодан без ручки!

И девочка, вполне довольная собой, скачет вокруг остолбеневшего дяденьки. И тут не выдерживает девочкина мама:

– Вы извините... Ребёнок всё-таки... Она у меня девочка с фантазией...

– И ничего не с фантазией! – застывает на одной ножке девочка. – Вы это сами говорили!..

– Ну что ты!.. Как можно такое говорить?! – делает страшные глаза девочкина мама.

– Говорили! Говорили!.. Я всё слышала... – хмурит брови девочка. – И мне никаких не пять! Мне уже целых шесть!.. Я большая... я тоже билет хочу!..

Предательские слёзы наворачиваются девочке на глаза, к горлу подступают рыдания, и чтобы никто не видел этой сиюминутной слабости, она срывается и бежит вперёд, с силой врезаясь в толпу.

– Ну фантазёрка!.. – усмехается девочкина мама. – Это ж надо такое придумать... шесть лет!

Портрет с бантиком

– Пора запечатлеться! – сказала девочкина мама, однажды вечером вернувшись от соседки Гали.

– Для чего? – поинтересовался девочкин папа, на секунду вынырнув из телевизора.

– Для истории! – важно ответила мама, подняв указательный палец вверх.

Этот жест означал решительность, а говорить нерешительно девочкина мама не умела, и если она что-то решила, так тому и быть!

– А-а-а... – протянул папа и на весь остаток вечера снова нырнул в телевизор.

Девочкину комнату было не узнать: шкаф перебрался на кровать, стул, стол и даже немножко прилёг на пол. «Надевай... повертись... улыбнись... снимай... надевай... повертись... улыбнись... снимай... не зевай... надевай...» – командовал парадом генерал, как две капли воды похожий на девочкину маму, а девочка надевала, вертелась, улыбалась, снимала и зевала: детское время кончилось и пора спать. Утром следующего дня, аппетитно позавтракав, девочка с папой наблюдали за тем, как ловко мама управляет сначала с утюгом, потом с девочкой и папой, а позже, закутавшись в пальто и шубки, шарфы и шарфики и нахлобучив тяжёлые шапки, все вместе отправились запечатлеться для истории. Весёлое солнце играло с воробьями, ребята (кто – на лыжах, кто – на санках) летели с горы, и на улице, как обычно, пахло свободой и праздником.

– Только платью не изомни! – строго сказала мама девочке на автобусной остановке. – В автобусе придётся постоять.

Нет ничего скучнее, чем ехать автобусом, наблюдая происходящее внутри, и не иметь возможности взглянуть, что делается снаружи. Пейзаж занимательней натюрморта уже потому, что никогда не кончается. Автобусные окна в пушистом инее, и ты скребёшь ногтем и терпеливо дышишь, и на окне появляется луночка, к которой припадаешь одним глазком, но увиденное в ней, искажаясь и мельтеша, имеет так мало общего с реальным, что тебе ничего не остаётся, как выдумать собственный мир. Смотреть в эту лунку примерно то же, что вглядываться в калейдоскоп: цветные стёклышки каждый раз ложатся по-новому, рисуя неожиданные узоры. Совсем скоро твой мир затягивается ледком, и ты снова скребёшь и дышишь, дышишь и скребёшь. Но сейчас к окну нельзя: надо беречь платью.

– Приехали! – произнесла девочкана мама, и все вышли из автобуса.
– Оплачиваем, раздеваемся, расчёсываемся, – заученно затараторила кассирша в холле фотоателье, не взглянув на посетителей. – Что заказываем?
– Три парадных портрета! – торжественно сказала девочкана мама.
– Так... с вас... двадцать три рубля семьдесят копеек, – как по клавишам пианино забегали быстрые пальцы по кнопкам горбатого кассового аппарата. – И зеркало в вашем распоряжении. Будете готовы, скажете.
– Сейчас... сейчас завяжем бантик... – рылась в сумочке девочкана мама. – Сейчас завяжем... бантик... бантик... где лента?... лента где?..
Девочка пожалала плечами.
– Ох! – плюхнулась на диванчик у зеркала мама. – Я ж её утюжила и на столе забыла...
– А утюг выключила? – вскочил с диванчика девочкин папа.
– Да выключила... выключила... Но какое это теперь имеет значение... Мамино лицо отражало всю печаль мира.
– Готовы? – выпрыгнула кассирша из своей будочки и распахнула незаметную дверь рядом с диванчиком. – Проходим!
Девочка заглянула в соседнее помещение с высоким потолком.
– Ого! – удивилась она огромному солнцу и большому зонту. – У вас и дождь бывает?
– У нас всё бывает, – улыбнулся фотограф. – Всё, как у всех: и дождь, и снег, и радуга.
– А дождь когда?
– Когда дети плачут.
– А снег?
– Когда на фотографа исподлобья смотрят.
– А радуга?... А-а-а... знаю-знаю!.. Когда смеются!
– Молодчина! Какая сообразительная у вас девочка! – ещё шире улыбнулся фотограф и взглянул на девочкину маму.
– Бывает... – отмахнулась она.
– Идёт коза рогатая за малыши ребятам, ножками – топ-топ! глазками – хлоп-хлоп!.. – заговорил фотограф, показывая девочке «козу».
– Я не маленькая! – отрезала девочка.
– Да-а-а?... Ну тогда садись во-о-от на тот высокий стул!
Фотограф повернулся к девочкиной маме:
– Что будем делать?
– Три парадных портрета.
– Парадных?
– Ну да! Глянцевых, красивых таких... Я вчера у соседки Гали ваши портреты видела.
– Что-то не припомню, чтобы я вашей соседке свои портреты дарил.
– Какой вы непонятливый! Не ваши портреты, а ваши работы, – уточнила девочкана мама.
– Уже теплее, – снова улыбнулся фотограф. – И как вам мои работы?
– Одобряю, – кивнула девочкана мама. – Поэтому мы здесь.
– Рад. Давайте работать. Кто первый?
– Начнём с простого – с мужчины! Садись, – кивнула мама девочкиному папе.
На папу и в самом деле ушло не больше трёх минут.

– Кто следующий?
– Я... – робко отозвалась девочкана мама. – Но я ужасно нефотогенична.
– Не бывает нефотогеничных женщин – бывает мало плёнки, – засмеялся фотограф. – Но в нашем ателье с плёнкой полный порядок!
– Надеюсь, – поджала губы девочкана мама.
– А вы какие портреты хотите: большие или маленькие?
– Маленькие.
– Тогда вам нельзя улыбаться, – снова засмеялся фотограф.
– Не смешно! – отрезала девочкана мама.
– Раз-два-три-четыре-пять – не моргать!.. ещё разок попробуем... отлично... спинка прямее... смотрим на меня... и с тенью мерцающей полуулыбки... ну просто Мона Лиза... смотрим вверх... правая рука у подбородка... хор-р-рошо... теперь глазки вниз... левая рука касается волос... ага... улыбаемся чуть ярче... замечательно... и снова руки... нет, у вас не руки – у вас крылья!.. ну чистый лебедь... прекрасно... следующий!
– А со следующим проблема, – тут чистый лебедь вдруг превратился в девочкину маму.
– Какая проблема?
– Бантик забыли... – с тоской в голосе отозвалась она.
– Какой бантик?
– Красивый!
– Для чего бантик? – всё больше запутывался фотограф.
– Какой вы недогадливый!.. Для девочкиного портрета!
– А-а-а... – протянул фотограф. – Так это не проблема. Будет вам бантик!
– Вы и с бантиком сможете? – встрепенулась девочкана мама.
– Легко! Вам какой надо?
– Красивый!
– Ну это само собой. Я про цвет спрашиваю... Про материал... Капроновый? Атласный?
– Капроновый. Красивый. Пышный.
– А цвет?
– М-м-м... А с цветом вы сами разберитесь... Какой к платицу подойдёт. Ладно?
– Ладно. Бантик будет в лучшем виде, но через месяц. Очень много заказов! – чиркнул большим пальцем себя по щеке фотограф. – И всем надо срочно и только в этом месяце! Будто в следующем увековечиться будет поздно... Так, пока я не забыл, записываю: портрет девочки с бантиком... Готово!.. Ну-с, ребёнок, поехали!
– Ага! – обрадовалась девочка.
– Улыбайся и смотри сюда. Сейчас... вылетит...
– А вот и не вылетит! – возразила девочка.
– Да-а-а?... – удивился фотограф. – А ты откуда знаешь?
– Эти сказки малышам рассказывайте, а я уже скоро в школу пойду! – нахмурилась девочка.
– Идёт! – улыбнулся фотограф. – Тогда скажи: почему объектив круглый, а фотографии получаются прямоугольные, а?
– Когда пойду, тогда узнаю. И вам скажу, – очень серьёзно ответила девочка. – А у вас фотоапарат умный?

– Не «фотопарат», а «фотоаппарат», – поправила девочка́на мама.
– А фотопарат вас слушается? – продолжи́ла девочка́.
– Говори правильно! – занервничала девочка́на мама.
– А фотопарат меня красиво снимет? – никак не унималась девочка́.
– Упрямый ребёнок! Растёт на лес глядя! – сдвинул брови девочка́нин папа.

Девочка замолчала и вдруг как-то сникла. Она опустила голову и свесила со стула ноги.

– Устала? – огорчённо спросил фотограф. – Понимаю...

Девочка смотрела на всех исподлобья. И, кажется, в фотостудии начался снегопад.

– Ещё каждая сосиска из себя колбасу строит! – буркнул под нос девочка́нин папа.

– Ой, чуть не забыла! – оживилась девочка́на мама. – Вы нам сразу портреты делайте.

– Как это сразу?.. Так не бывает, – стал объяснять фотограф. – Сначала нужно посмотреть контрольные снимки, и если вам понравятся, сделаем портреты.

– Понравятся-понравятся! – закивала девочка́на мама. – Некогда мне к вам бегать. И с работы не отпустят. Говорю же: у соседки ваши портреты... ой... то есть ваши работы видела... понравятся! Даже не сомневайтесь!

– Ну смотрите... – улыбнулся фотограф.

– Ага, – снова кивнула девочка́на мама. – Только бантик не забудьте!

– Будет бантик! Всё, как договорились... А чек на минутку можно?

Девочка́на мама протянула чек. Фотограф сунул в него нос:

– Бантик будет... Но за отдельную плату... Вы заплатили за портреты, а за бантик доплатите при получении заказа... Да-да, с доставкой на дом... В вечернее время... Через месяц.

– Этого следовало ожидать! Только бы мимо кассы! Только бы честных людей обманывать! – всю дорогу домой возмущалась девочка́на мама. – Хапуга! Халтурщик!

– Ну почему сразу халтурщик? Галины портреты похожи? – пытался войти в ситуацию девочка́нин папа.

– А ты хотел, чтоб за такие деньги люди себя не узнавали?! – не унималась девочка́на мама. – Три портрета – ползарплаты!

– Ну допустим, не ползарплаты. А если и так, вторая половина полностью в нашем распоряжении, – успокаивал маму девочка́нин папа.

Тут наконец подошёл автобус, и все сели и поехали. Мама с папой ещё долго говорили о своих взрослых делах, а девочка́на радовалась, что её не замечают, и можно ногтем скрести морозное стекло, и дышать на окно, и, прижавшись лбом, разглядывать в луночку свой мир, цветной и хрупкий, как стёклышки в калейдоскопе.

– А когда мы мне калейдоскоп купим? – заёрзала на сидении девочка́на.

– Купим-купим, – отмахнулась мама. – На день рождения.

– Ура... – грустно выдохнула девочка́на.

До дня рождения нужно было снова жить без калейдоскопа ещё целых шесть месяцев.

Обещанный фотографом месяц прошёл в томительном ожидании, и в один из вечеров, когда оно стало совсем невыносимым, в дверь позвонили.

– Я открою! – бросилась к двери девочка́на мама.

На пороге стоял фотограф с потёртым портфелем в руке.

– Извините за поздний визит. Ну очень много заказов! – привычно чиркнул себя фотограф пальцем по шее. – И всем надо не завтра, а вчера!

Он рылся в портфеле, доставал разноцветные прямоугольные папки с номерами и снова засовывал их в портфель и вдруг воскликнул:

– Любуйтесь!

Девочке тоже захотелось любоваться, и она подошла ближе. Фотограф распахнул папку с портретами. С первого в полуулыбке и синем платье с вырезом лодочкой, в причёске, серёжках, помаде и духах на девочку смотрела мама, со второго в коричневом строгом костюме, нежно-розовой рубашке и новеньком лиловом галстучке в клетку в девочку вглядывался папа, с третьего на девочку исподлобья глазела... девочка́на.

– Это не наша девочка! – всплеснула руками девочка́на мама.

– Как это не ваша? – опешил фотограф.

– Не наша – и всё тут!

– Та-а-ак, давайте разбираться, – он внимательно посмотрел сначала на девочку, потом на портрет. – Лоб девочки?

– Девочки.

– Подбородок девочки?

– Девочки.

– Уши девочки?

– Девочки.

– Так почему это не ваша девочка?

– Платье не её! – выпалила девочка́на мама.

– Портрет – это не сходство, а настроение! Все фотографии точны, но ни одна из них не является правдой! – по-ораторски задрав голову и подняв указательный палец вверх, громко провозгласил фотограф.

Повисла тишина.

– А бантик где?.. – шёпотом вдруг спросила девочка́на мама.

– А это что?.. – ткнул фотограф в девочка́нин портрет.

По углам портрет был схвачен красной капроновой лентой в белый бархатный горох, а в нижнем углу справа сидел симпатичный бантик.

– Так я ж на голове просила... – руки девочкой мамы медленно поползли вверх. – Вот тут... – она дотронулась до своей макушки. – Вот такой... – сложила она ладони полукругом и водрузила себе на голову огромный воображаемый бант.

– Не-е-ет... это не бант... Это целая корона! – выдохнул фотограф. – Это не ко мне... это вам в другую сказку надо... А тебе нравится? – посмотрел он на девочку.

Она радостно закивала.

– Устами младенца, как говорится, – улыбнулся фотограф. – А с вас ещё трёшка... за бантик!

«Странные эти взрослые, – рассуждала про себя девочка́на, – не всё ли равно, где окажется бантик, когда его оставили дома...»

Сергей ЛУЦКИЙ

Течение

Рассказ

Менять русло Река стала задолго до появления на рыбоучастке Олега. Дембель восемьдесят второго года, он завербовался на рыбоучасток, чтобы заработать на мотоцикл, и уже тогда Река подмывала старую чёрную контору, а противоположный берег был низкий и плоский, словно по нему долго елозил бульдозер. Это Река отступала в одном месте, чтобы рушить берег в другом. Противоположный берег пустым, однако, не был, он давно превратился в заливные луга, а по краю порос тесным тальником, но ощущение скучного голого простора оставалось. Легко верилось, что когда-то там текла вода и плавали чебаки, сорога и щуки.

Олег осваивал немудрящую профессию рыбака, пил водку с другими вербованными, среди которых встречались недавние зеки, которые как-то его порезали, и он почти два месяца пролежал в районной больнице. После случившегося мечту об «Иже» пришлось забыть – тяжело работать Олег больше не мог, пить тоже. Его поставили на женскую должность – приёмщиком рыбы, появилось свободное время, и Олег стал задумываться о вещах, которые раньше не приходили в голову.

Это уже при нём рухнула в воду старая контора, большими глинистыми пластами обваливался высокий берег, особенно в половодье, которое в здешних местах приходилось на июнь и захватывало часть следующего месяца. Потом наступила очередь ледника, тот погибал медленно, вкривь и вкось висели над обрывом ещё крепкие бревна с ошмётками слежавшегося тёмного мха. Видеть это было неприятно.

– А и хрен с ним! – говорил бондарь Киндинов, замечая Олегов взгляд. Когда не было работы, они сидели на лавке у бондарки и курили, отгоняя дымом комаров и мошку. Из помещения остро, скипидарно пахло свежими заготовками для бочек, от оставшегося после половодья озерца слышались ломкие голоса. Там горел костёр, возле него, сунув руки под мышки и зябко подняв плечи, грелись выскочившие из воды пацаны в обвисших мокрых трусах. В Реке здесь не купались: слишком холодная.

– Чего его жалеть, ледник этот, теперь у нас морозильная камера на пять тонн. Мало мы жили с кабанамися рвали? Считай, одной пердячей силой, техники никакой. Тебе не пришлось, а мне – эге!.. Теперь-то чего, теперь нормально, теперь до нас прогресс дошёл.

Кабанамися называли прямоугольные глыбы льда в тонну-полторы весом, их раньше пешнями выдалбливали в зимней Реке. Потом хитрыми приёмами вываживали из воды, чтобы погрузить на сани и отвезти в ледник, в котором рыба хранилась летом до того, как её забирали на рыбозавод на переработку. Рассказы об этом и многом другом, что было прежде, Олег слышал не только от бондаря, но и от рыбаков.

В рассказах было немало удивительного. Соль, говорили, помогала поддерживать в леднике нужную температуру. А чебаков и щук, чтобы не теряли в весе, покрывали ледяной глазурью, окуная для этого в воду. Ещё раньше, когда не было рыбозавода, копали большие садки и выпускали туда летний улов, чтобы зимой взять его неводом и отправить в Тобольск

или даже Тюмень обозом... На рыбоучастке и рядом в деревне с интересным названием Рябинки шла жизнь, которую ни во время службы, ни тем более в доармейские годы Олег даже представить не мог. И это тоже казалось удивительным.

На мотоцикл он всё же накопил, однако для этого пришлось работать несколько сезонов. Но в конце концов купил не его, а лодку и мотор «Ветерок». Когда денег собралось достаточно, Олег вернулся было в родной посёлок на Тамбовщине, но там ему показалось как-то тесно и многолюдно, от чего он на Севере отвык. Большинство друзей женилось, холостые каждый день пили, и мечта гонять по широким пыльным улицам на «Иже», которая за годы после армии и без того потускнела, теперь вовсе сошла на нет. Недолго погостив у родителей, поскучав во время застолий (не пил), он вернулся на рыбоучасток и у одного рябинковского мужика купил моторную лодку. Тайная жизнь Реки притягивала его, хотя Олег этого толком ещё не осознавал.

Бензин в середине восьмидесятых стоил копейки. Запасаясь несколькими канистрами, Олег на десятки километров поднимался вверх или спускался вниз по течению, побывал в редких деревнях и объездил все окрестные старицы, по-местному соры. Странно было думать, что Река текла когда-то здесь, а не там, где течёт сейчас. Олег пробовал понять, отчего так происходит, что заставляет её менять русло, какие неизвестные силы направили течение возле Рябинок на высокий и, казалось, несокрушимый берег, но у него не получалось.

– Хе, запросто! – отвечал бондарь Киндинов, с которым Олег сошёлся ближе, чем с другими мужиками. – Нефтяники песок для своих кустов намывали? Намывали. А где его взять? Карьер, что ли, открывать, дорогу отсыпать, самосвалами возить?.. Ага, сейчас – из реки! Бросили трубы – и вперёд! Стрежень поменялся, стал бить в наш берег. От стрежня вся вшивость, говорю тебе. Не нарушили бы – всё нормально сейчас было бы!

Такое объяснение казалось Олегу слишком неинтересным, пресным, что ли. В нём не было сумеречной жизни ям с родниками, в которых собиралась во время заморов рыба, завихрения глубинных струй, выходящих на поверхность полированным неслышным бурлением, равнодушной мощи воды, неспешно двигавшейся с востока на запад.

Олег спрашивал:

– А раньше почему? Стариц вон сколько. Тогда, наверно, и люди здесь ещё не жили, а река менялась, текла по-другому.

Бондарь на секунду опускал голову, растирал сапогом бычок, потом стремительно вскидывал глаза:

– Охота тебе мозги сушить? Молодой парень, а стариковским делом занимаешься, думаешь-гадаешь! Лучше пошли сегодня к Марго, она двоих за раз принимает.

Киндинов был лысый, с курчавящимися над ушами остатками полуседых волос, однако оставался завзятым ходяком. Прилепи ему рожки – настоящий сатир, которого в детстве Олег видел в книжке древнегреческих мифов. Марго, бабёнка со щербатым ртом, была известна в Рябинках любвеобильным нравом. Имя у неё такое было или просто кличка, никто точно не знал, разве что в сельсовете.

– Или ты свою Кирилловну боишься? О, та накустыляет, мало не покажется. Рука у неё – ого! Всё остальное тоже, – Киндинов подмигивал,

азартно подавался вперёд. Он сел на любимого конька, сбить с которого было невозможно.

– Чего мне её бояться?

– Это ты кому другому расскажи! Не захочешь, такая сама оприходуется. С голодухи небось зубы сводит. После октябрьских третий год пошёл, как мужик у ней утоп... Было у вас, нет?.. Нет? Ну и дурак! Жизнь-то идёт, – Бондарь на секунду за-молчал, пытливо смотрел на Олега. – Или ты на её Женьку глаз положил?.. А чего, нормально, только молодая. Гляди, за малолетку срок схлопотать можно!..

У Валентины Топорковой, которую из-за комплекции звали по отчеству, Игорь стал снимать угол, когда после больницы ушёл из общаги. Она работала на рыбоучастке засольщицей, без труда ворочала полные бочки, её дом стоял на берегу Реки, чем Олегу сразу понравился.

Возле него в ледоход собирались рябинковские мужики, курили, переговаривались и смотрели вверх по течению, прикидывая, скоро ли очистится вода. Настроение передавалось Олегу, он тоже смотрел на Реку, слушал разговоры, шуршание и лёгкий звон касающихся одна другой льдин, и внутри у него начинало мелко дрожать. Будто и он больше полугода ждал этого времени, и ему тоже предстояло спускаться на воду лодку и куда-то плыть. Олег не только купил моторку, но и обзавёлся ружьём и сетями на стерлядку, которая заходила из Оби. Ружьё и сети купил в основном для того, чтобы не говорили, что своими поездками вверх и вниз по течению мается дурью.

Часто он брал с собой Валерку, сына Кирилловны. Серьёзному этому подростку, отличнику местной школы, тоже нравилась долгая езда вдоль поросших тальником берегов или «материка» с кондовыми остроконечными елями и кудрявыми кедрами, мимо вдающихся в Реку светлых отмелей (по-местному песков), среди намытых течением недолговечных островов. Олегу казалось, Валерка тоже думает о тайной жизни Реки, приводящей к переменам. Как и он, помнит о ней даже тогда, когда они стреляют уток на старицах, ставят на дальних песках стерляжьи сети, а в половодье пригоняют к Рябинкам подмытые Рекой деревья, чтобы затем, когда большая вода спадет, распилить и топить зимой печку.

Похоже, смерть ушедшего под неокрепший лёд вместе с «Бураном» отца не сделала Реку враждебной для Валерки. Смущаясь, он называл реки важными транспортными артериями, дорогами жизни, особенно в давние времена. Так было написано в учебнике. В самом деле, как ещё связаться между собой людям, если болота и леса намертво отрезали населённые пункты друг от друга, словно запирали на замок. А ни железных дорог, ни обычных тогда ещё не было, самолётов и вертолётов тем более. Только по рекам. Транспортные артерии, дороги жизни.

В горбачёвские годы нефтяники организовали в Рябинках подсобное хозяйство. С продуктами становилось всё хуже, рабочих же на месторождениях надо было кормить. Платили в подходе нормально, и многие рыбаки и засольщицы перешли туда, стали работать скотниками, доярками или на свиноферме. Тем более что рыбоучастку оставалось недолго: Река подмывала уже новую контору, подбиралась к бондарке и морозильной камере.

Над обрывом повисли крайние венцы склада, из которого пришлось забрать сети, запас соли и остальное. Всё чаще тяжёлые пласты высокого, на

вид вечного берега с грохотом рушились в воду. По ночам это напоминало далеко разносившиеся пушечные выстрелы. Рыбозаводское начальство вместе с райисполкомом планировали берегоукрепительные работы, составили даже смету, но наступили времена, когда стало не до того.

– Что деется, что деется... – слабым голосом сокрушалась свекровь Кирилловны, коричневые мешки под её глазами тряслись. Старуха давно болела, в основном лежала, целыми днями слушала радиоточку, транслирующую съезды народных депутатов и другие перестроечные передачи. Смотреть недавно купленный чёрно-белый телевизор она не могла, жаловалась, что кружится голова. – В наши годы и не за такое ссылали. Тогда попробуй слово скажи, враз к чёрту на кулички упекут. А сейчас...

Олег улыбался:

– Дальше на Север, что ли?

– А что ты думаешь, тятину семью из-под Увата сослали, тоже не на юга. Тятя говорил, бьют и плакать не дают...

Старуха с паузами, передыхая, принималась рассказывать, как было раньше. Рябинки назывались Юртами Рябинковскими, до спецпереселенцев здесь жили одни ханты. Воровства не было, вместо замков прихлопывали к двери батожок, дескать, никого дома нет. Продавать за деньги рыбу, кедровый орех или ягоду принято не было – давали так, в другой раз ты мне дашь. Спецпереселенцев записали в колхоз, выращивали всё, даже пшеницу. Работать приходилось тяжело, но жили неплохо, чтобы голодать, этого не было.

После войны жизнь снова переменялась. Колхоз распустили, на Севере, дескать, невыгодно, открыли рыбоучасток. Ничего, люди приспособились и к этому. А то не приспособишься, когда детей растить надо, самим жить? Чего эти по радио сейчас кричат? Каких таких перемен им нужно? Главного не переменяешь, что ни случись, а жить надо. Уж как казалось тяжело, когда тятину семью разорили, в дикое место сослали, а жили... Старуха замолкала, настораживалась.

– Чего это? Опять рушится?

Олег отрывался от дела, на несколько секунд застывал тоже. Но чтобы обваливался подступавший к дому Топорковых берег, слышно не было.

– Показалось.

– Какой показалось! У меня каждый раз внутри прыгат. Говорю Валерке, раскатывай избу, перебирайся отседова, пока не поздно. О Валерке и Женьке подумай, сама ещё не старая!..

Олег чинил сети, вполуха слушал хозяйкину свекровь, поглядывал в телевизор – и чувствовал себя странно. В доме будто зависло, напластовалось время. Старуха с коричневыми подглазьями, жившая, когда ещё не было его родителей; сам он, двадцатипятилетний молодой мужчина, живущий сейчас; что-то другое, новое, которое за бревенчатыми стенами обещала подмывающая берег Река. В одном и том же доме сети, которые чинили и двести, и триста лет назад. И недавно появившийся в Рябинках телевизор. И то неизвестное, что ещё только в начале, в самом зародыше, но к чему вела вся предыдущая жизнь.

Удивительно. Странно.

В доме последнее время часто переругивались. Кирилловна подворывала в подходе комбикорм, свекровь, обнаружив в кладовке новый мешок, принималась выговаривать. Передвигалась она медленно, держась за стены, тёмные подглазья резко выделялись на бледном лице.

– Ты чего себе думаешь, ведь посадят!
Хозяйка лениво огрызалась:
– Ага, уже идут за мной, суши сухари... Чем поросёнка кормить?
– Взять бы да купила. Совесть у тебя есть?
– Совесть? – Кирилловна выпрямлялась. – Это ты у других спроси насчёт совести. Ты тут лежишь, что творится кругом, не знаешь. Да что с тобой говорить!.. – хозяйка замолкала, продолжала заниматься домашними делами.

Старуха жаловалась Олегу:
– Раньше ничего такого не было. Ну пару чебаков домой принесёт, так это можно. Сейчас-то чего? Ведь посадят, мешками таскают. Чего деется, чего деется...

На новое место дом перевезли в год, когда Олег стал жить с Женькой. Женька была младше брата, рослая приветливая девчонка, она хорошо пела, и когда несколько лет назад в окружном центре открыли школу-интернат для одарённых детей, её пригласили туда. «Не пуццу, – отрезала Кирилловна. – Скурвится». Ездившие по сёлам женщины из отборочной комиссии были в шоке: так говорить о дочери... «Ребята будут под приглядом, не беспокойтесь. Ничего такого мы не допустим». – «Пусть дома остаётся. Пусть в клубе поёт».

Олега, когда брала на квартиру, Кирилловна сразу предупредила, чтобы держался от Женьки подальше. «Чего это я буду к ребёнку приставать?..» – Олег смотрел отчуждённо. «Ты не будешь, зато она слишком ласковая. В общем, гляди мне».

Женьке было пятнадцать, когда Кирилловна застала её с Олегом в бане. Однако ни кричать, ни бить дочь обтрёпанным и оттого особенно хлётким берёзовым веником не стала. «Ну чего будем делать?.. Жить с ней будешь?» Олег закинул ногу на ногу, прикрывая тёмный треугольник паха. «Выйди, дай одеться». Женька, конечно, глуповата, но девчонка хорошая, ему нравилась. В принципе, можно жениться. Кирилловна сразу из бани не вышла, постояла, глядя то на Олега, то на дочь: «Ладно. Мне заботы меньше».

К разобранному и перевезённому с берега дому сделали пристройку из новых брёвен, в ней и стали жить молодые. Расписывать их в сельсовете (по-новому в сельской администрации) отказались, свадьбы Кирилловна тоже делать не стала – незадолго до этого умерла свекровь. Говорить-то перенести дом старуха говорила, однако сама на новом месте прожила недолго. С ней словно ушло время, в котором она жила. По крайней мере ни от кого о сороковых, а тем более о тридцатых годах Олег рассказов больше не слышал. Та жизнь куда-то исчезла, растворилась, как лёд на Реке в июне, а нынешняя, казалось Олегу, стала плоской, скучной, лишилась сокровенной глубины.

Женька продолжала ходить в школу, Олег же устроился линейным обходчиком на трубопровод, который качал куда-то попутный нефтяной газ. Рыбоучасток к тому времени закрыли, рыбозавод тоже не работал. Его то ли приватизировали, то ли обанкротили, толком никто не знал, слухи ходили тёмные. Слова «рыночная экономика», «ваучер», «дивиденды», «общечеловеческие ценности», которые без устали повторяли радиоточка и телевизор, стали привычными.

На свой пост Олег ездил на лодке. Можно было вместе с другими обходчиками каждые две недели (работа была вахтовая) летать на вертолёт-

те, но он предпочитал своим ходом. Возвращаясь к деревне, пристально смотрел на высокий берег. С воды обрыв выглядел особенно внушительно. На первый взгляд менялся мало. Изрезанный дождевыми стоками и мелкими глинистыми осыпями, он казался освежёванным боком огромной туши, цветом напоминал старый подкожный жир. Нависавший сверху дёрн походил на остатки шкуры. Окончательно сползли в воду последние строения рыбоучастка, обрыв подбирался к росшей выше кедровой гриве.

Всё, казалось, было как две недели назад, но Олег знал: впечатление обманчиво. Так кажется, что часовая стрелка стоит, и нужно время, чтобы заметить её медленное упорное движение. С каждым летом обрыв всё больше входил в материк, а пески противоположного берега всё очевиднее вдавались в Реку, образуя зарастающий тальником мыс. Там появлялась своя жизнь. Несмотря на близость деревни, мыс облюбовали ондатры, а летом там гнездились речные чайки халеи, они с истошным криком пикировали на проезжающие лодки. Одна жизнь теснила другую.

Ликвидация подхоза вызвала в Рябинках намного больше эмоций, чем то, что закрыли рыбоучасток. В начале девяностых нефтяники перестали в подхозе нуждаться – в страну в изобилии пошли продукты из-за границы. Нефтяники не мелочились: подхозовский скот, технику и строения передали тем, кто решил стать фермером. Было много крика, женских слёз, рушились давние дружбы. То, что раньше дремало в людях, полезло наружу. Доходило до драк и стрельбы. Один из свежее испечённых фермеров захватил гараж с тракторами и другой техникой и стрелял в каждого, кто пытался подойти. На уговоры не поддавался. Пришлось вызывать из города ОМОН.

– Интересное, говорю тебе, время! Главное, сопли не жевать, соображаловкой шурупать!.. – Киндинов звучно плёпал себя по лысине и смеялся. Как раньше в разговорах о женщинах, он азартно подавался вперёд, подмигивал. – Такой шанс раз в сто лет бывает. Думай, голова, думай, шапку куплю!.. – и опять хлопал себя по лысине и смеялся.

Киндинов одним из первых оформил фермерство, предлагал Олегу вступить в долю. Но тот не захотел. Как и на рушащийся берег, он предпочитал смотреть на происходящее с расстояния. Если очень близко подходить, смазывалась картина, глаз цеплялся за мелочи. Да и опасно было подходить слишком близко. В новогоднюю ночь, подперев снаружи дверь, Киндинова сожгли вместе с домом. Обуглившийся труп невозможно было узнать. Поджигателей не нашли, да и не особенно искали. Времена действительно наступили интересные.

– Ты вот чего, – сказала однажды Кирилловна. – Долго ещё Женька яловой ходить будет? Сделай ей ребенка.

Олег озадаченно посмотрел на тещу. К её прямоте он привык, но здесь было что-то ещё.

– Так ведь учится, выпускной класс.

– С ребёнком у неё хоть забота появится. Не то что сейчас.

Кирилловна после подхоза долго не могла устроиться, в деревне работы не было. И лишь недавно стала летать на дальнее месторождение, её взяли в столовую посудомойкой. Женька оставалась дома одна, Валерка второй год учился в институте и приезжал домой только на выходные. Кирилловна что-то недоговаривала.

Олег стал забирать жену с собой на пост. Но там ей было скучно, она просилась обратно в Рябинки. Как-то он взял у напарника широкие охот-

ничьи лыжи подволоки и, отмахав по заснеженной Реке десятка полтора километров, неожиданно заявился домой. Женьку он застал с одноклассником. Избив обоих, зло допытывался у жены:

- Потерпеть две недели не могла? Этот салага лучше, что ли?
- Он динамичный, – закрываясь подушкой, всхлипывала Женька.
- Что? – от неожиданности Олег остановился. – Это какой – динамичный? Лучше как мужик, что ли?
- С ним интересно. Ты старый.

Оказалось, одноклассник был у Женьки не единственный. В отсутствие Олега в их пристройке побывали и другие рябинковские ребята. Жить после этого с Женькой Олег не захотел. Он уехал в город, стал снимать комнату. Жалко было оставлять лодку, старицы, Реку с её таинственной жизнью, но ловить на себе насмешливые взгляды тоже не хотелось.

Потом было ещё много всего. На какое-то время Олег даже уезжал на родину, но жить там не смог. В конце концов опять вернулся на Север, подкапывал денег и поступил на дорогие курсы слесарей по ремонту КИПиА. По окончании курсов побывал едва ли не на всех нефтяных месторождениях, объездил автономный округ вдоль и поперёк. Уже за тридцать женился на медсестре с ребёнком, вскоре у них родилась дочь, которую они в честь погибшей в авткатастрофе английской принцессы назвали Дианой.

Однажды бригаду командировали на ближнее от Рябинок месторождение. По пути обратно Олег попросил вертолётчиков посадить его в деревне. Река заметно приблизилась к Рябинкам, наступала. На улицах появились светильники. Потеснив тайгу, выросло несколько новых, обшитых металлопластиком домов. Вышка релейной станции была унижена ретрансляторами мобильной связи. На улицах почти никого не было видно, а те, кто встречался, Олега не узнавали. Наверно, потому, что к своим сорока пяти он располнел и стал носить очки от дальновзоркости. Вместо рыбоучастка и подхоза новых производств в Рябинках не появилось, но люди продолжали как-то жить, деревня существовала.

Заходить к Кирилловне Олег не стал, хотя её дом нашёл сразу. Возможно, Женька до сих пор жила с матерью, а встречаться с ней не хотелось. Он вышел к Реке. Чистое заснеженное пространство раскинулось в обе стороны. Синели редкие следы «Буранов».

Насколько берег продвинулся в глубь материка, судить было трудно – полную картину скрадывал снег. Тальник на той стороне стал ближе, а это значило, Река продолжала менять русло. Но внешне выглядело всё спокойно, даже умиротворённо. Жизнь и здесь, в деревне, несмотря ни на что, устраивалась, разве что становилась другой, непривычной только для тех, кто в Рябинках долго не был, а для остальных примелькавшейся, обыденной. Однако думал об этом Олег уже спокойно.

Елена МАЙСЮК

Сказка о девочке и драконе

«Посвящаю сей труд моему другу Саше, который заставил меня на спор писать сказки и вообще начать заниматься творчеством, а не поточным производством текстов».

Жила-была в Окрестностях Большого Мира одна маленькая девочка. Правда, некоторым она виделась старушкой в чёрной или оранжевой шали; некоторым – обворожительной девушкой с длинными локонами и зовущим взглядом, а некоторые называли её мамой. Но сама девочка так и не привыкла к тому, что её зовут мамой, к тому, что у неё есть чёрная шаль, и к тому, что мужчины оборачиваются, когда ветер треплет её волосы под летним дождём.

Из дома девочки выходили в Окрестности Большого Мира пышногривые лошади с заштопанными ранами; улыбающиеся женщины, которые несли на руках сытых детей; аисты со свёртками; присмирившие драконы; рыцари с новыми кинжалами, и был даже один депутат Госдумы, который покаялся и ушёл в монастырь.

Все думали, что девочка счастлива, потому что ей говорят хорошие слова. Но она сама ходила за водой к лесному ручью у старой мельницы и потому знала правду: люди не любят тех, кто видел их слабыми. Радовали девочку только аисты, когда они возвращались за новыми свёртками, и ещё один старый дракон.

У дракона было сломано крыло, и он не мог летать. Он был последним представителем своего рода и знал, что никогда не увидит своих детей в небе. Он был покрыт шрамами внутри и снаружи и потому понимал девочку. Старый дракон никого не боялся в Окрестностях Большого Мира, он мог смотреть в глаза и старикам, и Маре, а ещё он не боялся носить бирюзовый ошейник, который ему подарила девочка.

Старый дракон мог бы убить девочку одним ударом крыла или лапы, но она точно знала, что он этого не сделает. Потому что он сильный и знает об этом. А сильные не убивают просто так.

Они встречались у ручья возле старой мельницы. Она садилась на старый изношенный мельничный жёрнов, он клал ей на колени свою лысую голову и рассказывал о дальних странах, где побывал, когда мог летать. Он не рассказывал маленькой девочке о своей подруге, которую много лет назад убили охотники. Они поймали их двоих, молодых и счастливых, и долго мучили её. Он пытался испепелить их, и с тех пор утратил возможность выдыхать огонь. Он сам бился, как огонь на ветру, и его били, изуродовали ему морду, сломали спину и крыло. И всё равно убили его подругу. А он смог вырваться и сбежать в Окрестности Большого Мира.

Дракон не говорил об этом девочке, но она читала об этом по его шрамам, и тоже ничего не говорила. Она рассказывала дракону об аистах и пышногривых лошадях, и они вместе радовались тому, как прекрасен мир.

Лесной ручей слушал их разговоры и уносил в Окрестности Большого Мира, в Дикий Лес и к Дальним Горам. И все слушали и замирали

от ужаса и красоты. Потому что верили: у такой сказки не может быть плохой конец.

Не так устроен Мирок, чтобы сказки о девочках и драконах кончались плохо.

Маленькая девочка тоже много чего не рассказывала дракону, но в этом и не было нужды. Всем известно, что драконы – существа волшебные, и могут читать в человеке даже больше, чем сам человек о себе знает. Дракон не спрашивал, почему девочка одна штопает раны больным лошадям, сама ходит за водой к ручью; почему она не боится драконов и откуда она берёт новые кинжалы для уставших рыцарей.

Он знал, что людям, как и драконам, тоже больнее переносить те шрамы, которые зарастают в душе, а не на шкуре. Дракону казалось, что девочка ничего не боится, ведь много раз, когда они сидели и разговаривали, к ней то на руку, то на ногу заползали ящерицы, пауки, мышата, и была даже одна резвая змейка, которая гналась за мышонком и в прыжке за ним случайно оказалась на плече у девочки. Но девочка только сбросила змейку на траву и погрозила ей пальцем, а мышонка отпустила в норку под старым жёрновом.

Но один раз, когда дракон рассказывал о тёплых морях, девочка закричала от ужаса. Дракон вскочил, как в молодости, и увидел, что к реснице девочки прилипло маленькое пёрышко белой совы. Оно спустилось со старой осины, где часто в шкуре белой совы любила сиживать и слушать рассказы девочки и дракона старая ведьма из Окрестностей Большого Мира.

– Это же просто пёрышко! – сказал дракон.

– Мне показалось, что умер ангел, – тихо сказала девочка.

Дракон шумно выдохнул. Он очень испугался – ведь раньше ни разу девочка так не кричала. И на выдохе неожиданно для себя выпустил маленькую струйку огня. Того самого, которым драконы обычно оберегают своих любимых от врагов.

– А говорил – не умеешь! – прошептала девочка. Её не испугало даже, что от этого выдоха вспыхнуло и исчезло то самое пёрышко.

– Не умею... не умел... вспомнил! – так же тихо удивился дракон.

– А я раньше петя умела, – сказала девочка дракону. Она сунула свою кудрявую голову ему под сломанное крыло, и дракон увидел, как охотники бьют девочку. Не те же, что били его, но очень похожие. Он пытался закрыть глаза, чтобы не видеть, но понимал, что глаза и так закрыты – он просто смотрит в память девочки. Потом она лежала на берегу лесного ручья, и кровь из разбитой головы уходила вниз по течению вместе с жизнью. Волосы сплетались с водорослями, и демоны Чёрной Мары уже шли по камышам за девочкой. Дракон увидел, как белая сова летела низко над водой, страшно кричала и собирала жителей Окрестностей Большого Мира, чтобы они помогли девочке встать.

А она, придя в себя, пыталась что-то им сказать, но только страшно хрипела.

Над лесным ручьем тихо спускалось белое пёрышко.

Дракон выдохнул ещё раз, и видимо от страшной картинке снова пыхнул огнём. Вытащил когтём девочку из-под крыла и облизнул её слёзы.

– Они больше не смогут, – сказал дракон.

Когда дракон и девочка встретились в следующий раз, он протянул девочке свой старый коготь. Вы же понимаете, что все живые существа время

от времени сбрасывают шкуру? Собаки линяют, олени меняют рога, кошки точат когти. Вот и у драконов, как у кошек, иногда слазит старый коготь.

– Что это? – спросила девочка. Коготь был тёплым и с полкой стороны забит речным камнем.

– Там огонь. Обычный драконий огонь. Если тебе ещё раз будет угрожать опасность – вырви камень и направь струю в охотников. Огонь сам с ними разберётся.

Шли дни. Девочка и дракон привыкли к тому, что дракон снова может выпускать огонь. Они даже начали вместе обедать. Дракон приносил мясо, и они ели его вдвоём. Но дракон любил живую кровь, а девочка всегда жарила свои маленькие кусочки на огне. Она собирала сухие ветки яблони и можжевельник, кидала на старый жёрнов, дракон разжигал огонь, и девочка жарила на нём свои кусочки. В дубовом ведре она носила воду из ручья, кидала туда травы, дракон огнём нагревал камни, кидал их острым когтём в ведро – и у них получался настоящий чай.

Как-то раз с осины к ним в шкуре белой совы спустилась старая ведьма и попросила угостить её мясом. Дракон и девочка протянули ей свои кусочки мяса.

Старая ведьма долго жевала жареный кусочек, потом живую кровь, потом с удивлением смотрела на девочку и дракона.

– Вы из разных миров, почему вы едите одного и того же оленя?

– Мне неважно, какого вида мой друг, – пожал крыльями дракон. – Может, важно, что каждый из нас – один такой в своём роде. Я последний дракон в роду, а она – последняя человеческая ведьма, которая не умеет превращаться. Нам двоим есть о чём печалиться.

– Люди же дружат душами, даже если некоторые из них – драконы, – повторила девочка. – И нам двоим есть о чём мечтать.

Как-то раз дракон не пришёл в то время, в которое они обычно виделись. Время это было всегда разное, но они оба чувствовали, когда шли навстречу друг другу. Сейчас же девочка пришла к старой мельнице, но не почувствовала, что дракон идет к ней навстречу. Более того – она почувствовала где-то внутри звенящую чёрную пустоту. Подняла глаза на сову и сверкнула карими глазами:

– Что случилось?

– Гнался за оленем, сорвался в пропасть, лежит весь в ранах, зовёт Мару. Тебя не зовёт.

– Покажи, где его искать!

– Он не зовёт тебя, девочка.

– Тогда покажи мне Мару. Она же пойдёт за ним?

Сова словно окаменела.

– Тебе? Живому человеку?

– Я буду презирать тебя до самой смерти и всем буду говорить, что ты предала дракона. Ты же понимаешь, что он не хочет умирать. Он просто боится жить. Веди меня к нему!

Сова тяжело снялась с осины и полетела насколько возможно медленно, чтобы девочка успевала за ней. К вечеру они добрались до пещеры, где обитал дракон. Он лежал на подстилке из соломы и от жара не понимал, что происходит.

– Вы кто и что вам надо?

Девочка молча поставила своё ведро с водой у входа. Разложила дро-

ва, кинула туда большие камни. Опустила в ведро принесённые с собой целебные травы.

– Сможешь зажечь огонь? Или мне высечь его из камня?

– Ты здесь зачем?

– Я пришла сказать тебе, что я тебя не отдам. Ни Маре, ни демонам, ни злым людям, ни злой памяти. Им придётся забрать нас двоих. И эту пушистую тварь тоже, – кивнула она на сову, которая придурковато свесила голову, глядя на ведро с травой.

Дракон улыбнулся, пыхнул огнём, и в пещере стало светло. Два демона Мары, стоявшие под огромной елью на опушке, отпрыгнули глубоко в лес. Зашипели, нагреваясь, камни.

– Отвар ты будешь пить, а травы я приложу к ранам, – сказала девочка.

– Тебя потеряют в Окрестностях Большого Мира.

– Меня теряли много раз, но почему-то не очень печалились...

Дракон молчал и боролся с мыслями. Он уж собрался уйти туда, где его ждали все, кто был ему дорог в последние сто лет и кто уже давно ушёл с Марой и её подручными за Тёмную Реку. Он ждал, что его будут кусать муравьи, что волки и мыши начнут грызть остывающее тело, что случайные охотники обрадуются такому трофею и срежут с него крылья и понесут на продажу... Но что человек придёт спасти его от Мары – дракон не рассчитывал.

– Видимо, я плохо знаю людей, – тихо сказал он. – Если человеку со светлой душой много раз делали больно, он будет стараться не сделать больно другим. А чёрные люди, которых обижали, будут стараться уможить в мире зло. Вы, люди, очень разные.

Всю ночь девочка, кутаясь в оранжевую шаль, прикладывала к ранам дракона распаренные травы. А на рассвете, когда выпала роса и солнечные звёзды рассыпались по траве, упала в изнеможении на солому. Дракон тяжело вздохнул и осторожно придвинул её к себе когтём:

– Иди сюда, женщина. Спи.

Он накрыл её крылом, как одеялом, и уснул тихим сном выздоравливающего существа. Девочке, обёрнутой драконьей шкурой, было тепло и спокойно.

Она не спала так очень-очень давно – так, чтобы не волноваться о росе, времени, пауках и змеях, которые могут заползти в постель. Ей было хорошо.

Проснулись они вечером. Костёр потух, но в пещере было тепло. Девочка и дракон сели на пороге пещеры и молча смотрели в ясное чёрное небо.

Звёзды падали медленно и часто, так что желания можно было загадывать не переставая.

– Август, – сказала девочка.

– Хорошо, когда тепло, – отозвался дракон. – Летом Мара не так лютует.

– Хорошо, когда Мара, – тихо сказала девочка. – Хуже, когда человек живой, а ведёт себя так, как будто умер.

– Меня тоже много раз предавали, – вздохнул дракон. – Больно. Но это значит, что были друзья. Были. Потому что чужие предать не могут. Только близкие. И чем ближе тебе душа – тем больнее она может тебе сделать.

– А потом ты покрываешься толстой шкурой, или чёрной шалью, говоришь всем, что ты дракон или ведьма, и никого не пускаешь в душу. Потому что устаёшь от боли...

Сова поёжилась на соломе и угукнула.

– Давай её съедим! – озорно сверкнула глазами девочка.

– Это зачем?! – возмутилась сова.

– Хоть полетаем...

– Шли бы себе на утёс да летели... Не космодром, конечно, но полёт ощутите даже на одном крыле.

Через несколько дней, когда ссадины на драконьей шкуре затянулись волшебным быстро, девочка спросила:

– А ты на самом деле пробовал летать с утёса на одном крыле?

Дракон кивнул. Иногда на него накатывала такая тоска, что он шкурой ощущал, как те, что ушли с Марой за Тёмную Реку, стоят за его спиной, смотрят невидимыми глазами и ждут к себе.

В одно такое особенно тоскливое ветренное утро дракон забрался на утёс над рекой, что огибала Мирок, и прыгнул вниз. Решил, что сейчас его судьба должна зависеть не от него. Как ветер вынесет.

А ветер помог расправить, как получилось, оба крыла, и дракон, как кленовый самолёт, шлёпнулся в речную стремнину. Выплыл и понял: полётом это не назвать, но и падением тоже... И потом ещё несколько раз пробовал летать... Иногда рядом летела сова и хохотала так жутко, как это умеют делать ведьмы, которые могли бы сделать счастливыми всех, но не хотят, потому что тогда им будет неинтересно...

– Я хочу с тобой! – сказала девочка. – Мы же всё равно упадём в воду? Я умею плавать.

Дракон не стал ей перечить, потому что как может отговаривать от полёта тот, кто сам любит летать? Но попросил очень внимательно посмотреть вниз с утёса и предупредил, что он не сможет держать её во время полёта – держаться придётся самой, иначе не хватит силы крыльев.

– Ничего, – сказала девочка, забираясь на здоровое крыло. Вздохнула так, что дракон остановился и понял: надо выслушать это ДО полета.

– Ты спрашивал меня – почему у меня в доме нет человека? Ну... не спрашивал... думал... Смотри: я сижу на твоём крыле на утёсе. Ты знаешь всех жителей Окрестностей Большого Мира. Скажи, кто из них сейчас мог бы сидеть на твоём втором крыле? Сова не в счёт. Ну? То-то же...

– Могла бы сидеть дома, вышивать зайчиков, печь хлеб, не ходить дальше двора, – улыбнулся дракон. – И был бы у тебя человек.

– На привязи нельзя держать ни дракона, ни ведьму – тогда они возвращаются. Закроешь – не к добру. А вышивать я умею. И печь тоже.

И они полетели – страшно, криво, цепляя первые желтеющие листья, которые речные русалки, играя, выбрасывали вверх. Дракон летел, уже привычно ловя потоки воздуха, а девочка повизгивала от восторга, потому что до этого в Мирке никому ещё не удавалось взлететь так высоко.

– Ты же хочешь пить! – повернул к ней голову дракон. – ПОЙ!

Недолго, но он слушал голос счастливого человека, который летел там, где редко кому удаётся побывать из людей. Однако больное крыло дало о себе знать, и дракон постепенно снижался. Приближаясь к воде, они увидели, что их неумолимо выносит на стоянку охотников.

– Ты понимаешь, что сейчас будет? – спросил дракон у девочки. – Беги, я для них более ценная добыча.

– Вопрос спорный, – улыбнулась девочка. – У меня есть кинжал и твой подарок. И я точно знаю, что стоять надо спиной к спине.

Сова фыркнула, развернулась и куда-то унеслась.

Охотники, отоспавшиеся после ночной попойки, явно не сразу поверили своим глазам: с неба на них упала ценная добыча в виде дракона и красивой девушки. Их было больше десяти человек, и они не сомневались, что справятся с обоими.

Девочка скатилась со спины дракона, поднимаясь, сорвала с пояса драконий коготь с огнём и выпустила его в первого, кто приблизился к ней. Охотник страшно закричал и закрыл лицо руками, а огонь перекинулся с него ещё на двоих.

– Ведьма кусается! – крикнул кто-то.

Девочка выхватила нож и прижалась к драконьей спине. Он выпускал струйки огня, стараясь экономить запас. Пока ему удалось напугать только собак, которые с визгом удирали через реку.

– Не убивай! – прошептал дракон. – Женщина не должна убивать. Это неправильно!

– Я очень постараюсь тебя не послушаться. Но боюсь, другого выхода не будет.

– Пристрелим или будем живыми брать? – спросил у друзей, перезаряжая ружьё, один из охотников, явно из главарей, седой и бородатый. – Ручная такая зверюшка дорого стоит.

– Ты про ту, что с крыльями, или про ту, которая забыла, какой она породы? – заржал другой.

Над рекой раздался крик совы. Обернулись все. Через реку толпой ломились на помощь жители Окрестностей Большого Мира – люди, лошади, зайцы, единороги, айсты и даже один депутат Госдумы в монашеском одеянии. Они плыли на лодках, брёвнах, люди цеплялись за гривы коней, кто-то скинул в воду старые ульи и плыл, держась за них. Охотники замерли.

– Это что за группа поддержки? Это нам теперь год можно не охотиться? Шкура единорога почём нынче на чёрном рынке?

Но шутка повисла в воздухе, когда на речном откосе зашевелился высокий молодой ивняк. Из солнечного луча потянуло могильным холодом. День сгустился в одной точке до сумрака, и в почерневшем зелёном ивняке встала сама Мара в окружении демонов.

Дракон прижал девочку к себе, закрыл крылом и склонил голову.

– Если бы в мире не было предательства, боли и теней – никто бы не ценил верность, наслаждение и свет, – сказала Мара. – Но иногда боли становится слишком много. Это возмущает даже меня. Неужели вы не видите, что убиваете без необходимости? Неужели вы не понимаете, что я имею право поступить с вами так же?

Переправившиеся жители Окрестностей Большого Мира стояли на берегу, опустив лица и стараясь не смотреть на Мару. А охотники один за одним падали на песок бездыханными.

– Идите! – кивнула Мара дракону и девочке. – Я не умею давать жизнь. Я могу просто её не забирать. Цените то, что у вас есть. Будьте счастливы хотя бы этим. Я и так забрала у вас всех, кто был готов.

Ивняк сомкнулся, и на том месте, где стояла Мара, чудесным образом осталось белое пёрышко. Жители Окрестностей Большого Мира смотрели на девочку и дракона с ужасом и восхищением, а они не знали, что им сказать.

– Плывите уже обратно, – обратившись в старуху, командовала Старая Ведьма. – Что там у девочки дома – кто-то может доглядеть? А то она потерялась совсем...

На землю опускалось солнце, а девочка и дракон стояли посреди реки на острове и пытались осознать всё, что с ними произошло.

Потом они сидели в пещере, ели мясо и кормили сову, которая тоже устала, но доложила, что дома всё в порядке.

– Это ты позвал Мару? – спросила девочка.

– Может, и звал, но она же не щенок – не прибегает по первому зову.

– Очень хотел. Зачем?

– Хотел быстрой смерти нам обоим. Да и жить незачем. Радости нет. Когда встаёт солнце, видишь то же, что и вчера. В душе серая мгла. А все, кого бы хотел видеть – не с тобой. Разве что ты иногда напоминаешь мне о радости.

– Обычно ты чувствуешь, как радость приносят другие люди. Дети. Друзья. Но на самом деле это не так. Если радости нет внутри – не поможет ни солнце, ни полёт, ни Мара. Даже за Тёмной Рекой будешь несчастен.

– Кто-то меня сторонится, кто-то хочет дружить только ради того, чтобы использовать мою силу, кто-то считает, что мы слишком разные даже для того, чтобы дружить. Да, дети – это отлично, но я последний в своём роду.

– Мне очень жаль, что ты последний в своём роду, – тихо сказала девочка. – Но жизнь так устроена, что я не смогу тебе помочь, даже если бы захотела.

Сова угукнула, повернула голову вокруг себя и закуталась в белый пух.

– Вы же в сказке! Здесь всё может быть. Здесь может быть красиво, больно, необычно, и даже дети человека и дракона могут быть.

– В сказке не бывает больно.

– В сказке бывает очень больно. И очень страшно. И даже предатели водятся. Всё отличие сказки от жизни в том, что в сказке всегда всё хорошо кончается.

И Старая Ведьма поведала дракону и девочке о волшебном цветке папоротника, который цветёт раз в году и исполняет желания. Чтобы у девочки и дракона появился ребенок, Ведьма надрежет дракону жилу так, чтобы из неё медленно, по каплям текла кровь. Кровь будет течь по руке девочки и капать в цветок папоротника, на который укажет ведьма. Цветок как раз сегодня должен распуститься, и ведьма знает, где есть поляна с папоротником поблизости от пещеры.

– Ещё один шрам? – возмутилась девочка. – Он и так весь изрезанный...

– Если бы только один, – ухмыльнулась Старая Ведьма.

– О нет, я против! Послушай, женщина! – неожиданно сказал дракон тем тоном, каким обычно говорил со своей погибшей подругой – в те дни, когда ещё не знал, что она погибнет. Сказал по-драконьи, по-хозяйски, так, как будто вокруг них висела стена огня, и они, прячась за этой стеной, могли спорить о чем угодно – потому что это был их и только их спор. – Ты разве не знаешь, что вас, людей, драконья кровь обжигает так, что слазит кожа? Ведьма хочет, чтобы наша кровь смешалась. А я считаю, что боли в этом мире и так достаточно!

Девочка подняла глаза и почесала дракону шею под бирюзовым ошейником.

– Есть боль безысходности. От неё плачут чаще всего. Есть боль недуга. От неё плачут дети и слабые. А есть боль, которая ведёт к счастью. Ты же будешь со мной рядом?

Дракон смотрел на неё своими голубыми глазами и думал, что боги, когда творили мир, шутили: часть человеческой души они дали драконам, чтобы те убивали не каждого человека, а часть силы драконов отдали людям, чтобы те могли владеть землёй и не бояться Мары. Потому что жизнь и любовь сильнее боли и смерти.

– Вы должны будете стоять над цветком папоротника от восхода луны и до того времени, пока из-за горизонта не появится первый луч солнца, – сказала Старая Ведьма. – Вы готовы?

Девочка кивнула, дракон вздохнул, Старая Ведьма взмахнула ножом. Дракон обнял девочку здоровым крылом и прижал к себе. Прижал так сильно, что она не могла упасть, даже когда ноги подкашивались от боли. Они стояли, обнявшись, пока Окрестности Большого Мира были покрыты тьмой. Они тихо плакали вместе, пока по небу рассыпались звёзды, а потом снова исчезали в кармане зари. Дракон что-то шептал девочке на ухо и слизывал её слёзы кончиком языка.

Капли тяжёлой драконьей крови смешивались с яркой струйкой человеческой, сочившейся из-под сожжённой кожи, и падали на цветок папоротника, который становился всё больше и больше, и в сумраке было видно, что он то ли дышит, то ли шевелится.

А когда солнце резким летним лучом ударило из-за горизонта и Старая Ведьма, фыркнув, обратилась в сову и спряталась на дереве, дракон и девочка посмотрели на цветок папоротника.

Там среди помятых лепестков и сгустков крови лежали два человеческих детёныша – мальчик и девочка. В сумраке казалось, что это обычные дети. Но когда девочка взяла их на руки, то удивилась силе сказки: на спинах детей были свёрнуты мягкие, но прочные драконьи крылья.

– Сами-то вы уже вряд ли нормально полетите, – прохотала Старая Ведьма с дерева. – А вот дети ваши смогут подняться в небо. И вас поднять.

С утренних лучей сыпались солнечные звёзды, сжигая капли росы. Пышногривые лошади и единороги проходили рядом с цветком папоротника, кланялись новой жизни и уходили куда-то далеко, в рассвет...

– Дети с крыльями – это ангелы или демоны? – прошептала девочка. Она ждала ответа от Старой Ведьмы, но ответил дракон:

– А вот это уже зависит только от нас...

Олег ЯНЕНАГОРСКИЙ

А завтра он станет верным...

Не буди лихо, пока тихо...

Русская пословица

Всё началось как в анекдоте о блондинках. Ну вы помните это: сидят две студентки, разговаривают о ядерной физике и видят, что парни идут. «Стоп, – шепчет одна другой, – они приближаются, давай о гламуре...». Это я сейчас могу чуть подшучивать над собой, а долгое время мне было очень тошно... Но время лечит всё – даже любовь и обиды. Тогда же я была готова поверить во всё и всему...

Это краткие отрывки из моих «Не ежедневных заметок» – я почти ничего не правила (только опечатки убрала да запятые расставила) – пусть будут... как тогда сложились...

Омский железнодорожный вокзал, полгода назад...

Предрассветные часы я проводила в зале ожидания на втором этаже омского железнодорожного вокзала. Так уж получилось, что кроме поезда, прибывающего ночью, я не могла сюда ничем добраться, а рабочий визит мог состояться только после 10 часов утра. Мест в вокзальной гостинице не было, а искать что-то в городе я не решилась. Где-то в другом конце зала громко бухтел телевизор, металлические скамейки были неудобны, но дорожная усталость одолела, и я провалилась в ту зыбкую полуявь-полудрёму, в которой сны смешиваются с объявлениями вокзального радио, теленовостями и разговорами соседей. Примерно через полчаса, полуочнувшись, я прислушалась к разговору двух молодых женщин. Думаю, что я и проснулась именно от того, что какие-то слова задели подсознание. Блондинка с жаром рассказывала своей крашенной под шатенку подруге.

– А я сама заходила на сайт «Приворот-ген». Вот смотри, специально скачала и распечатала рекламу: «Приворотное зелье – это не бабкины сказки, а продукт генной инженерии исчезнувшей цивилизации атлантов. Рецепты хранились тысячелетиями, но только современные достижения западной науки позволили воспроизвести действующие препараты». Там куча отзывов тех, кому помогло – все эти козлы становились верными после одного применения. Есть и комменты мужиков... как они своих неверных привязали, те потом на других парней даже не смотрят. Где находится производство, никто не знает – всё жутко засекречено, но рассылка идёт почти изо всех европейских столиц. 30 евро, две недели ожидания и всё – мужик больше никуда не денется...

– Да ерунда всё это, – отвечала рыжая, – XXI век, а ты о приворотах! Рекламщики за бабки втюхают тебе всё что угодно – от рецепта вечной молодости царицы Клеопатры до последних достижений академии атлантов, записанных на лазерные диски за три дня до Великого потопа...

Диктор объявил о прибытии скорого поезда Тынды – Москва, и женщины, подхватив багаж, заторопились к выходу.

Моя квартира, пять месяцев назад, вдох и выдох...

После услышанного на вокзале сразу после возвращения домой я принялась шарить по интернету, благо безлимитка позволяет хоть сутками

сидеть за компьютером. Собранная информация действительно давала надежду на «успех моего безнадежного дела». Дело в том, что я любила и люблю его, но «мой интимный друг» и «бойфренд» (я-то его считаю почти мужем, а он уже несколько лет «не мычит не телится», ну в смысле жениться не хочет), думает, что всё и так хорошо.

И ещё – нет у меня уверенности в его верности... хотя вроде бы и поводов для ревности нет. Нет, к «бабкам» и прочим «экстрасенсорам» не ходила и не пойду. Не то чтобы я совсем ни во что не верила (что-то всё-таки есть), но как верующая христианка не хочу даже в шутку «баловаться магией» – покарает Господь за грехи наши! Другое дело – медицинские препараты или пищевые добавки – это уже наука! Ну только не надо мне про двоеверие рассказывать и про то, что православие за тысячу лет не смогло победить в нас язычество, прикрывшееся научной терминологией. Я сама кому хочешь про это рассказать могу. Одним словом, в науку я верю, а в «бабкины привороты» – нет!

На форумах о «Приворот-ген» всякой хрени много, комментарии я потом просматривать бросила (устала от бестолковости и препирательств – ну не могут наши люди цивилизованно дискутировать). Внимательно всё прочитала только о побочных явлениях после приёма препарата. Оказалось, что вредных последствий нет, но происходит резкая активизация умственной деятельности, пробуждение творческих способностей и т.п.

Но главное, конечно, не в этом – после одноразового приёма вещества с генно-модифицированными добавками (этого самого «Приворот-гена») в сознании человека возникают устойчивые информационные модели любви и верности к близкому человеку. Одним словом, 30 евро – деньги небольшие – я заказала препарат и вчера его получила. Маркетологи фирмы хлеб свой не зря ели, и чтобы людей не пугать (в смысле чтобы мужики не настораживались при виде таблеток или порошков), продукт был упакован как духи, в маленький круглый симпатичный хрустальный флакончик. «Диор» почти в таких же, но больших, туалетную воду продаёт.

Препарат можно было наносить перед употреблением себе на кожу или волосы, на одежду или постель, а можно просто распылить в комнате... Я не стала жадничать и всё обрызгала перед приходом любимого: и новое французское эротическое бельё (к которому, между прочим, он абсолютно равнодушен, повторяя старинную поговорку, что без рубашки ближе к телу), и себя, и постель и даже шторы в спальне... Всё, дорогой, завтра ты станешь верным и навсегда будешь только моим... ни о чём не догадываясь...

Надо сказать, что любимый мой может и не самый хороший человек в мире (и жениться, гад, не хочет), но вот сексуальный партнёр он потрясающий. Мне есть с чем сравнивать – в молодости сама была ого-го... Но только с ним я узнала, как дрожат ноги после третьего раза... Наше персональное достижение – зараз пять раз под белое сухое... правда после этого мы спали до обеда. Как подумаю, что другая под ним может так же стонать, как я... бьётся, в глазах темно становится...

Всё, милый, больше никто не узнает о твоих способностях... Операция «Вдох» началась... Что-то я сама выдохнуть не могу, волнуясь, что ли? Надо успокоиться, расслабиться... вдох... выдох, вдох... выдох... сигнал домофона... он пришёл...

Где-то в Западной Европе, научно-исследовательский отдел корпорации «Новая генетика» (о чём не узнает потребитель)

– Шеф, ваша идея о присвоении каждому препарату персонального идентификационного кода и его печать в сертификате потребителя для обратной связи оказалась просто великолепной. За последние три месяца мы получили массу рекламаций на январский выпуск...

Вот здесь графики поступления, вот таблица основных претензий, вот диаграммы с указанием процентного соотношения, а здесь разбивка по возрасту партнёров и национальности...

– Как русские говорят: «Старый конь борозды не испортит, хоть и мелко пашет»?

– Шеф, я ваши шутки не всегда понимаю. Вы это про себя или про клиентов? Не дай Господь, услышит вас госпожа исполнительный директор, поймёт неправильно и урежет бонусы за квартал! Вот уж кто точно старая лошадь! И неизвестно, была ли она молодой.

– Ну-ну, Рафаэль, будьте снисходительны к возрасту. К сожалению или к счастью для себя, вы не видели мадам сорок лет назад – тогда её засыпали цветами и предложениями сняться в кино. Мужчины за радость считали хотя бы просто посидеть за одним столом... Жаль, что пластырь, замедляющий угасание сексуальной функции у женщин, она изобрела слишком поздно... после того как её функции угасли. Но мозгам и таланту даже я завидую... поэтому и работаю здесь... К слову, Рафаэль, может быть, вы не знаете, но идея «Приворот-гена» тоже принадлежит ей, хотя... эту сложную формулу мадам, видимо, сам Дьявол шепнул...

Впрочем, вернёмся к рекламациям. Кроме ответов на анкету, что-то пишут женщины в примечаниях? Пусть лингвистический отдел сделает подробный контент-анализ, вступит с потребителями в переписку. Может быть, в наиболее интересных случаях есть смысл организовать с женщинами глубинные интервью или фокус-группы. Подумайте и средств на это не жалейте!

И ещё: очень важно после расшифровки последнего папируса смоделировать информационное воздействие на структурно-смысловое разнообразие компонента «С». Загрузите всю сеть... и все материалы... рекламации из России – в первую очередь. Поверьте мне: слова про загадочную русскую душу – это не только слова. Думаю, что неплохо было бы организовать, ну... к примеру, в Париже, международную научную конференцию на тему «Модели сексуального поведения в современной России». За наш счёт русские в Париж на конференцию приедут обязательно. Подумайте и давайте предложения по бюджету на следующий год. Результаты моделирования сразу же отправьте мне – это важно, очень важно...

Моя квартира, четыре месяца назад...

Вот и кончилось всё... Правильно говорят – от добра добра не ищут. Когда я свой крик души на форум выплеснула, тогда и выяснились, что есть у препарата и другие побочные явления... среди них самые лёгкие – «порча мужского характера» и «уход к другой»....

Будьте, вы прокляты, химики-алхимики, генетики хреновы! Как я, дура, на рекламу повелась?! Не денег жалко – любимого больше нет.

Ушёл и больше не звонит! Я ему через месяц отправила sms-ку с ехидным пожеланием любви и счастья, а в ответ получила короткое «спасибо». И всё! Всё!!! Своими руками похоронила сексуальную жизнь... А эти фирмачи с вопросами пристают, правильно ли я применяла препарат. «До» или «после» половой близости? А какая была температура в спальне? А в каком настроении был мужчина? Козлы, чтоб у вас у всех рога отвалились! «Устойчивые информационные модели любви и верности»... Кругом козлы, а я дура...

Люди стремились ко мне...

Многие годы люди стремились ко мне, чтобы поговорить... Я слушала признания в любви и прощальные рыдания, известия о рождении детей и глухие слова о смерти. Иногда разговоры были долгими, иногда – короткими... Только несколько фраз... Но за ними можно было угадать зарождающееся счастье или приближение трагедии...

Я слышала слова, которые произносили уходящие на войну... и слова тех, кто возвращался из тюрем и лагерей... Иногда люди спрашивали, что нужно купить... или наоборот – рассказывали о покупках... Были поздравления и соболезнования, я слышала обещания и уже научилась распознавать будущие обманы...

За долгие годы я слышала очень много, и казалось, что так будет всегда... Но нет ничего вечного... и постепенно люди стали приходить ко мне все реже и реже... да и разговоры стали иными...

Обо мне еще заботились несколько лет, чтобы я могла прилично выглядеть, не оскорбляя эстетические чувства некоторых людей... Но изменения происходили неотвратимо, и таких как я, стали уничтожать... Нас осталось несколько на весь огромный город...

Однажды утром ко мне на автомобиле приехал хмурый человек... зашёл, снял с плеча сумку... и всё кончилось... Да, я осталась на прежнем месте, но исчезло самое главное – средство для общения людей с людьми...

С моей стены сняли телефонный аппарат, а кому я нужна без телефона? Что я без телефона? С утраченным смыслом существования? Старая пустая будка, стоящая на углу двух улиц, выходящих на городскую площадь... Пока ещё с целыми стеклами... Да, я ещё способна дать укрытие от дождя... Конечно, и раньше так иногда бывало – люди забежали не для того, чтобы позвонить, а чтобы не промокнуть...

Но не в этом был смысл моего существования... Не в этом! Я давала людям, находящимся далеко друг от друга, возможность общения...

Однажды я услышала фразу пожилого человека, сказанную по телефону неизвестному мне собеседнику: «Единственная в мире роскошь – это роскошь человеческого общения»...

... Старая металлическая телефонная будка грустно смотрела, как по улице идут люди и на ходу разговаривают по сотовым трубкам...

Наталья ГОНЦОВА

Гадёныш

Лёнше было в кого таким уродиться.

Колченогий глава семьи Тришка (до старости так звали) потерял ногу, когда, возвращаясь с ночной смены на заводе, попал под паровоз, часто пил и к сорока годам лишился части желудка. Озлобившись на весь свет, шпынял семейство по делу и без дела.

Мать – вечно поджатые губы, левая глазница с вытекшим глазом провалена, сухая телом, как старая ветка, лицо, изрезанное глубокими морщинами, платок, туго подхваченный под подбородком, всегда тёмное платье, поверх – фартук. Чаще всего молча сновала по дому.

А смолоду Матрёна первой девкой на деревне слыла. Парни увивались, каждый вечер собираясь у двора, вызывали Мотрю и допоздна на скамейке не умолкала гармошка, смех да разговоры.

Сватов многие к ним на двор засылали, да отказывали родители: не след любимой доченьке в деревне век коротать – надо, ох как надо в город выбираться. Ну а для этого надо было выходить замуж за городского парня: хоть и послевоенное было время, и давно советское, но сельчане жили на положении крепостных – работали за палочки и паспортов не имели.

Потому и обрадовались родители, когда порог дома перешагнули городские сваты. Быстро сговорившись о свадьбе, о приданом, о помощи в строительстве дома для молодых в городе, отгуляли пышную свадьбу.

Всю жизнь с ненавистью смотрела Матрёна на мужа, когда он, хвастаясь, рассказывал, как увёл красавицу из деревни, как та, оторопев, смотрела на его кулдышку, когда в первую брачную ночь он, раздевшись, снимал свой протез. Рассказывал, смеясь, как будто не видел, не понимал, что кроме ненависти к нему ничего не зародилось в душе жены со времён той свадьбы. Матрёна ненавидела его. Ненавидела за загубленную молодость, за жизнь, за красоту: это он в пьяном дурмане одним ударом выбил ей глаз – не по нраву пришлась её молчаливая ненависть.

С детства Лёнша был гниловат. Увидев у соседского мальчишки самодельный танк, обзавидовался, но не сделал такой же. Предложил поиграть в войну. Ссыпал из нескольких патронов порох. Сделал мину под шалашиком из мелких веток. Спрятав танк в засаду, поджёг конец бечёвки. Вспыхнув вместе с ветками, деревянная игрушка сгорела в одно мгновение. Сожжённый танк был мелкой пакостью.

Поздним осенним вечером, когда всё, казалось, уже спало, Гадёныш вместе с дружкой полез в сад к старикам, живущим на соседней улице, за яблоками. Созревшие, они падали с шумом в траву, заставляя ворешек то и дело вздрагивать. Двигались сторожко, вслушиваясь в тишину. Скорее почувствовали, чем увидели, какое-то движение...

Рванули со всех ног к спасительному забору: за ними нёсся здоровенный пёс. По-соседски Гадёныш знал, что во двор к старикам просто так не зайдёшь: огромная овчарка рвалась с цепи. Не ведал только, что на ночь старик открывает калитку в сад и отпускает собаку.

В один миг Лёнша, бежавший последним, понял, что ему не спастись, в последнем рывке догнал и пнул дружка по ноге... Псина вцепилась в

упавшего. Под жуткие вопли собака рвала мальчишку. Гадёныш, в очередной раз оправдав своё прозвище, рванул к забору, спасая свою шкуру. Воришку-неудачника спас хозяин, выбежавший на лай пса и вопли пацана. Долго залечивались рваные раны. Позорные шрамы остались на всю жизнь.

А вскоре после того случая мать с криками и воплями тащила в больничку окровавленного Лёньшу. Малец нашёл себе забаву – тыкать заточенным остриём проволоки в холку соседскую лошадь. Та стреноженная паслась на поляне неподалёку от дома. Лошадь, передёргивая всей кожей, сначала отскакивала на несколько шагов, но когда малолетнему придурку вздумалось срезать с её холки полоску кожи, та, взбрыкнув, копытом чуть не била мальчика, разбив ему лицо и выбив все передние зубы.

Отец, выскочив на вопли любимца и поняв, в чём дело, кинулся избивать лошадь. Бил железным прутом так, что у животного лопалась кожа. Дикое ржание, маты, удары, кровь – всё смешалось в тот день на поляне. Хозяин, выбежав на улицу, бросился на выручку, но расхोлившийся изувер смаху зацепил прутом и его. Остановился лишь, когда лошадь, упав, захрипела с кровавой пеной на губах. Судорожно поднимались и опадали бока – так уходила душа из изувеченного лошадиного тела. Прибежавшая с огорода жена соседа, причитая над упавшей скотиной, над разбитой головой мужа, разносила проклятия на всю улицу. А тот, раскрасневшийся, с обезумевшими глазами, забрызганный кровью, уже ковылял к больничке – там спасали жизнь сыночка...

Лёньша выжил – дерьмо, оно и на небе не очень нужно. Жил и сверкал железными зубами: не смеялся – ржал каким-то диким смехом.

Отслужив в стройбате водилой – выучился до армии на курсах шофёров, устроился на местную автобазу. Сдружившись по-пьяни с механиком гаража, стал вольным казаком, колымил, подворовывая груз. С хорошего навару не забывал проставляться – поил механика и диспетчера. С шоферной дружбы не водил – какая с них ему выгода?

Случайного в жизни много. Лёньша притормозил Зилка прямо у магазинного крылечка – кончились папиросы. Сигарет не признавал – не та у них крепость. Продавщица, улыбаясь, лёгким движением кисти (на каждом пальце по золотому колечку) подала пачку Беломора. Протянув сдачу, слегка коснулась Лёньшиной руки. Предложила заезжать за покупками, намекнув, что ожидается дефицитный товар. Оценив осматривая женщину, понял, что заедет и, скорее всего, ещё не раз.

Стал частенько наведываться. Ухаживать не умел. Да и не пытался научиться. Приезжал под вечер. Покупателей было немного. Стоя в створке, наблюдал за Светкой.

Им всё понятно было друг о друге. Никакой загадочности, изюма в ней не было: жеманность да ужимки. В нём – грубость, хамоватость.

Лёньша, прикинув да приценившись, сделал вывод: торговля дело выгодное, прибыльное, Светка баба хваткая, да и он не промах. Заживут! Точнее, он заживёт: о других никогда не думал. Светка – перестарок, да ещё и с довеском – дочкой лет пяти. Кому такая нужна? Никто что-то не схватился. Рассуждая так, Лёньша в своих мечтах уже мчался по узеньким улочкам городка на новенькой шестёрке – мечте всех автомобилистов.

Благополучное будущее уже стучало в окна и двери домишки, в котором он проживал вместе с родителями.

Дождлся своего часа: пригласила его Светка на воскресный обед. Не торопился – пусть понервничает, побегаёт от окошка к окошку, выглядывая, не идёт ли гостенёк? Он появится – жданный да гаданный.

Интересно, сбегит ли куда свою дочку или нет, в размышлениях придиричиво осмотрел себя в зеркало, сделав, как ему самому казалось, мужественное лицо, направился к желаемому объекту – Светке-продавщице. Шёл, трусовато оглядываясь: не хотел, чтобы поняли, куда идёт – городок невелик, все друг дружку в лицо знают. А выгорит что или нет, ещё вилами на воде писано.

Светка в детстве росла с бабушкой. Мать работала сутки через двое – оставлять дочь одну побаивалась: мало ли что. Дочь проводывала нечасто. Появившись, с горечью смотрела на худющую, чёрную, как грач, дочку. Оставляла под старой резаной клеёнкой когда десятку, когда две, наспех чмокала потупившуюся дочь. Та сопела, сдерживала наворачивающиеся слёзы, но мать, отстранив от себя дочку, быстро подхватив сумочку, исчезла. Бабка, глянув на спрятанные под клеёнкой деньги, частенько кляла такую мать на чём свет стоит: девчонка растёт, ей и поесть повкуснее надо, да и одёжку какую-никакую прикупить не мешало.

Светка, подрастая, научилась у соседки делать из гофрированной бумаги цветы, смазав краешки лепестков клеем, обмакивала в манку – получалось необычно и красиво. Продавала их, стоя у ворот рынка.

Заработанные деньги Светке можно было тратить на себя – бегала с соседской девчонкой Зойкой в кино, покупала «морские камушки» – изюм в разноцветной глазури. Ели вместе: Светка не жадничала. Обязательно приносила подарок для бабушки – в бумажной упаковке со слонем индийский чай да карамельки без обёртки.

Зойка как-то угостила её сочным яблочком. Мало. Хотелось ещё. Дождавшись, когда соседи уйдут из дому, перелезла через заборчик. На крыльце оглянулась. Постояла минуту, прислушиваясь. Вытащила из затвора палочку, на которую была закрыта дверь. Сторожась каждого шороха, прошла в комнату к комоду, стоящему в простенке между окнами. Видела раньше, как Зойка доставала яблочки из нижнего ящика. Выдвинув, напихала за пазуху, в карманы. И быстро выскочив на улицу, облегчённо выдохнула: не увидели, не поймали.

После десятилетки пошла на курсы продавца продовольственных товаров: знала, что всегда найдёт, как словчить – в торговле много ходов и ходиков. Вскоре выскочила замуж. Вначале мелкие ссоры быстро разрослись до скандалов. Дальше – больше. Не сдержавшись, глядя в искажённое злобой Светкино лицо, муж, от души ударив жену в лицо кулаком, развернувшись, ушёл, на прощание хлопнув дверью так, что с потолка обвалилась штукатурка. За вещами приехал через полгода. Посмотрев на пузатую (ходила на последнем месяце) Светку, буркнул:

– На алименты подавай. Платить буду. На большее не рассчитывай.

Собрал из шифоньера свою одежду в небольшой чемоданчик, что не вошло, побросав в печку, сжёг. И ушёл.

Светка родила дочь. Когда малышке исполнился год, Светка, определив её в ясли, вышла на работу.

Она была красивой. Высокая. Стройная. Беременность пошла ей только на пользу – стала женственнее. Зазывно заглядывала в глаза покупателям мужского пола: может, кто и приглянется ей, может, кому-то приглянется она. Но мужчины, чаще всего бросив пару-тройку сальных

комплиментов, отбывали к своим жёнам. Всё было мимо. Мимо. Иногда, усыпив дочку, плакала о своей злосчастной женской доле.

Светка монолитно, чаще всего поставив руки в боки, стояла за прилавком, свысока посматривая на покупателей, кривила ярко-накрашенные губы, глядя, как старухи выуживают негнуцимыми пальцами свои пенсионные копейки.

Ужин был накрыт на двоих: значит, всё-таки догадливая Светка сбавила девчущку. Заставленный стол манил сервировкой и ароматами: у родителей в доме разносолов не подавали даже в праздники, и ели из обычной разнокалиберной посуды. Тут же – столовый фарфоровый сервиз, хрустальные фужеры с рюмками, такие же вазы с салатами, между ними баночки с красной и чёрной икрой. Маленькие, граммов так по сто (на глазок с ходу прикинул Лёньша), но ведь с икрой!

После обильного застолья остался на ночь. Был груб. Но женщину, истосковавшуюся в одиночестве, это не оттолкнуло. На следующей день из кабины подкатившего к Светкиному дому Зилка вывалился новоиспечённый хозяин вместе с коричневым обшарпанным чемоданом.

И зажил Лёньша, забарствовал. Зарплату – на книжку: машину надо купить. Калым пропивал. Пил один – к тому времени у него и собутыльников не осталось. Кто умер, кто завязал, а кому и запахло было с ним пить: одно слово – Гадёныш.

Светка по своим торговым связям (принцип прост: ты мне, я тебе) устроила мужа на автолавку в райпо. Работа так себе. Нетяжёлая. Ездил по деревням, сам возил товар, сам же его с машины и продавал. Попался по глупости: продал какой-то бабе сапоги, надбавив для своего кармана червонец, а та ушлой оказалась: позвонила в райпо – сношеница-то её купила такие же дешевле, обидно стало – как так? – товар один и тот же, а вот цена... И загремел Лёньша на нары – на целых два года.

Светка вкалывала и в магазине, и дома, тянула всю семью. Дома чисто-та, на огороде ни травинки, на работе – в передовиках. С дочерью проблем не было. Девчонка росла тихой, покладистой, казалось, что иной раз её и дома-то нет. Часто сидела задумавшись, глядя в одну точку, и ничто её в этот момент не трогало – казалось, начнись пожар, она, поднявшись, не побежит – медленно пойдёт к дверям. Что происходило с ней? Об этом Светка не задумывалась: не мешала дочка, и ладно.

Холодное солнце вставало из-за тополей. Пробивало лучами листву. Слегка золотило стену дома. Светка сидела на скамье. Выть хотелось от навалившегося горя. Выть. Упасть в пыль. Биться головой о землю. Крутиться по ней змеёй, что сбрасывает с себя старую кожу. Долго не могла прийти в себя. Услышанное оглушило. Почти раздавило. Как так? Как она не увидела похотливых взглядов в сторону дочки? Как не поняла, не почувствовала, что дело тут нечисто?! А если бы не мать? Что было бы дальше? Ей вдруг стало страшно от всех роившихся мыслей. Зябко передрнув плечами, очнулась от тяжких дум.

Зудел надоедливый комар. Голуби лениво подходили к брошенным им крошкам. Сытые. Откормленные. Воробьи же напротив, как мелкие воришки сновали между голубями, выхватывая у тех прямо из-под клюва семечки, крошки.

Память услужливо подкинула картинку из давнего прошлого: придя с работы, Светка увидела исполосованные вкривь и вкось руки дочери. На вопрос, что случилось, дочка, искоса взглянув на отчима, опустила голову.

– Да ничё, Светша, не случилось. Поучил её маненько шнуром от кипятивника.

– За что? Что она сделала такого?

– Да конфеты таскала без дела. Ладно, хоть бы чай налила да пила, а то хрум да хрум – взбесила, вот и всыпал.

Тогда-то Светка и предала дочь, добавив подзатыльником веса к своим словам:

– Не делай так больше. Видишь – отцу не нравится.

Сколько же лет продолжалось измывательство над её ребёнком? Почему дочь молчала? И тут же сама себе ответила: как ей было не молчать, если мать хуже мачехи стала? Что, не видела она покрасневших глаз, полос от ремня, шнура, скакалки на девчоночьих руках, ногах? Видела. Но ведь ни разу не спросила – что это и за что?

Если бы тогда не осталась мать с ночёвкой? Не увидела бы, как крадучись зять подошёл к спящей девчонке? Сквозь прикрытые веки не рассмотрела, как похотливая скотина запускает лапу под одеяло к её любимой внучке? Закряхтела, закашляла. Метнулся Лёньша вон из комнаты. За завтраком тёща и виду не подала, что заметила что-то. Вела себя как обычно, но дождавшись, когда зять уйдёт на работу, приступила к Женёнке с расспросами. Та, заплакав, уткнувшись в грудь бабушки, рассказала ей всё.

Дождавшись вечера, выложила Светке всё увиденное и услышанное. Та, захлопав глазами, не могла взять в толк – как? Как это могло случиться? Почему она сама этого не видела? Проводив домой мать, отрыла закопанную в сарае саблю (с тех пор, как бабушка вручила ей ценность, прятала клинок от людских глаз). Бережно развернула свёрток. Чуть вытянула клинок. Осторожно задвинула обратно. Зайдя в дом, положила саблю на кровать. Полюбовалась на золотую узорную вязь.

Вспомнилось, мать как-то сказала ей:

– Одного поля вы ягоды, как погляжу. Умеете ковать своё счастье на чужих головах. Не видите порой, что в землю человека с головой вбиваете.

Это она, Светка, вбила свою дочь: не захотела видеть, что рядом запуганный, постоянно терзаемый отчимом ребёнок.

Лёньша припозднился. Светка терпеливо ждала его за празднично накрытым столом: было на нём всё, и даже в центре стояла ваза с пятью разноцветными гвоздиками. Смочив руки, муж бухнулся во главе стола. Всё было как тогда – в первое их свидание.

– В честь чего праздник?

Забулькал в рюмку коньяк.

– Мне тоже налей.

Подставила стакан.

– Не многовато будет?

– В самый раз. Наливай.

Хмыкнув, Лёньша налил полстакана.

– Полный наливай. Не жадничай. У меня ещё есть.

Коньяк пролился через край стакана.

– Так в честь чего праздник-то? Я так ведь и не понял. Что хоть за повод?

– Пей. Без повода сегодня. Пей.

Лёньше только было губы обмочить. Бутылка оказалась под столом. Светка открыла вторую.

Сама, махнув стакан, больше не пила. Смотрела, как ходит кадык, когда муж, запрокинув голову, заглывал коньяк уже из стакана. Чуть захмелев, смотрел на Светку сальными глазами. Всё, как тогда.

– Пойдём, что ли, в спальню?

Посмотрела на него в ответ зазывно. Взгляд, как у змеи, пристальный и холодный.

– Иди. Я щас. Хлебану вот на посошок.

– Ну хлебани на посошок. Тебе это сейчас как раз надо.

Зашла в комнату. Вытянув саблю из ножен, спрятав за спину, повернулась в ожидании Лёньши.

Сабля вошла, как нож в масло. Крутанув, выдернула. С клинка на пол стекала кровь. Лёньша не взвыл от боли: он с недоумением, ошеломлённо смотрел на Светку, на саблю в её руке. Тихо завалился на кровать. Вздрыгнув несколько раз, затих. В полумраке было видно, как тёмное пятно расплывалось по футболке, по покрывалу.

В ванной смыла кровь с клинка, вытерев, осторожно вложила в ножны, надёжно упаковав, снова зарыла в сарайчике, набросав сверху всякого хлама. Вышла за ограду. Присела на скамейку. Отрешённо оглядела улицу. Вспомнилась вдруг бабушка, как она часто, сидя за убраным столом, подперев щёку рукой, говаривала:

– Молоды-то мы были, да не о том думали. Ох не о том. Так ли жисть-то надо проживать? Ни Богу свечка, ни чёрту кочерга. Пролетела жисть, как стриж – в один миг. Ничё-то я после себя не оставляю. Никако большо наследствие тебе, внученька, не достанется. Избёнка? Так её тока трахтуром под угол спихнуть. Ничавошеньки. Был бы парнишка – так тому хоть саблю: шибко уж она красивая. Ножны все в каменьях.

– Постой, баушка! Кака така сабля? О чём ты?

– Да вот о чём. Полежай-ка ты в подпол – там под полоком сусека с картошкой, достань свёрток. Полежай-полежай. Не бойсь. А я пока избу на крюк замкну. Не для чужих глаз та сабелька.

Светка, откинув с крышки половик, полезла в подполье. Встав на коленки, пошуровав рукой, вытащила тяжёлый завернутый в тряпицу свёрток. Бабка к тому времени успела и дверь на крюк, и занавески задёрнуть. Приняв от внучки кладь, развернула в несколько слоёв завернутую саблю, протёрла её чистой тряпичей. Поразила Светку узорчатая вязь на ножнах – золотые нити переплетались в необыкновенные, невиданные узоры, камни красноватого и зеленоватого цвета большими и маленькими вкраплениями вписались в тот сказочный узор. Потянув за рукоять, вытянула клинок. Он сверкнул холодной мёртвой сталью. Даже матери Светка не сказала о бабушкином подарке.

Щебетали птицы, радуясь наступающему дню. Высоко поднялось солнце. Осветило начало нового дня. Сизый голубь пил своё отражение из придорожной лужи.

Напывало безразличие. Успокаивало. Убаюкивало. Усыпляло. Светка, всхлипнув, вдруг запрокинула голову и увидела стаю взвившихся голубей.

ПОЭЗИЯ

Антонина МАРКОВА

Вспоминаю тебя

Я чаще всего о тебе вспоминаю по осени,
Когда листопад заплетается тонкими косами,
В осиннике вдруг киноварь закипает упругая,
И листья по ветру плывут золочёными стругами.

Когда всё тепло до последней монетки растрачено,
А птицы на юг собираются – дата назначена,
Тебя посреди сентября вспоминаю упрямо я,
И думы мои предрассветные изгорче-пряные...

Ещё на берёзах осенний огонь не угас,
И жёлтые бабочки тихо слетают на землю,
И осени тёплые руки округу объемяют,
Но ты ледяным февралём неожиданно стал.

Еще октябринок рассыпан в саду фиолетовый мел,
И первых снежинок не видели гроздь рябины,
В реке твоей нежности выстыли даже глубины,
И звонкий любви колокольчик совсем онемел.

Один день февраля

Опять февраль. Опять непостоянен –
Избалован теплом, пургой изранен.
То кажется, что он совсем простужен,
А то небесную лазурь полощет в лужах.
То хмур с утра, колюч и неприветлив,
А в полдень расселяет птиц на ветви.
А то весь день в ладони собирает
Капель, что крыши увлажнила с краю...
Но к вечеру распатанные нервы
Смягчат слегка его характер скверный.
И он холодное нутро заката
Согреет щедро розовым мускатом.

Дождь долго собирался

Дождь долго собирался вдалеке:
Над бором небо точно холоднело,
Сгущалась синь. И волны на реке
Сгущались тоже. Ветер то и дело
Трепал косицы чуткие берёз –
Они прядали ветками густыми,

Предчувствуя стихию и всерьёз
Страшась грозы, что нитями льняными
Развешивала молнии вдали.
Они, едва средь неба уловимы,
Уж поднимали громы от земли
И звали за собой неумолимо.
Речную рябь, что мчалась в никуда,
К веслу приладил запоздавший кормчий.
Бодала берег темная вода,
А камыши шептались громче, громче...
И наконец, как крылья чёрных птиц,
По небосводу разметались тучи.
И грянуло! И распластало ниц
Округу, проверяя на живучесть...

А через пять минут – опять светло,
Как будто не бывало ничего!

Август

Рябины гроздь зазывали птиц,
Но горечь ягод птицам не по вкусу.
Останутся висеть тугие бусы
До зимних аж рябиновых жилиц.

А летние певуньи – на крыло,
Пренебрегая осенью багряной,
И – в тёплые края, в чужие страны.
Всё ждут, чтоб поскорее рассвело.

А утро тихо у крыльца зажжёт
Созвездье новое листвы опавшей.
И дождь, от щедрости своей уставший,
Его без спешки в список занесёт...

В окно глядит невыспавшийся клён –
Всю ночь расписывал он ветви кроны,
И на рассвете купол золочёный
На восхищенье всем представил он.

Пожух убор сиреневых кустов,
Созрели семена седой полыни.
И пряный будет властвовать отныне
И терпкий запах вянущих цветов...

Город вечерний укрыт одеялом лоскутным,
Спины сугробов опять обмакнулись в чернила,
В небо дымы заскользили тропой первопутной,
Окна, шагнувшие в ночь, темнота осенила.

Где-то средь окон, в одном не задернуты шторы.
Там уже несколько лет ты живешь с нелюбимой.
Время бежит от тебя сквозь замки и запоры,
И кровоточит душа переспелой рябиной.

Солнца остатки прозрачные тают в закате.
Окна мои в эту ночь не зашторены тоже.
Здесь я живу, как больной в одиночной палате,
Сердце моё до сих пор исцелиться не может.

Стынет над крышей луна первобытно и вяло.
Режет заботливо ветер созвездья из стали.
Снова уснуть не смогла под цветным одеялом
Города зимнего, где мы с тобою расстались...

Снегопад в марте

Стояла календарная весна.
И снег явился зимний, первородный,
Но этот жест природы благородной
Принять не соизволила она...
А снегу для любви его холодной
Казалась вся вселенная тесна!

Он землю обнимал в последний раз,
Волнуясь, самого себя белее,
От самого себя слегка хмелея,
Всю душу выставляя напоказ –
Такую чистую, что над аллеей
Молочным светом радуга зажглась...

Я сама решила так

Я сама решила так –
На любви поставить точку,
Согласитесь – не пустяк,
Стать вдруг бабой-одиночкой!

За плечами – ворох лет,
Впереди – всего лишь старость,
И болезни, и усталость,
И обид горючих след.

Мне б беду перехитрить,
Пересилить, как обычно,
Проглотить слезу привычно,
Да и дальше с этим жить.

Только в сердце не смогла,
Спрятать груз твоей измены.
От семейной ойкумены
Нынче – пепел да зола...

Осенний дождь

Дождь вывел зонтики гулять,
Раскрасив улицу цветами.
И лужи мокрыми китами
Глядят на эту благодать.

Дождь щедр на зонты. И они
Уже ведут гулять прохожих,
А листья в лужах так похожи
На путеводные огни.

Кружатся зонтики вокруг
От края улицы до края.
И в каждый, как в пластинки круг,
Вода небесная играет.

И дальше, точно карусель,
Дождь всю Вселенную вращает.
И кажется, что обещает
Ещё неблизкую капель.

Предновогодний вечер

Чуть задержался вечер за окном,
Сверкнув голубоватым перламутром,
Вздыхнул многозначительно и мудро,
И растворился в сумраке ночном.

Предновогодний вечер тем хорош,
Что всё в нём и загадочно, и чудно –
И ёлочный базар немногочисленный,
В котором, как в лесу густом, бредёшь.

И парк – в плену проявленных теней,
Что деревья по снегу распластали,
И письмена следов, что заплутали
Среди сугробов и морозных дней.

Весь вечер в день последний декабря
Так короток, так хлопотлив и ярок,
Что сам себя преподнес в подарок,
Исчез, дорогу в новый год торя.

Людмила ЕФРЕМОВА

Уронила птаха несмышлёная
пёрышко на детскую ладошку.
Сжался кулачок – игрушка новая!
Резво к маме побежали ножки.
Радостно щебечет и смеётся,
дует на пушинку что есть силы,
больно об асфальт коленкой бьётся...

– Ой, а слёзок сколько накопила! –
Мама в мокрые целует щёчки. –
– Ты моя малышка, моя птичка,
улетело пёрышко от дочки...
Посмотри, его несёт синичка!
Чтобы пухом, мягкою соломкой
выстлать гнёздышко в покоях сада.
Вылупятся детки, станут звонко
червячка просить, как шоколада.
Птенчики окрепнут и... умчатся
за море в далё-о-кие края....

– Мамочка! Не надо огорчаться...
Ведь с тобою вечно буду я.

Потерян друг. Ни в поле, ни в лесах,
Ни в грубой ссоре, ни во днях далеких.
Мы разошлись, как стрелки на часах,
Оставленных часовщиком без «лёгких».

Мы где-то рядом. Пробуем слова,
Пытаясь в шелухе найти ответы.
Болванчиком китайским голова...
Немая встреча... Песенка-то спета!

Увы-увы, чем дальше, тем скучней
Играет память по забытым нотам.
Без «лёгких» выйдет время по весне, –
Часовщику трудиться неохота...

По комнате порхали листья.
Их разноцветные тела
Хозяйка кухонною кистью
В сырую тень угла смела.

Она не закрывала окон,
Боясь остаться в тишине.
И всё крутила длинный локон,
Чтобы забыться хоть во сне.

Но сны не ведали покоя,
В них оживали страхи дня,
В них жадной гибельной рукою
Хватали языки огня.

Она взмолилась: «Где ты? Боже!
Не оставляй меня одну!
В коварном свете всюду – рожи,
В ночи душа – у зла в плену!

За что же я терплю всё это?»
«А ты подумай», – Он сказал.

...Скатилась на пол сигарета,
И пепел листья забросал....

Штормящий ветер, мрака ликование!
Стеклянный дождь обрушенных окон.
Шлепок об стену, лёгкое дрожанье –
И камнем птаха прямо под балкон...

И враз увяла в крошечке весеннем.
А небосвод стал на глазах светлеть,
Двор наполнялся смехом, птичьим пенем.
Лишь мы всё продолжали вниз смотреть...

В молодости – баре – государи!
То судьбу склоняем, то в ударе
жмём на газ без страха до упора,
не боясь сумы и приговора.

Но не вечно балует свобода,
мы теряем скорость год от года.
Зрелость входит строгою царицей,
и душа готовится стать птицей...

Как много бабушек без дедушек,
То парочкой, то по одной...

– Ну как дела?
– Скриплю, соседка.
Пойдём ко мне смотреть кино.

– Всё про любовь и расставания,
Очаг домашний и уют.
А наши молодцы буянные
На небесах давненько ждут.

– Вот если б реже выпивали,
Вот если б жили по-людски...
Да с бабами не воевали,
Всё кулаки да матюки...

– А помнишь, молодыми были!
Орлы! Что Вася, что Иван.
И нас, и деточек любили,
Пока не затянул стакан...
Пора бы навестить, скучают.

– Давай-ка завтра с утра.
Я напеку, заварим чаю.
А им – бутылочку винца...

Актриса

В ней – вся грация кошки,
нервная ломкость рук,
глаз прикрытых окошки
и парящий каблук.

Слов еле слышных колечки,
ярким бутоном рот.
Бьёт наповал без осечки,
чуть зазевался – и вот...

Мальчик у ног бедовый,
в самое сердце – стрела.
Станешь игрушкой новой,
их у неё несть числа...

А наиграется кошка –
с лапок капризных стряхнёт.
Любит она понарошку
и понарошку живёт.

Лучше б не открывалось земного и трети, –
Дух в смирительной плоти и глуп и смешон.
Он совсем растерялся на грешной планете.
По нему ль колокольный печалится звон?

Он, крепясь что есть силы, подвержен унынию,
Он шаги в темноте знает все наперёд...
Потому ли в глазах стойкий привкус полыни,
Потому ли три жизни проходят за год?

Надым – Бишкек – Надым

Июньский снег для Иссык-Куля – шутка,
Ему лишь рада горная река.
Мы переждём. Доставит нас маршрутка
За перевал, где дремлют облака!

Где хороводит музыка живая,
И волны кошкой ластятся у ног...
Ночь, до утра созвездьями играя,
С тобой опять вступает в диалог.

На летнюю прохладу нет намёка,
Короткий дождь легко асфальт впитал.
Жар азиатский вымотал до срока,
И отпускной бледнеет карнавал. ...

Всё медленней усталая походка,
Всё чаще думы – как там Севера,
Не распугала ль грибников погода
И где хотел бы быть ещё вчера.

Где не смущает снежный плен в июне,
Где рыб считает подо льдом река.
Где ветер пыль дорог, как шапку, сдует,
Лик солнца открывая в облаках!

Мыслишки-коротышки

Эгоистка молодость прекрасна:
Быстронога, безрассудна и опасна...
Лишь у зрелости, споткнувшись на пороге,
Говорим о вечности, душе и Боге.

Душа вселяется и выселяется,
Она и мается, она и кается,
Пока преставится...

По плечу нам – баловням природы
Самолёты, поезда и пароходы.
Можем полюбить и разлюбить,
Не умеем только вечно жить.

В пылу высокой Музы дал дрозда,
И у Вселенной заложило уши.
Как высока бездарности звезда
С помпезным ликом и нутром кликуши...

Сергей ПЕРУНОВ

Бурьяны

Эх, бурьяны мои, эх, бурьяны,
вы сиротские нивы мои!
Сколько раз напивался я пьяным,
да лежал поперёк колеи!

Сколько было реформ, перестроек,
сколько мути на землю мою!
Как предатель стою перед строем,
на коленях пред полем стою.

Будто сам я с лихвой виноватый
и себя не напрасно виню,
в том, что некие шустрые хваты
Русь купили за рупь на корню.

До Москвы не дойти, не доехать,
не поднять с бодуна головы.
Остаётся лишь охать да эхать
тише лужи и ниже травы.

Как же так, ловко, просто и быстро
мы лишились родимой земли?
Зря ль веками народ её выстрадал,
зря ли деды в неё полегли?

Где ж мы были, кого же мы слушали,
и за кем мы в потёмках брели?
Песни пели да водочку кушали,
да валялись в ковыльной пыли!

Не слышать ни коня, ни комбайна,
лишь крапива, полынь да осот.
Но земля, как сокрытая тайна,
ждёт зерна, плуга звонкого ждёт.

И дождётся. Нерусские парни, –
пот ручьями бежит с жёлтых лиц, –
с утра до ночи строят ударно
вереницы дешёвых теплиц.

Эх, бурьяны мои, эх, бурьяны,
тучи чёрные в небе плывут.
Или снова напиться мне пьяным
да свершить над собой скорый суд?!

Ни к чему протрезвился я ныне:

нет ни силы, ни духа во мне.
Что ж так жалко шумите, родные, –
то ль к ненастью, а то ли к войне?

Роща

Как будто золотом расплавленным
облита роща поутру
и остывать потом оставлена
на взгорке, на сквозном ветру.

Горит и не сгорая светится
неопалимой купиной,
как солнца пламенного вестница,
явившаяся в мир земной.

Задумаешься и забудешься,
остановившись перед ней,
красой осенней залюбуешься,
прогнав печали прежних дней.

Невыразима в слове истина,
но только в шелесте берёз
найдёшь единственный и искренний
ответ на свой любой вопрос.

Ползуниха

У нас зовут клубнику ползунихой:
её всего удобней брать ползком.
Ни клещ, ни мошка, никакое лихо
не разуверят ягоdnика в том.

Какой азарт! Сперва на донце лягут,
едва его покроют... Но гляди –
уж полведра отборных крупных ягод,
а сколько справа, слева, впереди!

С утра в росе весь вымокнешь, а после
пропаришься, как в бане на полке.
Как здорово в траве душистой ползать,
с букашками дружить накоротке!

И знать, и верить искренне и просто:
мы – ягодки все поля одного,
и мураши, и люди, и берёзки,
что – вон – глядят с пригорка своего.

...Потом идёшь домой с ведёрком полным
и доброй силы чувствуешь приток.

И долгою зимою есть что вспомнить
за чаем да с вареньицем притом.

Преники

Баба Маня любила преники.
Так она называла пряники.
Если были б научные прения,
убежали б филологи в панике.

Спорить без толку с бабой Манею:
для неё «городские» жители
были вроде как дети малые,
что и жизни ладом не видели.

А она повидала всякого
и в войну опухала с голоду...
Ни к чему, господа, однако, вам
забывать горем прошлым голову.

...Сосны стоя спят над могилою,
я тихонько тут постою.
Баба Маня, родная, милая,
как у вас там теперь, в Раю?

Я принёс тебе свежих преников,
ты ведь шибко «любела» их.
Угощай там знакомых, крестников,
поминай живущих своих.

Мужыкант

У большого магазина,
у высокого крыльца
с утра сидит мужчина –
на трёхрядке «ум-ца-ца».

Рядом в баночке помятой
мелочь, несколько рублей.
На чекушечку, понятно,
собирает дуралей.

А у ног его синицы
шелуху в снегу клюют.
А от песен гармониста
в сердце – радости салют!

И прохожие бросают,
не скупясь, по медяку.
И давно уже хватает
на чекушку мужику.

Но играет, не уходит,
не для денег, для души.
И задорно так выводит,
хоть бросай всё да пляши!

Возле школы

Обжигал пьяняще альвеолы
стылый воздух с дымом пополам.
Пацаны курили возле школы,
не таясь, назло учителям.

Повторяли, цыкая сквозь зубы,
чьи-то нехорошие слова.
Каждый так хотел казаться грубым,
что из кожи вон не лез едва.

Каждый так хотел казаться взрослым,
принимая правила игры.
И никто не знал, что будет после.
Сколько лет минуло с той поры?!

После были долгие дороги,
хлопоты, казённые дома...
Как прикинешь, подводя итоги:
негде ставить на душе клейма.

Словно пазлы складывались судьбы.
Облетала с тополя листва.
Если бы тот день сейчас вернуть бы,
что бы я друзьям сказал сперва?

Альбина КОШКАРЁВА

Нет мира на Земле

Земля родная – шар земной,
И родичи – земляне:
Ведь то же небо надо мной,
И тот же ветер рьяный
Шумит в лесах, гремит в горах,
Пески в пустынях гонит,
С волною бьётся в берегах
То весел, а то стонет.
И солнце, и луна – одни
Для всей планеты светят
Не гаснут звёздные огни,
Для всех на всей планете.
Кому-то надо на куски
Делить, и рвать, и рушить,
И резать Землю на клочки,
И боль её не слушать...
Нет мира ни в одной стране,
А значит, нет и счастья.
Земля в бушующем огне
Военного ненастья.

Забытая деревня

Случилось мне увидеть деревеньку,
Безвестную в лесной глуши,
Врастающую в землю помаленьку,
И на сто вёрст – ни тропки, ни души.

Густой травой заросшие полянки,
Укор в глазницах изб, давно пустых,
И вьётся лента речки Безымянки
В кустарниковых зарослях густых.

Истлевший чёлн на берегу печальном
Грустит о тёплой, ласковой волне,
Когда весло разбитое качало
Его в страстях рыбацких по весне.

Когда-то дым из этих труб струился,
И ранью громко пели петухи,
А бабий люд в подворье суетился –
На выгон гнали стадо пастухи.

Река жизни

С Алтайских гор до северного моря
Бежит, течёт великая река.
С ветрами, непогодой споря,
Обские воды мчатся сквозь века.

Брега её – то горы, то утёсы,
То ширь долин, то глухомань лесов,
То тундры синь, то золотые плёсы,
Где лов ведут артели рыбаков.

Здесь встали чудом города, как в сказке,
Нефтяников, газовиков оплот:
Югорск, и Лангепас, и Нижневартовск
Среди седых урманов и болот...

Живи, река, беги не уставая,
Шуми на перекатах в пене волн.
Ты – жизнь Югорского родного края.
Тебе и восхищенье, и поклон!

Весеннее

И вновь весёлая капель
Разбудит поутру:
Весенний солнечный апрель
Возьмёт в полон Югру.

Подтают, съёжатся снега
Под гомон голосов.
Ударит талица, тогда
Найдётся россыпь слов,

Чтоб выразить мечты полёт
Сквозь радужные сны.
В апрельский день душа поёт

Циклон

Сумасшедший ветер ветки гнёт берёз,
Провода терзает и гремит всерьёз.
Штормовой холодный северный циклон,
На весну не глядя, взял Югру в полон.

И укрылись птицы, только ветра свист.
Закружили тени, отплясывая твист,
Запоздалый путник, кланяясь ветрам,
Заплутав, усталый, молится Богам...

Ураганный ветер полы рвёт одежд,
Вышибает слёзы из закрытых вежд.

Хорошо в квартире, где уют, тепло,
Наблюдать из окон, что творит циклон.

Во все щели дует, воеет и шумит,
Дерева качает, вырвать норовит.
То гремит по крышам, завывая всласть,
То снегами кружит, не даёт упасть.

Лишь вчера был лунный вешний вечерок,
Безмятежный лёгкий, тёплый ветерок,
А сегодня злится северный циклон –
На прощанье стылый от зимы поклон...

Бабье лето

Берёзовый туман окутал рощи,
Блещет небо вымытым стеклом.
И ветер стих, до беготни охочий.
И солнце светозарное взошло.

Туман рассеялся, оставив росы
На сонных травах, дремлющих кустах,
И бабье лето оживило осень
Цветным пожаром, грустным пеньем птах.

Горит на солнце красная рябина,
Склонив упруго кисти до земли,
Опят осенних дружная куртина
Моя грибную душу веселит.

С берёз струится опять золотая,
Ковром ложится, кроет всё вокруг,
И нити паутин, искрясь, летают,
Касаясь невзначай лица и рук.

Приметам я и верю и не верю,
Но как же эти радуют меня:
Ведь бабье лето, следуя поверью,
Ещё продлится, летний жар храня.

Ирина ЧУПИНА

Танцует перо

На чистой странице танцует перо,
Строфа за строфой, всколыхнулось дыханье.
Несмелая поступь, зари затуханье,
Луна рассыпает кругом серебро.

Горят шаловливо плеяды Тельца,
Играя в лучах круглолицей пастушки.
На тёмном холсте у седой деревушки
Любуется дева на гладь озерца.

Прохлада садится у мраморных вод.
Кузнечики Брамса дают без стеснения,
Концерт виртуозов, туманны виденья,
Лиловый камзол натянул небосвод.

Играя словами, танцует перо,
Рисует картины ушедшего мира,
И сонных иллюзий, тепло кашемира
На лист тонкой вязью ложатся хитро.

Вечерний дождь
На улице зашлёпал дождь,
Чуть раньше небо грохотало.
Пред этим в воздухе летала
Гроза. Пронзала тучи дрожь.

Бежали звуки в облаках,
Терялись в серости. Сурово
Рвал ветер дерева. Покрова
Лишались кроны на глазах.

Стояла у окна тоска,
Смотрела в сумрак непогоды,
Как слезы льют небесны своды
И свет кромсает облака.

Скакали в лужах пузыри,
И мрачных дум шипящий шёпот,
Зловеще превращался в рокот,
Терзая небо до зари.

Мрачность дня ты пьёшь глотками,
Обжигает горло холод.
По теплу остался голод,
В осень смотришь ты часами.

Птичий крик звучит набатом
Чёрных масс несметна туча.
И бесформенно, колюче
Стая движется к закату.

Вот у ног твоих присели
Листья, сорванные ветром.
Шёпот их наполнен светом
О лучах, что сладко грели.

Солнца щуп пробил завесу,
Зашагал по серым лужам.
На дорогах грязь утюжа,
Направляясь тихо к лесу.

Уходят любви караваны

Вдоль дороги берёзы золотые
Шелестят белоствольные грустно.
Ветер шепчет тебе моё имя.
Только в сердце твоём нынче пусто.

Ты стремишься в далёкие страны
За крикливою чёрною тучей.
И уходят любви караваны,
Оставляя мне фразы колючие.

День седой отражается в лужах,
И глаза наполняют дождемки.
Лист пожухлый по улицам кружит,
Застилая нагие тропинки.

Уеду

Я уеду туда, где золотые поля,
Где стога пряным духом чарует.
Там большак стерегут старики тополя,
Жаркий полдень по ветру тоскует.

Там в тумане романсы слагает река
И камыш то смеётся, то плачет.
Над лесами крадутся в тиши облака
И сороки о чём-то судачат.

Там кобылки гарцуют по медной траве,
В лунном свете симфония льётся.
Просыпается счастье всегда на заре
И залиvisto громко смеётся.

Питер

По волнам голубым пробежал солнца луч.
Ветер пену взбивает у кромки атолла,
И у пристани серой прижалась «Аврора»,
Недовольно взирая на стойбище туч.

Шпили нервно пронзают бездонную хмарь,
Что на Питера плечи небрежно ложится.
И у сфинксов дремучих печальные лица,
Они смотрят сквозь время в туманную даль.

Медный всадник с Сенатской взирает туда,
Где холодные ветры гуляют по крышам.
И седой стариной наслаждаясь чуть слышно,
В ожиданье экскурсий стоят катера.

Время мерно шагает сквозь Невский проспект,
То завьюжит напевно, то светом прольётся.
В сердце русском, бывало, дождём отзовется,
И в холодной столице забрезжит рассвет.

Ночь

Ночь стелила постель, напевая мотив,
Зажигая на небе неяркие свечи.
Опустился прохладный туман ей на плечи.
В белой дымке растаял печальный залив.

Сквозь прозрачную ткань тело гладит луна,
Серебром покрывает намокшие косы.
На морском берегу я стою, ноги босы,
Стопы лижет тихонько седая волна.

Крики чаек порой нарушают покой,
Потемневшее небо прикрыло глазницы.
Только белая пена на пляже резвится.
Сказки сладкие тихо мне шепчет прибой.

Пегас

Взмах крыла – разлетаются тучи.
Стук копыт – грозные раскаты.
Белоснежный Пегас вдоль заката
Мчится к звёздам холодно-колючим.

Он летит, рассекая пространство,
Резво скачет по кромке вселенной.
И пред ним преклоняют колени
Короли тридевятого царства.

Он несёт мои мысли и чувства,
Лишь кометы за ним поспевают.
И от боли людской выгорают,
И поют на прощание с грустью.

Конь спешит к поэтическим нивам,
Где поля застилают сонеты.
Где слагаются рифмы в рассветы,
Где дождевики струятся курсивом.

Люблю

Люблю печальные поля,
Когда ветра ковыль качают,
И вдоль дорог снега летают,
Что обронули тополя.

А день хрустальный палантин
Раскинет на макушки елей.
Луч пробежится по аллее
И засверкает, как рубин.

Люблю смотреть в седую даль,
Когда закат спешит навстречу
Плеядам звёзд, и тёплый вечер
Накинет сладкую вуаль.

И в полудрёме, чуть шурша,
У хладных вод вздыхает вечность.
Ступает ночь, поёт беспечно,
Ведёт за руку сны луна.

Марина АЛЕКСАНДРОВА

Страна

Долго ли, коротко ли,
Ровно или зигзагом,
Речкой или в пыли,
Русским и красным ли флагом,
Песней, молитвой, строкой,
Плачем сирот, пожаром –
Выстрадал каждый собой:
Есть это в малом и старом –
Боль за родную страну,
Каждый готов с утешеньем
Заново дать ей вину –
С гордостью и возвышеньем,
Каждый по-своему бы
Новой хотел ей судьбы,
Только для всех одна
Наша судьба – страна.

Осень и расписание

Дали ей имя – Осень.
Думали – это старость.
Только она не знала
Возраст и календарь.
Спелость плодов, колосьев...
Похолодало малость...
Краше, счастливей стала,
Сколько её ни старь!

В этом году – полегче,
В прошлом – дожди потоком,
Но, как всегда, внезапно,
Может с любого дня
Осень упасть на плечи,
Не угадать по срокам.
Двигутся поэтапно
Строки календаря.

Сутки не виноваты –
Спорно и неумело,
Средово и воскресно
Смотрим неделям вслед.
Мы выбираем даты.
Ставим себе пределы.
Думаем, что полезно
Есть по часам в обед.

Тюменскому поэту Денисову

Мужество – избрать служенье слову,
«Мужество» напишем с прописной:
Жить по-русски – с удалью, толково,
Словом наполняя шар земной.

Что случилось, что ещё случится –
Если мы не скажем – не понять.
Всё в стихах, в поэмах отразится:
В книгах – бури, на страницах – гладь.

Радуйте, учите, сохраняйте
Всё богатство слов и языка.
Продолжайте в творческом азарте
Складывать поэмы на века.

Ровно в срок бывают юбилеи.
К нам приходят годы – корабли.
Вам ветра насвистывают трели.
Вы, за дело взявшись, всё смогли.

Гиперборея

Милый мой Север, старые мхи.
Всё узнаваемо. Ветра аккорды.
Кроны деревьев. По тропкам глухим
К нам возвращается воздух свободы.

Да, это Север. Камень основ.
Тот, что всегда остаётся на месте.
Всё повторяется. Храм праотцов
Новые храмы вознёс в поднебесье.

Те же? Другие? Дарила Земля
Юных и смелых, любимых и мудрых.
Племя, страна, поселенье, семья –
Ветер любим расшевеливал кудри.

Где вы теперь, созидатели дней?
Вы растворились в культурах и странах.
Лягушка качается. Снова над ней
С запахом млечным склоняется мама.

Андрею Тарханову

Железный век, стальной и нефтяной –
Ступени для технического бума.
Поэзия, волшебный голос твой
На все века сильнее любого шума.

Не моде дань, не спор и не война,
А счастья взлёт, боль разочарований.
Поэзия, тебе любовь цена.
Стихи сынов – плоды посильной дани.

Любимец твой, земли сибирской сын,
Нам пел светло югорский жаворонок.
И юным пел, и в возрасте седин
Остался голос и силён, и звонок.

В гармонии уверенность видна:
Для песни наступает тишина.

Петр Суханов

Болезненно чувствительны, честны
Осенней слякотью и зимней белизною,
Во всяком проявлении весны,
По летнему дождю, цветам и зною:
Ласкать, корябать, прославлять рассвет,
Заставить плакать, слёзы не скрывая,
И душу раздавать – «за так», «на нет»:
Слыть чужаками – доля горевая
Поэтов, постигающих нужду
Бесчувствия среди хмари серых буден,
Привыкших к непомерному труду,
Что им дарован, сладостен и труден.

Липовый чай

Душистые цветущие деревья,
Жужжанье пчёл и шорохи листвы...
У летних дней есть время для цветенья,
У поколенья – время для любви.

А после и покой, и увяданье.
Вязание, а как же без него!
Присмотришься – продлится узнаванье,
Нет равнодушных после – никого!

Из липы чай, когда заварить цвет,
Даст аромат и умиротворенье.
Да славит жизнь июльское цветенье:
Для поколений многих вечный свет,
Которому конца и края нет,
А есть и красота, и вдохновенье.

Сияние

Море и небо – две глубины сиянья.
Не успеваю переводить глаза
С неба на море. Им горизонт – слиянье.
Им уступают алмазы и бирюза.

Вечные волны, брызги – штормами – в небо.
Им – воспаренье к небу и облакам...
И в Херсонесе древнем святая треба –
Повод к счастливым, длинным, хмельным строкам.

Не помогают крылья, летящей мыслью
Я попытаюсь тронуть бездну и небеса,
Линию горизонта. В строки стараюсь втиснуть
Небо и море, вечные – в полчаса.

Берег – ладонью. Пляжи и порты – рядом.
Свет-Севастополь, праздничен твой наряд.
К морю и небу ты обратился взглядом.
Небо и море – здесь принимай парад.

Ручей

Берега не идеальны –
То коряга, то тропа.
Ручеёк живой, хрустальный
То заметен, то пропал,
То опять подразнит звоном,
То задумчиво грустит...
Или ввысь к тяжёлым кронам
Вешним стоном прогудит...

Так и наши судьбы канут,
Как основа для других.
Зарабатывает манну
Чистотой негромкий стих –
Для других, для тех, кто будет
Дальше тропкой бытия,
Непростой дорогой судеб
Вдаль идти, как ты и я.

Александр УСТЮЖАНИНОВ

У души есть свои острова

Рассуждая о жизни, о Мире,
Вспоминаю я мамы слова:
«Есть душа у Земли, у Сибири...
Наша помнит свои «острова».

Родниковой водою умоюсь,
Обойду перелески, луга,
В разнотравье, как в детстве, заруюсь,
Громко крикну: «Ну здравствуй, тайга!».

На ветру полюбуюсь берёзкой,
На руке подержу стрекозу,
Поболтаю с пичугой неброской,
Ртом поймаю дождевку-слезу.

Постою миг в белёсом тумане,
В камышах малыша-озерка.
Почему так сюда меня манит?
Чувств былых не мелеет река.

Поздний вечер, закат на пороге,
Всё ж часок посижу в шалаше.
Отступают заботы, тревоги.
Почему так вольготно душе?

Небосвод потемнел в одночасье,
Сквозь туман на луну погляжу.
За часы воскресённого счастья
Тихо Богу спасибо скажу.

Вот еще лишний раз убедился –
Была мама мудра и права.
Свято место, где рос и родился.
У души есть свои острова.

Признаки весны

Я в раннем детстве верил почему-то,
В свои виденья, грёзы, байки, сны,
Что стайки диких долгожданных уток
Несут на крыльях зёрнышки весны.

И хлебушек в своих руках катая
За огородом в пойме Иртыша,
Порой часами ног не разгибая,
Кормил с руки чирков и крякаша.

В сапожках ноги сильно замерзали,
Долбила дрожь, и хлюпало в носу,
А я просил, чтоб завтра подплывали,
И обещал, что хлеба принесу.

Мелькали лета дни, затем недели,
Галдели чайки на исходе дня,
И хлопунцы с присвистом шелестели,
Я твёрдо верил – это для меня.

Ну а когда ветра зимы задули,
Косяк поднялся вверх, меня маня,
Стояли тихо, словно в карауле,
Сосна, зарод, камыш, и с ними я.

Спустя года в любое время суток,
Стоя у старой выцветшей сосны,
Я вспоминаю стайки диких уток
И ощущаю признаки весны.

Пелена

Пауки свои сети развешали,
Ночью встал над Тоболом туман,
В пелене мне мерещатся лешие,
То ли явь, то ли самообман.

Спят стрижи в брюхе батьки обрыва,
Мой свидетель – старушка Луна,
Как встаёт и кружит непрерывно,
Пелена, пелена, пелена.

Я стою над песчаными плёсами,
И русалку неслышно зову,
И гребу я душевными вёслами,
Но доплыть до неё не могу.

В пелене, меж тумана разрывами,
Вижу милой главы седину,
Всё равно догоню свою милую,
Если нет, то бесспорно – ко дну.

Пауки свои сети развешали,
Моя пристань в белёсом дыму,
В пелене мне мерещатся лешие,
То ли жил, то ли жив – не пойму.

Пейзаж на жизнь

Ещё ни зги, зари июльской лучик
Срез горизонта осветил слегка,
Пейзаж на жизнь в разделе «самый лучший»
И подраздел «купается река».

Река лежит в белёсой нежной глади,
В пару испарин мелководных мест.
С моей рекою мы безбрежно ладим,
Река – со мною, с ней – прибрежный лес.

Я чуть дышу – и мир вокруг на вздохе,
Вот засветились перья-облака,
Роса как бусы: капли, капли-крохи.
Я подожду... Пусть моется река.

Детство

Детство, детство, детство, дорогое детство,
Ты за мной без усталости скачешь по пятам.
Самое чудесное, славное соседство,
Важное, огромное, что осталось там:

Там мои ручьи – как большие реки,
А мои запруды – будто бы моря,
Там живут особые люди-человеки,
И корабль из щепки бросил якоря.

Кедры, сосны, ёлки, пихты и берёзы,
Луговые травы нежно ворошу,
Там всегда тепло в лютые морозы,
Там я благовономьями чудными дышу.

Там как солнце гроздь алые рябины,
Бусы ярких сочных ягод на снегу.
Там всегда живут сказки и былины,
Там мой рай, и я в том раю бегу.

Из грибов и ягод соткана поляна,
Там слышны особо трели соловья,
Там всегда смеётся Ирка-несмеяна,
Там мой рай, и в нём был очень счастлив я.

Детство босоное, детство озорное,
Детство справедливое, верные друзья,
Детство в меру взрослое, ты всегда со мною,
И кривая улица – родина моя.

Родина чудесная, родина святая,
Родина огромная – внутренней страны.
Самая красивая мама молодая,
И пожалуй, главное: детство без войны!

Детство, детство, детство, дорогое детство,
Ты за мной без усталости скачешь по пятам.
Самое чудесное, славное соседство,
Важное, огромное, что осталось там...

МОЛОДЫЕ ГОЛОСА

Артём ТИХОМИРОВ

Дом для нас двоих

Приехал из леса. Впервые съездил за два года по грибы. И то вывез друг. Зашёл домой и принялся за поиски. Жена позвонила, когда мы были на обратном пути, и накидала: «на работе справка приедешь где-то в ящиках найдёшь завези».

Порылся в одном ящике. Не нашёл. Другой. Перебирал бумаги и наткнулся на странное заключение. Сначала, не читая, отложил в сторону, но что-то в нём зародило во мне еле ощутимое скверное предчувствие. В груди набухал призрачный ком, вжимаясь в лёгкие холодными иглами.

Перечитывал заключение, прижав кулак к зубам. Один, второй, третий раз. Только тогда уверился, что это не шутка, не ошибка. Без процента на поблажку. Чувствую себя как после кошмарного сна, гнетущие образы которого продолжают преследовать в реальности...

В голове рой вопросов. Уже после – уязвлённая гордость. Нет. Растопанная. Меня охватила ярость... Но я аккуратно вложил заключение в кипу документов и закрыл ящик. С поисками всё. Неосторожный сапёр нарвался на мину. К сожалению, после взрыва я остался в живых и с несмываемым позором. Принялся нервно ходить по комнате кругами. Впервые она показалась мне тесной. Тогда стал кружить по квартире. Из комнаты в комнату. Но нигде не мог собраться с мыслями. Рухнул в любимое кресло. Начал перебирать в голове возможные варианты. На горячую голову ничего рационального подыскать не смог. Одни эмоциональные глупости.

Дом, где я тщетно пытался обустроить уютный уголок, теперь стал вовсе не моим. Не юридически. Но мне здесь больше не найти покой. Даже это великолепное кресло, в котором я так любил сидеть редкими свободными вечерами и слушать музыку из своей небогатой коллекции, стало для меня символом моего унижения.

Я невольно, даже инстинктивно, начал жалеть себя. Это лишь добавило презрения. Зашёл на кухню, взял ведро с грибами и высыпал в раковину... Жалеть себя – последнее дело. Нужно собраться и решить непредвиденную проблему. Гадать «кто?» бессмысленно.

Нужно оправиться от потрясения. Только на работе... Собираюсь вмиг и выскакиваю из дома. Дома, который построил сам. Потому и взял здесь квартиру сразу после женитьбы, двухкомнатную, с просторной кухней, отдельным санузлом и большой парковкой во дворе, рядом детский садик и школа. Всё на будущее. У меня такая работа – следить за строительством домов. И ни один не подвёл. А вот свой...

Сажусь за руль и неудачно выезжаю с парковки. Зацепил бордюр. Грязно ругаюсь во весь голос и стучу по рулю. Машина ни в чём не виновата. За ней хочешь не хочешь, а нужно следить. А надо было следить за ней...

А вот и она звонит. Сначала думал ответить и выместить всё, но... пока не решил, лучше ничего не говорить. Звонит без перерыва. Истерично. Слово догадалась, что допустила промах...

Чтобы отвлечься, включаю музыку. Как назло, ничего не успокаивает. Выключаю магнитола, но всё равно бешусь то от суетящихся водителей, то от пролетающих из ниоткуда мотоциклистов, то от наглых велосипедистов, важно скользящих по проезжей части, когда для них есть тротуар. Один едет так криво, что норовит попасть мне под колёса. Сдержался, чтобы не выйти из машины и не ударить его. Это было бы слишком просто – выместить злобу на ком-то. Её нужно перебороть. Не уверен, что справлюсь.

Стою в пробке. Думаю, что делать с домом. Совсем недавно взял участок в десять соток. Тринадцать километров от города. Уже начал планировать дом. Брат активно помогает. Через работу закупаю, а порой и «таскаю» материалы. Жена относится к идее жить за городом скептически, но не вмешивается. Ей нравится жить в квартире. А мне нет. Такая жизнь по мне похожа на жизнь пещерных людей. Набились кучей в одну пещеру и отгородились стенами. Я, правда, недавно узнал от брата, что эти так называемые пещерные люди обычно жили не в пещерах, а рядом с ними и использовали их как склады. В пещерах и днём прохладно, а ночью ещё холоднее. Умные были люди.

В окнах автобусов вижу переполненные людьми салоны, прижались друг к другу до интимного неприличия. Лица измученные. Женщины, особо недовольные жизнью, с завистью глядят на дорогие машины, в которых по правую руку от импозантного мужчины сидит накрахмаленная принцесса и листает инстаграм через последний iphone. Или с презрением. Или ничего подобного они не испытывают, а это я надумываю, потому что зол. В конце концов, что эти люди знают о жизни друг друга?

Вспоминаю трудный период. На работе платили мало. Мы тогда много ссорились. А потом всё стихло, она стала покладистой, а я сделал ей предложение. И сразу ребёнок.

Как глупо всё это. Неужели всё решили деньги? Спустя год на работе всё устроилось, и проблем больше не возникало. Но после рождения ребёнка мы стали отдаляться...

Разве это сейчас важно? Как быть с ней и кто она теперь?

Начинаю закипать, нужно переключиться.

Грибы собрал знатные. Грибницы хочется. Ребёнку тоже нравится, вместе бы и навернули. Любовь к грибам началась со случайного похода в лес в далёком детстве. Мама забрала меня из летнего лагеря и решила, пока идёт следующий по расписанию автобус, заглянуть в лес. К моему удивлению, у меня тоже было желание побродить с ножичком по лесу в поисках соковиц. За час, отбиваясь от гигантских комаров, наполнили ведро. Дома мама сварила грибницу. И я влюбился.

А влюблялся я редко. Да и не верю в любовь. Когда встретил будущую жену, думал о семье, а не о свиданиях и плотских откровениях. Жили мы ладно. Порой гуляли по лесу, собирая грибы и ягоды. Иногда мы устраивали пикник или разбивали палатку у озера, разводили костёр и оставались на ночь. И звёзды были нам и свидетели, и судьи.

Но бывали дни, когда я забирал её, еле стоящую на ногах, из клуба, где она танцевала с недалёкими подружками. Она слишком беспечно выбирала своё окружение. Я их не виню... Кого я обманываю? Виню, и ещё как! Их. Её. Того. Себя. Всех!

Тише-тише... Всё это ушло, забылось в быту. Ведь теперь жена как жена. То обои перекрасить, то линолеум поменять, то диван обить...

Забылось? Ан-н-н-е-е-т... Неглубока могила...

Всё, подъехал. Паркуюсь слишком близко правой стороной к соседнему авто. Выскакиваю из салона, хлопаю дверью. Так завёлся, что хочется на ком-то сорваться. Прохожу на стройку, ни с кем не здороваюсь. Ищу глазами помощника. Часто он меня подводит по мелочам, да даже не он, а его подчинённые. Это уже его ответственность. Не хочу думать об этом.

Захожу в лифт. Город мелькает, его своим весом вдавливают в землю упитанные облака. Первый небоскрёб в городе. Сто тринадцать метров. Если постараться, можно увидеть свой дом. Жена должна скоро вернуться с ребёнком от бабушки, они пообедают, а потом она будет укладывать его спать.

Сигануть со ста тринадцати метров – хороший способ избавиться от бесчестья.

Меня окликают. Это помощник. Вид у него уставший. Он здоровается и тихо говорит мне, что всё выполнено. Всё идёт как по маслу. Он приехал пораньше, проследил за бригадой. Не выспался, не завтракал, не обедал...

Я сбит с толку. Собирался выплеснуть всю ярость, а он, сволочь, заслужил похвалу. Мы обходим участок. Как он и говорил, всё сделано и сделано хорошо. В работе я почти забылся, мне даже стало казаться, что всё это вымысел, плод моего воображения или ошибка. Но когда закончил с помощником... началась череда её истеричных звонков. Через вибрации телефона передавалась её паника.

Прощаюсь с помощником. В лифте мужики кичатся своими похабными приключениями. Коллекция из доверчивых матерей-одиночек, потерявшихся в жизни простушек, наивных милых стеснительных хрупких мечтательниц, беспринципных дурнушек, убитых реальностью жён... Все они с их слов превращались в роковых красавиц из мальчишеских грёз... Одноразовые молитвенные идола... Эти однотипные басни приводят меня в бешенство. Захожу в офис, беру папку с документами на подпись. Как я их вдвойне возненавидел. Вся жизнь по документам строится и рушится. Из-за одного проклятого документа всё прахом! Я – пленник простой истины. Или же меня грубо вытолкали из клетки на свет?

Возвращаюсь в машину. Перевожу дыхание. Сдерживаюсь, чтобы не взорваться. В голову вбили гвоздь, болит и давит виски, и тяжело дышать. Бью себя ладонью по лицу, чтобы привести в чувство... Выезжаю. Замечаю записку, зажатую дворником. На светофоре выскакиваю. В записке кто-то невежливо просит меня научиться парковаться. Комкаю бумажку и выбрасываю в салон. Не анализирую. Наплевать.

Через несколько перекрёстков понимаю, что ехал бесцельно. Бумаги вылетели из головы. Перестраиваюсь нервно в другую полосу. Никак не определяюсь, куда ехать. Мне сигналият сзади. Да ну всё. Паркуюсь. Выхожу из машины и иду, не разбирая дороги. Спустя несколько минут осознаю, что ноги ведут меня к дому брата. Останавливаюсь. Не думаю, что готов поделиться. Как он отреагирует? Как будет потом относиться ко мне, к ней? Важнее, как к ней. К тому же он сейчас на работе. Спасительный аргумент. Был бы дома, кто знает, может и зашёл бы, может и рассказал.

Резко разворачиваюсь, ухожу. Дожил. Искать у младшего брата совета. Сколько помню нас, всегда было наоборот. А началось всё так. Отец

овдовел, когда мне было восемь. Через два года он женился. У мачехи был сын от прошлого брака. Когда они переехали к нам и нас, мальчишек, познакомили, а затем оставили играть одних, мы подрались. Я старше на два года, бедняге досталось.

Ему понравилась моя игрушка – черепашка-ниндзя Рафаэль. А это была моя любимая игрушка. Я пожадничал, вспылал, увидев, что он ею играет... и что он чужой. После того как нас разняли, отец завёл со мной беседу. Узнав, из-за чего мы подрались, сказал – ты старший в новой семье. Раньше у тебя не было ни брата, ни сестры. Теперь есть. Сказал, что я должен видеть в ближнем брата, а не врага. Что отныне тот мальчик, живший раньше куда беднее, чем я, часть семьи, мой брат. Его жизнь и то, каким он станет, во многом зависит не только от мамы и его, отца, но и от меня.

Сейчас он сидит в другой комнате и плачет, потому что недавно от него ушёл отец, все друзья остались далеко, словно на другом краю света, и недоступны ему, потому что маме пришлось переехать к нам. И вот он приезжает сюда, в новый дом, и вместо самого дорогого друга на всю жизнь он получает тумачи. У него никого нет, кроме нас. Ты готов стать его братом, спросил меня отец, или оставишь его, не станешь заботиться и защищать? Выбирай. Но учти, старшие никого не бросают.

Тогда я понял половину из того, что сказал мне отец. Он не отчитывал меня и не был строг, но такого стыда я никогда больше не испытывал в жизни. Я даже заплакал, молча, без всхлипов. Посмотрел на отца и спросил: он правда мой брат? Отец помолчал и ответил. Если ты захочешь, так и будет. Я схватил Рафаэля, вытер слёзы, зашёл в комнату, где сидел он...

Как всё могло повернуться, если бы отец поступил по-другому? Ругал или просто не вмешался? Не братья, а сожители, соперники за родительское внимание. Но Рафаэль и поныне охраняет книги на полке в квартире брата.

Мы с ним не разлей вода. Я с гордостью исполнял обязанности старшего брата, а после смерти отца – обязанности главы семьи. В детстве за младшего приходилось краснеть, работать, даже порой драться... всё как у людей.

Теперь он успешный архитектор. Однажды он привёз из Англии раритетную пластинку дебютного альбома Joy Division. Жемчужина моей коллекции. Правда, не часто удаётся послушать. Жена не может вытерпеть дольше трёх композиций.

И недавно ребёнок залез на шкаф, достал именно эту пластинку, может, насмотрелся на то, как я часто держу её в руках, прослушивая треки глазами по их названиям, вынул из конверта и стал играть. В итоге в центре диска появилась небольшая трещина. Это сказало на концовке последних композиций надоедливими и отрезвляющими щелчками. Я убрал пластинку на полку повыше. Стал доставать и слушать её ещё реже.

Может, позвоню брату. Позже. Теперь мы можем вместе отправиться на поиски приключений. В моей ситуации есть условный плюс. Вспомню, сколько красивых женщин я упустил. Дерзкие фантазии. Обязательно с незнакомкой. С женой мы не могли вернуть утраченное. Мы сгорали, как спички, а ведь некогда ими разжигалось слепое, жадное пламя. Его залили рутинным несоответствием желаемого с действительностью...

Огляделся. Не сразу определил, куда забрёл. Теперь нужно перекусить. Зашёл в кафе, плюхнулся на диван у окна. Изучил интерьер. Велосипеды, старый Пежо в тесных улочках и Эйфелева башня.

Сажу, тупо уставившись в окно. Там проходят люди, кто-то ловит мой взгляд. В их глазах сменяются зависть и сочувствие. Женщины в длинных одноцветных пальто. Синие, красные, иногда жёлтые, остальное бесцветно. Мужчины пробегают, стреляя в студенток оценивающими взглядами.

Официантка возвращает меня в кафе. Её голос льётся такой свежестью, что её можно пить. Пылкая, рыжая, в обтягивающей зазорные груди белой блузе в оранжевую полоску и тёмном фартуке... Переспрашивает, готов ли я сделать заказ. Долго смотрю на неё, она улыбается мне. Загораюсь от желания и делаю заказ.

В уме владею ею и теряю голову от её покорности. Рыжая грива намотана на мою руку, и эта ложбинка между лопатками...

Провожая её взглядом. Перевожу дыхание и вновь смотрю в окно. Раскуроченные тротуары из-за ремонта дорог, пожелтевшие от запущенной болезни дома, рыболовная сеть на балконе, неуместно празднично-зелёный автобус с трудом поднимается на мост через уставшую реку. В сторону дома.

Нужно направить все силы на постройку. Тихий уголок для нас двоих... Брат сказал, что привезёт мне яблоню и собаку. Не люблю собак и садоводством тоже не планировал заниматься. Но и к этому я готов, если только она...

Сказать ли жене, что я всё знаю? Не представляю, как это отразится на семье. Моей придуманной семье. Сначала я придумал себе брата, теперь вот семью, так и жизнь подменяю вымыслом. Всё настоящее, пока ты допускаешь...

Нет, я ей всё скажу. Растопчу. Пусть ищет утешения у кого хочет. Зато так я точно проведу границу и сброшу балласт. Может и заживу...

Наличие документа означает, что она не была уверена. Скорее всего, когда решилась, то надеялась на другой результат...

Тут я понимаю, что ни я, ни жена давно не испытывали счастья. Стало грустно и за неё тоже. Я и не знаю, как быть счастливым. И как осчастливить её. Любовь тлеет, быт умалывает... Я не буду её топтать. Мне теперь нужно совсем не это...

Или счастье – это череда позитивных изменений? Но вот дорогу у дома обновили, а счастливее я не стал. Видимо, мне не нужны изменения. Только дом. Наш дом для двоих. Мы будем в нём дурачиться, читать приключения о старых временах, смотреть ужастики, а потом пугать друг друга, сажать яблони и ждать урожая, гулять по лесу и собирать грибы, встречать гостей и угощать их кофе...

Принесли заказ. Рыжая официантка улыбнулась мне, пожелала приятного аппетита и вновь показала свою волнующую спину.

Хорошо было бы иметь хорошенькую девушку в каждом уголке своего мира. Дома, на работе, в поездке, «в радости и в горе». И каждой нужно отдать себя. На это уйдёт вся жизнь. Красивая, насыщенная потом и плотью, взмокшими простынями, стонами и тоской по близости жизнь. И в этой близости сиюминутная, но любовь. Она откровеннее пустых обещаний и потерянного будущего...

Да уж, сейчас самое подходящее время мечтать об этом.

- Всё хорошо? – подошла официантка.
- В смысле?
- Вас всё устраивает?
- Да, всё вкусно.
- Простите, но вы ведь даже ничего не попробовали.
- Правда? Извините.
- Задумались, наверное. Бывает.
- Не знаю, можно ли считать, что я думал...
- Что, простите?
- Вы это готовили?
- Нет, конечно, нет. Это повара. Я официантка.
- Жаль.
- Почему?
- Вижу я вас, угощаете меня вы и интересуетесь обо мне тоже вы. А еда не от вас.
- Я всего лишь официантка.
- Уверен, ваши женские руки справились бы лучше.
- Спасибо. Все наши повара мужчины.
- Тогда я даже пробовать не буду.
- Что вы?! Ведь все знают, что лучшие повара именно мужчины.
- А лучшая еда та, что приготовила для тебя женщина.
- Не буду спорить. Если я могу вам чем-то помочь, обращайтесь. «Можешь!»
- Могу я быть уверен, что когда я зайду в это кафе в следующий раз, то увижу вас вновь?
- Я работаю по сменам. Но все официанты в кафе профессионалы.
- Не сомневаюсь.

Я поднялся.

- Вы уходите?
- Да, простите. Мне пора.

Оставляю на столе деньги.

- Спасибо. Приходите к нам ещё.
- Обязательно. В вашу смену.

Мы попрощались, и я вышел. Краем глаза заметил, что она провожает меня горящим от любопытства взглядом. Неудавшийся семьянин опустил до дешёвых подкатов. «Обязательно. В вашу смену». П-ф-ф...

Эта девушка привлекательна. Красивых женщин я встречаю часто, но они вызывают лишь похоть. А привлекательных редко. С ними хочется сбываться. Она из тех женщин, которые могут зажечь мужчину, воспламенить его дух. Тех, кто может сжечь – достаточно. Но не всё во мне зола...

Кстати, об огне. Поскорей бы в тепло. Поднялся влажный, промозглый, пророчащий скорую осень ветер. Дева покоряет Льва. Замечаю на витрине эмблему с забавным крокодилком. Магазинчик с издевательским названием «Густав». Вспоминаю о кровожадном людоеде, потому что голоден. Глупо было заходить в кафе и не поесть, но думаю, всё бы застряло в горле комом. Приду домой и сделаю грибницу...

На смену бессильной ярости пришло чувство апатии, опустошения. Всю ярость забрала рыжая официантка, преобразила её сначала в мсти-

тельную похоть, затем в грусть и сейчас в стыд. Перед женщинами. Их уязвимостью. У них берут, ничего не отдав. Может, так оно и было... Рыжая сняла порчу. И я растерян, не знаю, что я должен, а что хочу чувствовать...

Забыл, где оставил машину. Сначала удивляюсь, потом смеюсь. Как я смешон со стороны и в своих глазах. Ладно, отсмеялся и хватит. Сажусь на скамейку в миниатюрном парке у гранитной глыбы – памятника чему-то такому же весомому для истории. Стараюсь вспомнить, откуда пришёл в это кафе. Меня отвлекает какой-то подозрительный тип, спрашивает сигарету, затем что-то ещё. Жестом отмахиваюсь – давай, проходи. Бубнит и уходит.

Тяжкая ноша мешала ей дышать свободно. Оттого и разочарование. Не такой она представляла семью. Она тоже обманута. И от этого груза ей не избавиться. Даже мне это не под силу...

Вспомнил, что проходил рядом с домом брата. Углубился в город. Разглядываю дома. Какие-то построены так нелепо, что обидно за потраченные на них ресурсы и труд. В этом районе, примыкающем к центру города, много аварийных домов. В новостях проскальзывают сюжеты про обвалившиеся балконы, трещины в стенах, плесень в квартирах из-за морозов. Строили наспех, неумело. А где-то с любовью, но бездарно. Одной любви недостаточно, на ней дом не построишь.

Прохожие к вечеру всё больше напоминают меня утреннего. Разбитые обстоятельствами, ускользающим в безрадостной работе временем. Нас всех, идущих через перекрёсток, подгоняемых зелёным сигналом, объединила вечерняя усталость от решения напускных проблем. Наши амбиции и ожидания разбиваются о необходимость следовать традициям, порядкам и, что унижительнее, привычкам. Я сам делал настоящий выбор всего несколько раз в жизни. Случай с братом – один из них...

Вот и дошёл до его дома. Почти час пути от кафе. Как долго я бродил, будучи не в себе. Может, заглянуть в гости, раз уж опять так близко? Теперь он, скорее всего, дома. Нет, если расклеюсь, буду корить себя всю свою жизнь.

Вдруг становится невыносимо. Хватаюсь за голову и сгибаюсь, словно от боли. Лучше бы я никогда не лез в тот ящик! Лучше бы ничего не знал и соблюдал привычку, как те прохожие, против воли торопившиеся по домам. Они глубоко несчастны от радости соблюдать злополучный алгоритм, крадущий у них самих себя. Я хотел бы остаться, как они, в плену презираемой, но трепетно лелеемой константы. Вдалеке кто-то проходит, вглядывается в мою сторону. Заставляю себя дойти до ближайшей скамьи. Сажусь, чувствуя слабость в ногах. Не замечаю людей, надеюсь, и они меня.

В несвязные мысли проникает знакомая мелодия. Не сразу понимаю, что это звонит мой телефон. Брат.

- Привет! Ты где?
- Привет. Рядом с домом... Спускался в магазин, вот сижу на скамейке. Курю.
- Чего?
- В переносном смысле.
- А-а. Ладно. Всё хорошо?
- Конечно.

– Слушай, я встретил женщину. Хочу познакомить её с тобой и твоей семьёй.

– ...

– Чего вздыхаешь?

– И ты туда же.

– А кто ещё?

– Тысячи их. Всё так серьёзно?

– Не пустяк.

– Для тебя уж точно.

– Так что?

– Приезжайте, будем рады познакомиться и тебя повидать. Давно не виделись.

– Тогда ещё свяжемся, выберем день.

– Да, хорошо. Слушай, у тебя было такое, что ты припарковался, а потом не мог вспомнить где?

– У меня нет машины.

– ...

– Точно всё хорошо?

– Да-да. Просто сложный день.

– Ты потерял машину?

– Нет. Просто вышел из торгового центра и долго ходил по парковке, не мог вспомнить своё место.

– Да-а. Сложный день.

– Утром ещё по грибы катался.

– Собиратель. Ты родился не в той эре. Я тут вычитал один интересный факт.

– В маршрутке?

– В книге по биологии. Изложу его вопросом. Как думаешь, когда клетка делится, она умирает?

– Тебя всегда беспокоит какая-то дичь.

– Это основы жизни. Так каков ответ?

– Умирает.

– Нет. Она делится. Понимаешь? Она умрёт, если погибнут все её копии. Но я в этом не уверен.

– Впечатляет.

– Слышу, как сильно. Ну ладно тогда, хватит прохладных историй на сегодня. Пока.

– Давай.

Всегда у него какие-то факты. Умирает ли клетка? Человек умирает. Обречён, сколько бы псевдокопий ни наплодил. На меня накатывает сознание грядущего позора. Даже если сохранить секрет. Я дважды обманут. Ноги упираются в асфальт, но я не чувствую опоры.

Когда я ухожу от дома брата, уже совсем темно. Жму на кнопку брелока сигнализации. Ничего. Даже лиц у прохожих. Дому, что я дострою, суждено меня похоронить. Сложится, как карточный домик. В конце концов, я не клетка, не поделился. Зато они будут делить на чёрное и белое: твоя, не твоя... Моя?

Я надеялся, что буду бродить в поисках авто всю ночь. Стемнело. Для настоящей жизни ночному городу не хватает музыкального безумия. Проклятье! Холодно. Поскорей бы уже отыскать машину.

Направляюсь в сторону работы. Через полчаса брелок оповещает о переданном сигнале. Чаще жму кнопку и прислушиваюсь. Наконец различаю в уличном шуме сигнал, иду на звук и вижу со смешанным чувством облегчения и разочарования свой оранжевый кроссовер. Цвет отсылает меня к официантке. Думаю о ней весь короткий путь до авто. Устало сажусь в машину и перестаю думать. Совсем. Хлопком двери отсекаю доступ. Герметично.

Какое-то время наблюдаю за городом из салона. По свободным дорогам мчатся любители быстрой езды, шумные мотоциклисты. Одиночки торопливо семят, группа весельчаков пугает девушек и неказистых парней. Ночное освещение льстит городу, выхватывает из тьмы приглядные и при свете кусочки несобранной мозаики.

Включаю музыку. Раздаётся агрессивный рифф дисторшен-гитары. По её плоскому звуку сразу понимаю, что это безвкусица. Коллега дал послушать диск любимой группы. Выключаю магнитола. Вспоминаю о запрятанном в верхнем шкафчике чёрном конверте. И о трещине.

Выруливаю с парковки. Еду в тишине. Людей всё меньше на улицах. Они прячутся за бастионами окон. Но машин в потоке немало. Холодный свет фонарей вырезает в ночи фасады церквей, старых домов с узорчатыми углами.

Проезжаю мост через реку. Справа ещё не застроенный пустырь с прудом, но все называют его озером. Стоя на красном, замечаю, как у пруда подрагивает сполох. Приглаживаюсь. Тускло-огненный красавец конь устало стоит у воды, рядом с ним, поглаживая его шею, женщина, ночь укрыла её приметы. Но конь ярко выделялся в темноте, пылая плённым пламенем растраченной свободы. Мне сигналият – давно горит стрелка на левый поворот.

Вот и дома, что я строил. Среди них – мой, алеет у самой реки, раскрашен красными линиями по серым бокам горбатого хребта. За ним прогибается под мост река. Её линия тёмной поблескивающей оконным светом на теле змейкой крадучись проползает под обманчиво несгибаемой тушей моста, что выходил словно из самого дома. Если смотреть под определённым углом, можно увидеть, как в дом входит река и выходит другая, бетонная и с нервно гудящим потоком.

Паркуюсь. Перед выходом замечаю на соседнем сиденье кипу документов. Думаю взять их с собой, но оставляю на месте. Растягиваю путь к подъезду. Застываю перед домофоном. Перебираю ключи в руке, как надзиратель. Подступающий ночной холод всё же заталкивает меня внутрь. И там я еле переставляю ноги, поднимаясь по ступенькам. Необратимость медленно подводит меня к двери. Не решаюсь звонить. Прислонился лбом к холодной двери. Вновь перебираю ключи.

Тихо открываю замок. Захожу. Моего появления никто не слышал. Жена возится на кухне, дверь приоткрыта, силуэт мелькает в проёме, на лице усталость, и мне её жаль. Сколько она носила в себе это? Разуваюсь. Дверь в гостиную открыта, оттуда доносится взволнованное детское сопение.

Снимаю куртку, двигаюсь неловко, делаю много лишних движений, затыгивающих неминуемое обнаружение. С кухни доносится терпкий аромат, напоминающий мне о матери. Грибница. Вспоминаю, как сильно

я голоден. Отвлекаюсь на запах любимого блюда и задеваю вешалку. Она с грохотом падает и выдаёт меня.

В дверях гостиной появляется она. В своих большеватых труселёшках и маечке, обтягивающей милое пузико. Глаза расширены. В них вина.

– Папа, папа, прости меня, я не хотела, – хнычет она и подходит ближе. – Я пыталась склеить, но не могу. Прости, пожалуйста, папочка.

В руках у неё разломанная пластинка. Та самая – подарок брата. А я растерянно смотрю на дочь и раскаиваюсь за свои мысли и сомнения. Опускаюсь на колени, притягиваю её к себе и крепко обнимаю. Она меня.

– Прости, прости, – всё повторяет она сквозь слёзы. – Я не хотела....

– Всё хорошо, – поглаживаю её по спинке. – Это всего лишь пластинка. Там всё равно уже была трещинка. Папа купит новую. Не залазь на шкаф, прошу тебя. Это опасно.

– Обещаю-обещаю, прости...

– Ну всё-всё... Главное, что с тобой всё в порядке, – встаю вместе с ней, прижимаю её, чтобы она не видела моего лица. Ловлю взгляд жены с кухни. В её глазах блестит раскаяние. Она уже знает, что будет потом. Смотрю на неё и продолжаю: «В нашем доме будет много пластинок...»

15.09.2018 – 6.10.2018

Юлия ПАПАНОВА

моя бабушка заговаривала болезни
а я заговаривала зубы богу
несколько месяцев убеждала его не лезть к ней
но, видимо, он забывал прослушать мои монологи
возможно, доступ к нему – 18+?
как к директору школы –
на прием только с родителями?
вот сейчас я могу вступить в профсоюз
работников сферы услуг, пусть и невидимой,
его божественной канцелярии
но
я с тех пор
с ним
не разговариваю.

мой дед был слепым
и я стеснялась ходить с ним по улице
он сочинял стихи, а потом повесился
перекрыл в своем теле потоки энергии «ци»
веревкой
и стал изредка мне сниться
вот и сегодня я звонила ему во сне
и хотела отдать трубку маме
но она отвернулась (что я расценила как «нет»)
и плакала невидимыми слезами.

а потом мне приснилась огромная рыба в небе
она извивалась и была похожа на вяленого леща
затем, видимо, вспомнив, что небо – не место для рыбы
(хотя, может, хордовые равнодушны к таким вещам?)
но она начала пикировать на большой скорости
и пробила ртом крышу моего дома
и он разрушился, до основания, полностью
и я тоже плакала и звала на помощь.

вы спросите: и в чем мораль этой странной истории?
а в том, что это лечится, но я не хочу лечиться
не хочу закрывать гештальты и исцелять неврозы
мне кажется, жизнь без них станет пресной, как у святых –
лица.
(но если честно, я просто заговариваю себе зубы..)

Когда Питер Пэн в последний раз прилетал к Венди,
На её колени лежала мужская рука,
Вторая – держала бокал бренди
(а впрочем, может быть, коньяка:

сам Питер пьёт только колу и милкшейки).
И плач ребёнка из спальни –
Нюх опытного ищейки –
Но приглушённый свет хрустальной
Люстры,
Хруст чековой книжки,
В общем, Питеру стало грустно,
И он улетел, поникший.

А Венди смотрела в окно распахнутое
(пластик, шторы из нового каталога Ikea)
И напевала что-то из Пахмутовой
про нежность:
«Опустела без тебя Земля»...

И не успела крикнуть, что это – не предательство.
Что у взрослых есть определённые обязательства.
Ну или просто попросить, чтобы он её тоже взял.

отчаяние –
как матери слушать
пустой колыбели молчание,
как вору царапать засечки
в обшарпанной камере,
я тоже считаю минуты с той самой,
когда меня ранило.
и чтобы не сбиться со счета,
годовые кольца рисую на пальце,
где нет обручального.

срывать свою злость на собаке
и прятать глаза от раскаяния,
когда она лижет ладонь,
которой я только что бил ее,
пользуясь правом хозяина.
стирать грязной тряпкой улыбку,
сделав глоток яда ревности –
это в последние дни
стало моей повседневностью.

и если конец есть у любой сказки,
если ей без меня сейчас так же, как до меня,
то зачем я выжигал ее имя на своих голосовых связках,
зачем после каждой встречи снимал
слепок ее лица со своих зрачков?
зачем я показал ей мои лабиринты,
туннели, пожарные лестницы, свет маяков
и обводил тени, которые отбрасывало её тело,
чтобы раскрасить их в фотошопе своих монохромных снов?
что мне теперь со всем этим делать?..

Полина КУЗИНА

Иван Фёдорович и ангел

Самое прекрасное в Новом году – подготовка. Мандарины создают настроение, Деда Морозы пляшут в витринах магазинов. Вообще если задуматься, удивительно – зима, порой мороз нешуточный, а тут на тебе: апельсины, мандарины – символ безмятежного вечного солнца. Из таких странностей и соткана наша жизнь. Бежать, гнаться куда-то весь остаток декабря, ждать, ждать. Сначала конца света, а потом уж и Нового года. Удивительно, что ёлка. Почему именно она, а не какое-то другое дерево? Мандаринное тогда уж, раз кругом мандарины. А потом... А что потом? Внезапный переход в новую жизнь.

Иван Фёдорович был обычным гражданином, который каждый день ходил на работу, ненавидел её потихоньку. Ёлку наряжал, но без энергии – всё как у всех. Мандарины так мандарины. Тут всё было тоже по сценарию: закончил работу, купил мандарины, ёлку опять же... И тут, стоя в очереди, почувствовал толчок в спину: «Привет!».

Повернулся. Перед ним стоял мужчина, похожий вроде на его коллегу: пиджачок, волосы аккуратно прибранные... Единственное отличие – крылья сзади. Не такие, как из магазина, а настоящие, пёрышко к пёрышку. Иван Фёдорович не был удивлён, он привык к необычному (ёлка, Новый год, мандарины – не первый год всё-таки живёт). Он даже, если хотите, был готов к этому. Протянул свою визитку и руку дощечкой для пожатия:

– Приглашаю вас ко мне на колбасу!
– Почему нет, – ангел учтиво кивнул.

...За окном крупными хлопьями падал снег. Двое, ангел и Иван Фёдорович, сидели на уютной кухне, ели колбасу.

– Колбаса у вас отличная!

– Ишимская, – улыбнулся широко Иван Фёдорович. – Знаете что? А оставайтесь у меня на Новый год! Я даже по такому поводу фейерверк запущу!

...Вместе они перекаптовались долгую зиму. Иван Фёдорович чистил пёрышки ангелу. Поджигал фейерверки осторожно, чтобы не подпалить ему крылья. А летом они улетели вместе. Иван Фёдорович сначала брал небольшую высоту, но позже раззадорился и уже такие кренделя выписывал – орёл да и только!

Коля и раки

Коля мог есть всё. Творог, блины, котлеты, пельмени. Ел зайца, ел утку, ел телёнка, ел козлёнка. Да что он только не ел. А вот раков не мог. С тех пор как узнал, что раки страдают. Его завораживало красное тельце раков, он знал, какие они вкусные. До того как он узнал, что они страдают, он их пробовал. Однажды домой принесли целую грудку живых раков, выпустили в ванну, они там шевелились и ползали.

Коля тихонько, пока никто не видит, зашёл и выбрал одного, который страдал больше всех. Назвал его Валерием в честь своего дяди. Завернул в полотенце и забрал себе. Он не знал, чего Валерий хочет. Но точно знал, что вести прежнюю жизнь он уже не сможет. Валерий всё изменил. Он умно смотрел на него и иногда ползал. Наверное, хочет, чтобы я почитал стихи.

Коля залез на стул и стал смотреть книги, что бы подошло Валерию больше. Решил, что для этого момента подойдут стихи о вольности, о свободе. Ведь он в конце концов собирался его отпустить в реку, если не сильно к нему привяжется. А он уже чувствовал, как привязался. Валерий на стихи не реагировал, хотя, кажется, застрадал ещё больше. Коля понял, что может поделиться с ним и своими страданиями. Никто его так не слушал, как Валерий.

Пришли гости, съели раков, и никто не знал, что у Коли есть свой рак Валерий. А Коля включил ему ночник, запись журчания ручья, и они так и сидели: рак и человек, два понимающих сердца, бьющихся в унисон. «Хорошо, что я тебя не сварил, Валерий, – думал Коля. – Кому бы теперь книжки читал?».

Коты нашего отдела

В наше время скорых интернет-технологий порой только коты объединяют людей. Это позитив, это минутка радости на работе.

У Ольги Владимировны на работе появился кот, первый пришёл. Рыжий, сам брюхатый, с характерным неприятным покряхтыванием. Как сказала другая сотрудница, есть такой вид, которые не мяукают, а кряхтят – молчуны-кряхтуны.

Ольга Владимировна не переставая заглядывала в его странное вытянутое лицо космического пришельца. То так в руках повернёт, то этак. Действительно – на фотке почти лицо. Огромный, как собака, свободно размещающийся на двух стульях, Рыжий стал достоянием разговоров нашего кабинета.

Второй появилась грациозная девочка, красавица пантера Багира. Их ссоры, игры стали отвлечением на работе и предметом беспрестанных бесед, как ни странно, вносящих человеческий момент в порой набивавшую оскомину рутинную бумажную и компьютерную работу.

– Ну как ваши? – и сразу понимаешь – речь о них. Когда Багира приболела, стала ездить в ветеринарную клинику на машине, сразу стала «заснайкой» – знамо ли, ведь она теперь видит мир. В разговор вклинивалась наша медик – сколько видела кошек, все разные. Вот говорят, людей одинаковых не бывает, а кошки! Каждый сотрудник!

Почему-то в отделе, казалось, подобрались только кошачьи владельцы – каждый всегда находил что вставить в этот разговор, своё зернышко, подтверждая фотографиями из телефона или красочными рассказами. Эти разговоры стали неотъемлемой частью моей жизни, они вошли в неё, не спрашивая, и остались там.

Когда беседа не идёт, кот легко приходит на ум, это такая же превосходная тема, как, например, погода. Зашёл разговор о болезнях – пожалуй-ста, коты лечат. О метеоритах – коты чувствительные натуры, чувствуют такие вещи издалека. Что касается моего – он действительно мяукал в тот памятный день челябинского космического «пришельца». Может, есть хотел, а может... Кто знает?

Одно скажу: приятно, когда в магазинах продавцы спрашивают, когда покупаешь корм: «А что, лосось вы уже разлюбили?» (подразумевая под «вы», конечно, вальжного любимца). Это значит, что он проник и стал частичкой и их жизни, связуя вас вместе в одно тёплое пространство общения, пусть недолгого.

Артель «Надежда»

Всякая девушка мечтает о богатом без придури муже. Не находя такого, она, дабы не впасть в отчаяние, хватает того, кто рядом, и бежит в загс. Особенно такие случаи часты осенью. Особенно опасны браки по осени, когда яблоки киснут на балконах и, кажется, источают запах тления. Тлеют и твои надежды.

Надежда была девушкой хваткой и симпатичной. Оставив одного мужа, она не утратила надежды на другого, а может третьего, четвёртого. Пошла на бизнес-курсы. Купила белую блузку. Что ещё для жизни нужно? Да, нетворческий богатый без придури. Не слишком старый. Самое ужасное, что и физики грешат стихами, и нефтяники грезят о певческой карьере. Так что тут не угадаешь.

Выйдешь замуж за приличного человека в пинжаке, а окажется это несостоявшийся Киркоров, и всю жизнь ты будешь слушать, что стала преградой ему к сцене.

Надежда решила положиться на китайский календарь. Вот как скажет, так и будет. Нашла день, удачный для отношений, и пошла в поля. На примете было четверо: инженер Василий, неумолимо стремящийся к 50 годам, физрук Иван, архивариус Иннокентий и хитрый жук, коллекционер-нумизмат Живоглодий.

Нумизмат взял Надежду красотой монет. Кто тут устоит? Разложил свои богатства – и ну перебирать-подбрасывать. Надежда аж затряслась. Живоглодий вырвался вперёд.

Физрук был готов заниматься спортом в любую погоду, особенно его призывали к спорту молнии. Как только увидит издалека искорку, бежит на улицу и отжимается. Народ в шоке. Надежда подумала, что физрук долго не протянет, поэтому можно тоже рассматривать, то есть он был где-то на втором месте после нумизмата.

Архивариус взял красотой названия профессии. Жена архивариуса? А? Звучит! Инженер Василий занимал почётное четвёртое место и никаких потуг прыгнуть выше у него не было. Инженер Василий был потеряшка, которого можно было взять на передержку. Хорошая добротная его профессия была всегда в цене. Даже у таких блузчатых девушек, как Надежда.

Настал час выбора. Нужно было определяться, потому как, несмотря на малахольность, мужики ждали вердикта. Выстраивались в очередь у Надеждиного подъезда и конкурировали с бабушками.

Между прочим, тяжкая доля объединила мужиков, и они образовали своего рода артель, которую, конечно, назвали «Надежда». И вот однажды Надежда, выйдя в белой блузочке на балкон, по привычке глянув вниз на свою гвардию, обнаружила только облезлого кота Афанасия, который, несмотря на свою котовью сущность, был мужик поболее некоторых. Афанасий не привык бегать за кем-нибудь, поэтому на блузку даже не взглянул. Мужики сдались. Держались месяц. Первым сдался нумизмат Живоглодий, потом архивариус, физрук Иван сделал вид, что побежал за молнией, инженер Василий ещё более застремился к своим 50.

На балконе лежали яблоки, источавшие кислый запах, запах тления несбывшихся надежд. Тут Надежда вспомнила, что на дворе осень, яблоки опять же. Года идут. Мы не хорошеем. Все уже давно, а ты ещё нет. И решилась. Была не была позвонить Лакшми, однокурснику, продавцу ведического магазина, который жил в благости. Другого варианта нет. Или он, или яблоки кислые.

Маргарита СЛАДКОВА

Времена года по-сургутски

Временной коридор.
Бледнокожий террор северян.
Лето жжёт.

Слишком малое время
в этом сквере пространном.
Лавки сухие.

Рыбаки в замешательстве –
лёд не окрепший.
Зима опоздала!

А весна – это сон
с бесконечной погоней за ней.
Душа в нетерпенье.

Апрель

Метёт.
Хмельной полёт в неясной перспективе...
Зима развязным хохотом бросает вызов в лицо
горстями талой пыли колкие насмешки.
Но бесконечность мёрзлой прозы проседает...
Война за рубежи сменяется затишьем
на самой глубине разменянного сердца
и ожиданием беспечных чистых звуков
в ответ на учащённо-блёклое биенье мысли.
Но это всё потом... Сейчас
взгляд жадно тычет времени завесу:
«Ещё!» ...

Любопытство

Ускользящим бликом
Во вчерашнее время
Завалилось сегодня.
Уцепившись в шершавый
истоптанный краешек
сизого вечера,
отрешённо болтается,
уподобившись мерному шагу,
чтоб зачем-то увидеть
ещё не проросшее завтра.

Скажи мне слово

Скажи мне слово
языком проникновенным,
острым, странным,
цветистым, диким, неподдельным,
занятым, тайным и коварным..!

Я им дышать желаю.
Пить его. Прикладывать к груди.
В его одеждах и уснуть хочу и пробудиться.
В его сетях, как рыбка золотая, биться.
В его ночи звездой взойти!
И богоданным алгоритмом
в полёте восхищённо-колоритном,
тебя порадовать хочу я тоже –
живым творящим словом Божьим...

Как создатель

Как создатель рождаешь-лепишь своё творение,
на круге гончарном изменчивостью форм играешь...
Меняешь мысли, слова, движения, видения –
воображением их по-новому соединяешь...
И создав новый замысел и последовательность,
предположение переносишь на живое тело
и руками разглаживаешь, растягиваешь
то, что мысль не доделала, не усмотрела...
А скульптурный молоточек уже вибрирует
в предвкушении самозабвенной работы
и, отсекая всё лишнее, отслужившее,
показывает тебе – кто ты...

Война не кончается.
Она рубцуется:
каждый вдох – рана. Каждый выдох – спайка.
Каждый взгляд – в самую глубину боли.
Каждая слеза – кислотный поток,
выжигающий имена на теле души.
Каждый сон – провал в преисподнюю.
Каждое движение – преодоление неутолённого страха
и прыжок выше самого себя.
Каждое мгновение – бесконечность, зажатая в кулак.
Каждый удар сердца – удар взрывной волны
и разлетевшиеся красные и белые кровяные тельца,
из поколения в поколение передающие память
о праве на мирную жизнь.

ПУБЛИЦИСТИКА

Василий ДВОРЦОВ

Нам нужна имперская история

Поклон кресту «Казакам дружины Ермака от благодарной России»

Герои образуют время. Герои олицетворяют время. Герои и есть время.

Неразрывность исторической памяти народа – непрекращающийся перечень своих героев, чьи имена как узелки на молитвенных чётках, с которыми народ предстоит Богу, творящему «присно с нами великая же и неисследованная, славная же и ужасная, их же несть числа». Кого же народ молитвенно поминает в своё оправдание перед Творцом, Царём и Судией? Только лишь тех, кто «витязь, храбрый воин, доблестный воитель, богатырь, чудо-воин»? Нет, конечно же, шире – «доблестный сподвижник вообще, в войне и в мире, самоотверженец» (Толковый словарь живого великорусского языка В.И. Даля).

Само-отверженец... Самоотвержение вмещает, накрывает собой и подвиг ратника, и подвижничество инока, и насаду оратая. Самоотверженность собирает всех лично, индивидуально, без разделения на сословия и землячества, национальности и верования, ибо самоотверженность есть изначальность, личностная способность, психозаданность конкретного человека на самоотдачу, на самопожертвование.

Жертвование собой. Жертва – чему? Кому? За что? «Наша философия должна быть философией Родины и жертвы, а не какой-то там отвлечённой, головной и никому не нужной теорией познания или учением о бытии или материи», – в своём удивительном завещании русским философам Алексей Фёдорович Лосев жёстко спостулировал: «Родина требует жертвы. Сама жизнь Родины – это и есть вечная жертва. ... Я многие годы провёл в заточении, гонении, удушении, и я, быть может, так и умру, никем не признанный и никому не нужный. Это жертва. Вся жизнь, всякая жизнь, жизнь с начала до конца, от первого до последнего вздоха, на каждом шагу и в каждое мгновение, жизнь с её радостями и горем, с её счастьем и с её катастрофами есть жертва, жертва и жертва». И укрепил-утешил: «Жертва же в честь и во славу Матери Родины сладка и духовна. Жертва эта и есть то самое, что единственно только и осмысливает жизнь. ... В самом понятии и названии «жертва» слышится нечто возвышенное и волнующее, нечто облагораживающее и героическое». (А.Ф. Лосев, «Родина»). «Жертва» – «героическое».

Прошлое в нас. Прошлое – это мы, творящие будущее. Чем больше в человеке прошлого – прошлого нации и государства, прошлого церкви и культуры, прошлого семьи и рода, да соединённого с личным опытом, тем он сильнее, рассудительнее и милостивее. Полномерная, целомудренная, могучая и добродетельная – развитая до святости личность есть вершинная цель нации, её идея. И эта идея изначальна, она до-нации, пред-нацией, она есть высшая, главная её первозадача, промысел, её породивший, ведь «идея нации есть не то, что она сама думает о себе во времени, но то, что Бог думает о ней в вечности» (Владимир Сергеевич Соловьёв, «Русская идея»).

Воспитанием, образованием, созиданием личности занимаются и семья, и улица, и сословие, и государство, и церковь. Ну и враги – враги семьи, государства, церкви. Страшнейший удар «русская идея» получила в XIX веке, когда элитарное воспитание Российской империи оказалось если не под контролем иезуитов, то под сильным их влиянием.

Пригретые Екатериной взамен на признание орденом раздела Польши 1772 года, что отсрочило фронт магнатов против российского престола, иезуиты пережили папские общеевропейские запреты в Беларуси, а при Павле активно стали осваивать Россию при помощи учебных заведений и гувернёрства. В 50-е годы XIX века протоиерей Иоанн Рождественский писал: «Уж если бороться с иезуитами, так... с интриг секретных внутри России. Лукавый дух у нас гнездится везде, от канцелярии Синода до бурятской кибитки, и всюду приносит плоды...». Плоды просвещения. Образования. Точнее – воспитания.

Когда в 1707 году Общество Иисуса открыло в московской Немецкой слободе свою первую школу, в неё стали принимать мальчиков не только из слободских католических семей. Юные Апраксины, Лопухины, Головины обучались в ней геометрии, астрономии, латинскому и немецкому языкам, химии и другим европейским премудростям. И потому выросли совершенно искренними адептами петровских революций. Что, впрочем, в своё время не помешало Петру Алексеевичу иезуитов, уличённых в проавстрийских интригах, изгнать и школу закрыть. Одним петровым махом.

Элитное светское образование – главная канализация иезуитов во внутреннюю жизнь государства и народа, на территории которых они оказались, с последующим на эти государства и народы орденом влиянием. И конечной их, государств и народов, перестройкой под нужды ордена. Пусть «идеальное» государство-карцер в Парагвае остаётся опытом Запада, но свои уроки заучили и славяне: что было с Польским королевством и Литовским великим княжеством при Батории, что случилось с Хорватией в начале XX века и что теперь происходит на Украине.

Именно с подачи иезуитов наша историография приобрела и закрепила скепсис по отношению к государствообразующей роли православия, заложив конфликт несхождения в фокус видение национальных героев элитой и народом. Ученик И. Шадена и И. Шварца, сам преподававший в иезуитском колледже аббата Николая, Николай Михайлович Карамзин о Ермаке («История государства Российского»): «Это таинственная и мрачная личность, одним именем своим внушавшая ужас, был человеком без роду и племени. Ни один народ не может нести за него какой-либо нравственной ответственности».

Именно «благодаря» иезуитам в первой четверти XIX века в российской исторической науке сложилась парадигма, в которой даже монархист Карамзин, а уж тем более последовавшие за ним либерал-демократы Костомаров, Соловьёв, Ключевский рассматривали историю России исключительно с материалистической точки зрения – с позиций обязательного для всего человечества культурного и технического прогресса. Парадокс, но русские историки буквально развивали иезуитскую ненависть к православию «византийско-татарского государства, въ которомъ религія была только орудіемъ для ни передъ чѣмъ не останавливающагося деспотизма» (Станислав Заленский, «Общества Иисуса»). Какие бы движущие силы истории не брались – великие князья или сословия, племена или ландшафты, производственные отношения или брачно-военные союзы – логика

российских событий упорно протраивалась вне доминанты русской жизни – православия, то есть жадность, зависть, страх и секс – исторически оправданные мотивации, а любовь к Богу и любовь к ближнему – бред.

Отказ в приоритете религиозных убеждений для принятия судьбоносных решений государственными деятелями был перенесён с царей на героев войн и трудов, и всенародная религиозная рефлексия на нашествие антихриста и жертвование собой во имя изгнания лжецаря оставлялась «простому неразвитому» сословию. Естественно, эта атеистическая установка была радостно подхвачена и продолжена в советский период, один только Сергей Бахрушин отработал так, что даже для домохозяек стало «само собой»: Иоанн Васильевич Грозный – сумасшедший упырь, его сын Фёдор Иоаннович – слабоумный, Павел Петрович – просто дурак, а Николай Александрович – безвольный подкаблучник. А уж как в этом уверены профессоры, режиссёры и библиотекари!

Ещё момент: образ народного героя, то есть героя абсолютного с религиозной точки зрения – образ развитой до святости личности, всегда неудобен для политического использования, ибо политика рекрутирует земными, прагматическими целями. И потому политизация российского общества последние двести лет активно провоцирует искажения восприятия исторических образов.

Одним из примеров неоднократного изменения-искажения образа народного, то есть православного русского героя, ставшего символом жертвенного служения Родине до смерти, с попытками приспособить его имя для сиюминутной «общественной пользы», стал Ермак – Василий Тимофеевич Оленин.

Ермак исторический предельно не годен для питающейся конфликтами политики. Никакой конфликтности: ни для политики национальной – сын великоросса и вогулки, по смерти почитаем равно всеми сибирскими племенами как «святой»; ни для социальной – простолюдин, поднявшийся воинским трудом в сотники с титулом «боярский сын»; ни для экономической – служил царю не как наёмник, а верой и правдой. И в узелки народной памяти его сразу определили как героя православия, чей подвиг более служилое подвижничество, чем ратная дерзость. Так что ещё в 1621 году первый епископ Сибири Киприан (Старорусенков) повелел имена Ермака и казаков, погибших от рук кучумовцев, записать в синодик соборной Софийской церкви и каждый год в неделю Торжества православия возглашать им вечную память.

Впервые Ермака попытались использовать в своих интересах авторы масонской литературы (по определению Ю.М. Лотмана – «декабристской литературы»). Так под пером большого честолюбца и русофоба Кондратия Рылеева, уверенного в том, что «в мире не существует хороших правил, за исключением Америки», народный герой Ермак из православного слуги православному государю вдруг превратился в такого же, как автор, тщеславного безумца:

... Ко славе страстию дыша,
В стране суровой и угрюмой,
На диком бреге Иртыша
Сидел Ермак, объятый думой...
... С рассветом глас раздастся мой,
На славу иль на смерть зовущий...
... В мечтах напомним славу он...

Александр Сергеевич Пушкин о рылеевских «думах», как во всём, гениально: «Национального, русского нет в них ничего, кроме имён». И понятно, Пушкин имел в виду не силлаботонику: Кирша Данилов великолепно сымитировал народную былинку, но тоже не поймал главного – религиозную основу русской идеи самопожертвования Родине.

Страсть тщеславия как главный стимул «взятия Сибири», приписываемый Ермаку аристократами начала XIX века, будет аукаться даже в советском XX, где в псевдоисторическом романе Василия Гнута «Подвиг Ермака» герой закликает казаков-разбойников: «в Сибири мы найдём кров и пищу и славу добудем!» «Славу», как же без неё казакам, особенно современным!

Однако уже к середине капиталистического XIX века российскую литературу, которая у нас выполняла роль социально-философских и политических трибун, захватывали демократы-разночинцы. Вызревавшая классовая идеология требовала иных мотиваций для подвига. Теперь смерть за пределами «беспросветной царской тирании» полагалась не ради славы, а как побег из-под власти кровавого безумца в свободу. Параллельно с ложью о герое-либерале сотворялась ложь о «природных свободах» на имперских окраинах. Ложь наглая, ибо в реальности того времени эти граничные окраины жили работорговлей и уголовной деспотией.

Либералам-террористам для бомбометания и стрельбы в невинных людей тоже требовалось идейное обеспечение, и образ Ермака из славянолюбца – через своевольника – перелицовывался в образ откровенного бандита, сливаясь с антихристом Стенькой. Надо понимать, что в России противостояние церкви и уголовного мира, организованного по законам ада, было принципиальным. Бунты и терроризм обязательно сопровождались кощунством – и Хлопок Косолап с Илейкой Муромцем, и Разин, и Пугачёв сладострастно глумились над святыней, оскверняя алтари, избивая и убивая священников и их родственников.

Что уж говорить о зверствах большевиков, собравших в рядах своих чрезвычайцев и уголовников, и сектантов. И ещё: не надо атеистам даже пытаться конструировать образ мыслей человека церкви, ничего не получится. Более того, до какой же подлости и пошлости опускаются историки и литераторы в своём обслуживании политики – у искренне коммунистического писателя Евгения Фёдорова Ермак как бунтарь-уголовник просто обязан «подломить» монастырь в поисках игуменской казны. Иначе какой же тот предтеча гегемонии пролетариата?

Здесь вновь уместно вспомнить об иезуитах. Римско-католический след в кавказских войнах XIX века сегодня достаточно доказан – от разработки для имама Шамиля общей военной стратегии и тактического руководства конкретными боевыми операциями с диспозицией засадной артиллерии, с нападениями на крепости и обозы по наводке оставленных в русской армии шпионов, 800 польскими офицерами-перебежчиками до возбуждения восстания и массового увода адыгов обманом в Османскую империю.

Ведь даже «Шейх Мансур» Льва Толстого, по свидетельству историка терроризма Николая Дмитриевича Литвинова – поляк Теофил Лапинский, что вполне вероятно: перевоплощение в местных религиозных деятелей – типичный приём внедрения агентов орденом.

А вот продолжаемая и сегодня деятельность иезуитов по разжиганию межнациональных конфликтов в Сибири ждёт своего исследователя. Ибо тиражируемые ныне в дорогих изданиях фантастические «истории» о

русском геноциде сибирских татар, обских угров и даже казахов, которых как народа в XVI веке просто не существовало, только тиражируются местными нацистами, но слишком знакомы сценарные шаблоны, отработанные на Бресте-Литовском, Полоцке и Львове, реализованные в Хорватии и Галиции.

Это для Чехии, Литвы, Польши, Украины и ныне Беларуси Россия «византийско-татарское государство», а для Сибири и Центральной Азии русские – безымянные бродяги, тысячу лет назад явившиеся на Русскую равнину невесть откуда, где под предводительством росов-норманнов выбили местных угров и тюрок, загнав невинных в болота и пустыни. А после распада Великой орды, объединившей усобящихся князей в Московский улус, безнаказанно двинулись за Урал в жажде добычи и славы. «Истории» для даунов, но увы, работают.

Впрочем, иезуиты исторически не единственные, даже далеко не главные враги России: русофобия собирала и собирает гордых завистников и нравственных уродцев, комплексующих от собственной неполноценности, из самых разных стран в самые разные времена. И в числе этого хамова племени всегда была, есть и пребудет гиперактивной пресловутая «пятая колонна».

Русофобия в России – чужебесие – духовная болезнь, она же одержимость, порча. Болезнь известная и по симптомам – «характерно унижение других людей, постоянное надсмешание над ними» и «всегда, как червь, точит душу и сердце его смутной печалью, потому что завистливый благополучие и успехи ближнего почитает своим несчастьем», и по лекарству – «Сей же род не исходит, токмо молитвою и постом».

«...унижение других людей, постоянное надсмешание над ними...».

Пафос беспомощен перед тупостью. И подлость всегда этим пользуется. Обсмеять, охотить открытость сердечного восторга, душевного страдания и сострадания, поглумиться над доверием любви – технологии опошления чистоты и осаливания непорочности отработаны как передёргивание затвора, и тупость послушно гогочет, ржёт, грает. При этом сама тупость в своей глумливой реакции на пафос по своему «пафосна», ибо уверена, что реакция её есть собственная, естественно закономерная. Свободно рациональная.

«У сатаны две руки», и второй его рукой тупость так же отработано беленится. «Общественность» профессионально вводится в бешенство, в беснование относительно возвышенного. Опять же под поводом нерациональности возвышенного: православный храм в центре города взамен спортивных и развлекательных комплексов? Все на митинг! Молитва вместо экскурсий? Все на митинг! «Эти попы», которых не удалось загнать в гетто «мемориала», эти «подсвечники», отмывающие не выведенные в офшор деньги...

И ладно со слаженностью выхода масс на агрессивные противодействия церкви – это действительно технологии, куда интереснее разобраться с энергиями мгновенного озлобления выводимых. Казалось бы, большинство противников строительства храмов заявляют себя атеистами, искренне мнят себя живущими вне всякой религиозности.

Тогда что это за эмоциональное бешенство, которое захватывает атеистов по ходу протестной акции, что за неусмиримая ненависть в отношении иного мировоззрения, не отпускающая их и по возвращении домой? Только если учесть, что парки современных городов – как правило, кладбища,

некогда вросшие в расширяющийся мегаполис, то агрессивный «рационализм» екатеринбуржцев, петербуржцев, красноярцев, челябинцев, ульяновцев и нижегородцев, вышедших по сетевым призывам НКО (которые, опять же, как правило, исполняют функции иностранных агентов) и беснующихся от идеи освятить захоронения молитвой, при том что качели-карусели с песнями и плясками на костях их не ужасают.

Да-да, парады, демонстрации, народные гулянья перед зиккуратом на Красной площади: праздники, праздники, праздники вдоль захоронений сожжённых трупов вождей мировой революции за ледяным саркофагом терафима Ленина... Странная коммунистическая эстетика вечной тризны, вечного Dia de los Muertos.

И толковала чернь тупая:
«Зачем так звучно он поёт?
Напрасно ухо поражая,
К какой он цели нас ведёт?
О чём бренчит? Чему нас учит?
Зачем сердца волнует, мучит,
Как своенравный чародей?
Как ветер песнь его свободна,
Зато как ветер и бесплодна:
Какая польза нам от ней?»

И здесь Александр Сергеевич гениален: «Какая польза нам?»

«Польза» тупой черни, «рациональность» профанов – древнее материалистическое прикрытие инферальности посвящённых. Для натравливания массовой тупости на пафос святости нужны провокаторы – эрудированные хохмачи или кликуши от «независимых» СМИ и ещё более «свободных» ютуб-каналов.

В основном это тщеславные популисты – артистичные, напористые, нескрываемо наслаждающиеся своей лайковой известностью, ею живущие, точнее – живущие для неё, и потому всерьёз спорить с ведущими и участниками ток-шоу, блогерами, колумнистами и прочей глумливой обслугой либеральных издательств ну вроде как недостойно. Забавно, но они, эти лайковые хохмачи и кликуши, совершенно уверены, что воспроизводят собственные мысли, мнения, суждения, ведь эти суждения «рациональны», доказательно «научны» и «прогрессивны».

Хотя, конечно, не всякий раз получится отмахнуться и пройти мимо вождей тупой черни, мимо лосевских «людей науки, культуры, цивилизации», ведь глумятся они над святыней, твоей или чьей-то святыней. И если ты просто рефлексивно, безоглядно неосторожно не вступишься за то, что считаешь сугевою основой личности, человеческого бытия, то точно ли ты сам – личность? Точно ли ты – человек? Для человека вступаться за святыню неизбежно, и это хорошо знают хозяева, спускающие с поводка «людей науки, культуры, цивилизации». Отсюда сложность: как ответить жёстко, но при этом не опускаясь до уровня провокаторов? Здесь для ответа требуется не шпага, тут нужен хлыст Константина Николаевича Леонтьева.

Сегодня образ Ермака – Василия Тимофеевича Оленина уже не искажают, не фальсифицируют, сегодня образ народного героя открыто, демонстративно оскверняют, для чего употребляют уже наваленные на

Ермака за два богоборческих века искажения и фальсификации как «факты», как «историческую доказанность», как «само собой» и «всем известное». Оскверняют громогласно, трубно, зычно. Ибо уверены, что «теория становится материальной силой, как только она овладевает массами» (К. Маркс «К критике гегелевской философии права»), так что велегласностью овладевший «чернью тупой» аргумент «какая польза нам?» – та самая страшная сила, против которой не устоять сегодняшней России.

Именно так зычен и трубен в своей статье «Ермак и вокруг» автор многочисленных «разоблачений» героики русской истории А.М. Буровский: «Полемика вокруг памятника Ермаку в Тобольске производит странное впечатление. Не очень понятно, во-первых, почему памятник ставить хотят именно Ермаку. Во-вторых, почему именно в Тобольске. ... Возможно, для какой-то части жителей Тобольска Ермак – символ героизма и отваги, служения Отечеству и объединения народов. Но для другой части тоболяков тот же самый Ермак – просто совершенно отвратительный бандит (курсив мой, В.Д.). ... Памятник Ермаку в Тобольске ставят под странным лозунгом «Мы вас победили», что само по себе провокация»... «Поставим этот памятник – оттолкнём от себя если не всех, то многих сибирских татар, на данный момент – вполне лояльных граждан нашего общего государства, тем самым покажем татарам – вы не наши. Вы – покоренные враги. Мы морально поддерживаем преступления Ермака (курсив мой, В.Д.). ... Посеять смуту – это ли не мечта любого врага, любого подрывного центра? Так на кого работаете, «патриоты»?

«Вы не наши»? Это кого от кого автор «боится» оттолкнуть? Ведь и мы, русские, не ваши, г-н Бурковский! Как же всё поверхностно, шаблонно, бело-ниточно. Но можно ли отмахнуться, пройти мимо, брезгливо отвернувшись от зловонных пузырей русофобской пены, вскипевшей вокруг установки руководителем Фонда возрождения Тобольска Аркадием Григорьевичем Елфимовым поклонного креста «Казакам дружины Ермака от благодарной России»?

Вроде бы можно и нужно: пена осядет, вонь рассеется. Хохмачам и кликушам укажут новую цель для хохмачества и кликушества. Но! Есть предел терпения. Этот предел – совесть. И в данном случае я совестью обязан ответить на провокацию: Ермак – Василий Тимофеевич Оленин – народный русский герой, то есть он образ святого подвижничества, пример религиозного самопожертвования. И агрессия бурковских заказчиков вызвана установлением в память о герое не просто некоего «монумента», а православного креста (беснование относительно возвышенного).

Крест! Крест – вот истинная причина их пенного бешенства! Ведь что-то не припоминается подобных эмоциональных кликушеских возмущений относительно установки изобразительно отвратной, идейно ублюдочной скульптурной композиции «Покорение Сибири» в новосибирском аэропорту бывшим хозяином казахской (!) республиканской телекомпании, а ныне советником президента российской государственной «Роснефти» Романом Троценко. А ведь это был уже второй урод-монумент «покорителю Ермаку» британского скульптора узбекского происхождения Юнуса Сафардиара: такой же апокалиптический монстр, тот же всадник из ада установлен в Томске, и тоже при полной хохмаческой невозмутимости.

А.М. Буровский «Ермак и вокруг»: «Он завоевал Сибирь? Вовсе нет. Сибирь подвели под высокую государеву руку совсем другие люди – воюды, которые строили крепости и брали на службу местных жителей,

в том числе татар. ... Хочется воздвигнуть памятник деятелям русской истории, которые присоединяли Сибирь к московскому царству? Я уже назвал Воейкова... чем вам не нравится Андрей Матвеевич, добивший Сибирское ханство? Или основатель Тобольска Данило Григорьевич Чулков ... Ермаку мы не обязаны ни основанием городов, ни прекращением главных и важных смут» (курсив мой, В.Д.).

Классический пример логики для «черни тупой»: «Какая польза нам»? Вот так, до скуки отработано провокаторы манипулируют современными утилитаристами, кукловодят генерацией глобалистской унификации, не имеющей ни религиозного настоящего, ни национального прошлого. Что ж, пекущихся о пользе от похода Ермаковской дружины могу отослать к своей статье «Ермак. Геополитика против историографии», в которой разбираю столкновение лондонских, бухарских и московских экономических и политических интересов, сошедшихся в конце XVI века на Иртыше. Однако А.М. Буровский в своей русофобской заметке лишь походя апеллирует к наследникам Иеронима Бенатома, главной же целью его провокации является то, что сформулировано в Уголовном кодексе как «...возбуждение ненависти либо вражды, а также унижение достоинства человека либо группы лиц по признакам пола, расы, национальности, языка, происхождения, отношения к религии» (статья 282 УК РФ).

Идея нации реализуется в её культуре. Я ни в коей мере не подвергаю сомнению российский государственный патриотизм руководителей и членов РОО «Национально-культурная автономия сибирских татар и татар Тюменской области». Более того, искренне разделяю их тревогу за сохранение языка и культурных традиций своего народа. Ведь мне приходится работать по этой проблеме профессионально, так как сохранение жизни национальных языков России напрямую связано с их переводимостью на русский. Дело в том, что язык в охранно-музейной эталонности умирает неизбежно, какие бы усилия энтузиастами не прикладывались.

По прогнозам лингвистов, через 50 лет в мире исчезнет от 60 до 90 процентов языков, даже и немалочисленных народов. Язык нельзя сохранить только педагогией, без творческого развития: если новые поколения поэтов и прозаиков не пишут на родном языке, не создают всё новые и новые художественные произведения, он рано или поздно угасает.

Мои друзья-писатели в Бурятии и Дагестане, в Башкирии и Карелии, в Казахстане и Молдавии давно бьют тревогу: творческая молодёжь амбициозно мечтает о широкой читательской аудитории, которую могут обеспечить только мировые языки, а так как советская государственная система переводов канула в Лету, то молодые авторы в республиках и автономиях переходят на русский.

Понятно, что эту беду может остановить только государственная программа, но у нас, Союза писателей России, есть опыт противодействия языковому отмиранию. Как пример – многолетний международный молодёжный фестиваль-конкурс поэзии и поэтических переводов «Берега дружбы», в рамках которого молодёжь, вначале только из России, Украины и Беларуси, под руководством наставников переводила друг друга со славянских языков, а теперь каждый год в проект входят поэты-носители языков тюркских, угорских и кавказских.

Особая радость: молодые поэты из Донецкой и Луганской республик, которые по понятным причинам и думать не хотели писать стихи на украинской мове, благодаря фестивалю теперь сочиняют новые сильные про-

изведения на замечательном, чистом от поляцизмов, полноценном родном языке, то есть животворят его. С радостью примем в наш круг патриотов своих культур и молодых поэтов, творящих на сибирско-татарском.

Опять же понятно: сохранить национальные традиции невозможно, если опираться только на негатив, на постоянное возбуждение настоящих и тем более надуманных обид, ненависти и зависти к окружающим. Ну не будут молодые поколения жить злобой и враждой, для жизни нужны красота, душевность, свет.

Россия – великая империя и величайшая цивилизация потому, что собрана и держится любовью, добром, справедливостью. Россия возвышена любовью Бога, добром людей, справедливостью уникальной государственности с «сакральной, сотерологической миссией Святой Руси – России как силы, пришедшей в мир затем, чтобы унять сильных и наглых и ободрить слабых, открыв им перспективу спасения» (А.С. Панарин).

Я верю в государственнический патриотизм руководителей РОО «Национально-культурная автономия сибирских татар и татар Тюменской области». И верю, что патриоты России всех национальностей и религиозных традиций всегда могут найти возможность сойтись в прямом, открытом, честном и аргументированном разговоре с соседями, с которыми уже столько пережито общих испытаний и трудностей, побед и радостей, дабы открыто преодолеть любые недопонимания во взаимоотношениях ради общего будущего. Так уже бывало не раз и только так должно быть. Главное – оградить, защитить своё общение от клеветников-провокаторов, сеющих ложь и жнущих подозрения и раздоры.

На самом деле сибирякам давно пора разобраться со своей историей. Сколько можно страшиться наукообразного прогрессизма «мировой истории» с её причудливыми методами познания и классификации социальной действительности, а честнее – вихлястым обслуживанием идеологии апостасии?

Не пора ли подвергнуть системной переоценке западноевропейскую «научную картину мира», исходной и опорной точкой которой является «бремя белого человека»? Это их колонизаторская история, а нам нужна наша история, имперская. Пора сбросить западную антихристианскую парадигму, под игом которой уже 300 лет чахнет отечественная историческая наука.

Если на историческую реконквисту нет сил ни у Москвы, ни у Санкт-Петербурга, может быть, таковые соберутся в Новосибирске, Тюмени, Омске, Томске? Ведь столько тем, столько вопросов. Тут и селькупско-кетские, и самодийские космогонии с общими представлениями абсолютного добра и абсолютного зла, культ мамонта как объяснение военных и мирных отношений с ритуалами договорных клятв-заклинаний, и угорская крепостная тактика против зимних самодийцев и летних тюрок – наша обдорская Илиада...

А кто были Беклярбек Чинги-Тури и ишимский хан для Кок-Орды или Ак Орды? Где проходили сезонные кочевья и где стояли столицы улусов двух (?) Белых и двух (?) Синих орд... Шибаниды-тайбугины-шибаниды – религиозная легитимность перемены власти и безвластие при переменах веры...

Опричина первого набора – Иоанникий Строганов как личный послушник царя-игумена, религиозно-сверхответственно доверенный представитель трона за пределами княжеских и боярских вотчин, где Россия

– северный щит восстановленного Абдуллаханом II Великого шёлкового пути...

И может быть, самая неотложная тема, самая первостепенная: даже с поддержкой англичан и голландцев, имело ли перспективы Кучумово ханство в мировом будущем? Смогло бы собранное саблей интервента-узурпатора малолюдное и рыхло заселённое, религиозно и этнически разноликое протогосударство конкурировать со сложившимися рядом величайшими евразийскими культурными центрами Москвы и Бухары, то есть развилась бы в Сибири собственная оригинальная цивилизация и ставилась ли кем такая задача?!

Давно и остро назрела необходимость учреждения постоянно действующих историко-философско-религиозных лабораторий, переосмысляющих всё произошедшее на территории Сибири за шестьсот-четырееста-сто лет именно с надвременно религиозной, а не суетливо утилитаристской, с имперской, а не колониальной позиций. Давно пора очистить образы и раскрыть символы национальной памяти в свете понимания воплощения Божьего промысла о мировой миссии нашей многонациональной, разноконфессиональной и цивилизационно единой России.

Ждут этого истинно народные, истинно русские герои, принёсшие в Сибирь русскую правду белого царя – Ермак со товарищи не сгнули ради славы и соболей, а встретили смерть, выйдя на защиту купцов-бухарцев, чинящих торговые связи Бухары с Москвой, ладящих сообщения Абдуллахана с царём всея Руси.

«Нет больше той любви, аще кто положит душу свою за други своя». И вот с точки зрения рисков и надежд современности, с сознания высоты миссии сегодняшней России и широты возможностей сегодняшней Сибири поставленный и освящённый в Тобольске поклонный крест Ермаковой дружине – молитвенный памятник героям-самоотверженцам, принёсшим свои жизни в жертву Родине – становится всем понятен и всем необходим: «Жертва же в честь и во славу Матери Родины сладка и духовна. Жертва эта и есть то самое, что единственно только и осмысливает жизнь».

КРАЕВЕДЕНИЕ

Николай ЗЕНЗИН

Герой на все времена

*К 110-летию со дня рождения
Героя Советского Союза Николая Кузнецова*

Образ легендарного разведчика Николая Ивановича Кузнецова всегда был и остаётся для нас примером верности и беззаветного служения Родине. О проведённых Кузнецовым операциях разведывательно-диверсионного характера, вошедших в историю противостояния спецслужб Советского Союза и Германии, написано много книг, сняты документальные и художественные фильмы.

Обладая природным даром превосходной памяти, он по собственной инициативе практически с десяти лет приступил к освоению немецкой лексики и европейской культуры. Впоследствии это увлечение переросло в изучение языка и культуры Германии, глубочайшим образом изменило всю его дальнейшую жизнь. Его подвиги в Великую Отечественную Родину оценила двумя орденами Ленина и Золотой Звездой Героя Советского Союза.

Говорят, что судьбы великих разведчиков непредсказуемы. При жизни и даже после смерти. На нашего земляка Николая Ивановича Кузнецова уже после его гибели и захоронения покушались, даже не единожды. Возможно ли такое? Да, оказывается, бывает.

Впрочем, давайте по порядку. Обеспечение его безопасности в боевой и разведывательной работе в тылу врага в 1942–1944 годах Москва возложила персонально на командира партизанского отряда «Победители» Д.Н. Медведева. Выступавший в роли немецкого оберлейтенанта Пауля Зиберта, Кузнецов сражался в составе отряда. Дмитрий Николаевич создал для этих целей ударную команду из лучших и самых опытных бойцов, которые поступили в распоряжение разведчика и вместе с ним участвовали во всех операциях. Личным водителем и охранником стал богатырь Николай Струтинский. Ударная группа во главе с Зибертом уничтожила 11 генералов и других высших руководителей германских оккупационных властей в Ровно и Львове.

После первой же удачной акции партизан фашистские спецслужбы начали поиски неизвестного стрелка в немецкой форме, оберлейтенанта. А разведчик продолжал изобретать всё новые способы борьбы с оккупантами. Президента Верховного суда Западной Украины Альфреда Функа Кузнецов расстрелял прямо в здании суда, почти рядом с его кабинетом. Это было слишком дерзкое нападение, после которого ситуацию в Ровно, центре рейхскомиссариата всей оккупированной Украины, взял под личный контроль первый зам. фюрера Гиммлер. По его указанию в Ровно прибыл отряд особого назначения гестапо. Одной из главных задач соединения был розыск и ликвидация неуловимого разведчика.

Охота на него продолжалась постоянно, подключилась и местная контрразведка. Служащая ресторана «Только для немцев» в Ровно Лидия Лисовская и её двоюродная сестра Майя Микота, помогавшие партизанам отряда Медведева, по своей работе в городе общались с Паулем Зибертом.

Майор германской контрразведки «Абвер» Мартин Геттель в 1943 году проявил повышенный интерес к личности Зиберта, полагая, что под немецким мундиром скрывается английский или какой-то другой разведчик. Для более глубокого его изучения он привлек Лисовскую и Микоту, которые по заданию партизан «сотрудничали» и с немцами. Девушки срочно сообщили в отряд о подозрениях Геттеля.

Медведев и Кузнецов, проанализировав ситуацию, решили действовать на опережение. Зиберт, лично знакомый с Геттелем, непринуждённо, как мог делать только он, пригласил абверовца на товарищеский ужин с «вином и девушками». Вино было выпито, девушки ушли, а Геттель на следующий день не появился ни дома, ни на работе, и вообще исчез навсегда.

Розыск разведчика немецкие спецслужбы не прекращали ни на один день, словесный портрет стрелка в форме оберлейтенанта был разослан во все полицейские подразделения Украины и даже в некоторые отряды бандеровцев. Как только 9 февраля 1944 года прибывший со своей группой во Львов Пауль Зиберт днём прямо на улице сделал несколько смертельных выстрелов в вице-губернатора Галиции Отто Бауэра и его помощника, немцы буквально всех подняли на ноги.

Группа Кузнецова с боем вырвалась из города и двинулась на восток, навстречу частям Красной армии. После долгих скитаний по лесу в ночь с 8 на 9 марта, уставшие и голодные, разведчики вышли к хутору Боратин и «заглянули» в крайнюю хату попросить хлеба у местного жителя. Вскоре туда же ввалилась группа вооружённых бандеровцев. Кто-то навёл или выследили.

Старший, сверив приметы Зиберта со своей запиской, сразу понял, что это «тот самый хлопчик», за которого немцы обещают 10 тысяч марок. В скоротечной схватке Кузнецов и его друзья погибли.

Но даже после смерти и погребения Кузнецова украинские бандеровцы не оставляли его в покое, слишком много нервов он испортил фашистам и их прихвостням из команды Бандеры. В 1992 году они попытались совершить покушение на памятник разведчику в городе Львове. Срочно прибывшая «аварийная» команда руководителей и специалистов Талицкого района Свердловской области успела снять с постаментов бронзовый бюст земляка и перевезти в Талицу. Но его могила осталась во Львове.

Попытки родственников перенести останки погибшего на родину украинские власти проигнорировали. А в 2017 году неизвестные вандалы уничтожили на мраморной плите могилы Героя надписи фамилии, имени, отчества Николая Кузнецова, даты его рождения и гибели. В 2019 году неустановленными преступниками с плиты захоронения похищен бронзовый барельеф головы разведчика. Таким образом могила Героя Советского Союза Н.И. Кузнецова на Украине полностью «обезличена и обезглавлена».

Преступники не были найдены ни в первом, ни во втором случае, впрочем, как и по всем другим фактам ЧП против героев-партизан и участников Великой Отечественной.

Однако продолжим наш разговор о разведчике Кузнецове. Вот что рассказал о нём ныне покойный, самый, пожалуй, осведомлённый в «кузнецовских делах» человек, историк разведки Теодор Кириллович Гладков в интервью с журналистом «Российской газеты», автором большого числа книг о легендарных разведчиках Николаем Долгополовым.

Однажды Гладкову в пресс-бюро службы внешней разведки разрешили выборочно «перелистать» многотомное архивное дело разведчика Николая

Кузнецова. Он просидел в отдельном кабинете много времени, но и после этого не был готов ответить на все вопросы по этой героической личности и его легендарным подвигам.

Долгополов прямо спросил его: «Все ли факты биографии Николая Ивановича теперь известны?» «Основные, пожалуй, да. Но все... Нет, я бы пока утверждать это не рискнул. Не исключено, что ряд немецких документов, касающихся Кузнецова, хранится в архивах наших тогдашних союзников – американцев. Они захватили их в 1945-м на территории Германии. Ведь всё, что мы знаем о разведчике, – это данные нашей стороны.

А донесения немецких разведчиков о нём из довоенной Москвы? А записи разговоров с ним? Или может, даже попытки вербовки Руди Шмидта? Ведь есть у спецслужб США полный и до сих пор не опубликованный ими отчёт о деле «Красной капеллы». Нашёл же командир отряда Медведев в освобождённом Львове в архивах гестапо отчёт Кузнецова за подписью «Пух». Вернее, копию этого отчёта. Оригинал начальник тогдашнего львовского гестапо переслал в Берлин своему шефу Мюллеру».

Появился Кузнецов в Москве, по словам Теодора Гладкова, несколько неожиданно. Предложил Николая Ивановича генералу Райхману нарком НКВД Республики Коми М.И. Журавлёв: «У меня тут есть парень фантастических актёрских и лингвистических способностей. Ему бы работать в Москве, а не у нас в республике».

Договорённость сторон состоялась, и Кузнецов едет в столицу. В кабинет Райхмана для знакомства его привели, когда генерал разговаривал по телефону со своим разведчиком-нелегалом, возвратившимся из Германии. Увидев Кузнецова, он вдруг сказал своему собеседнику: «У меня тут один кадр есть, поговори с ним по-немецки, потом мне скажешь». И передал трубку Николаю. Около двадцати минут берлинский нелегал «раскручивал» его в разных режимах и на различные темы. Потом ответил генералу: «Вы зачем меня разыгрываете? Подсунули чистокровного немца и спрашиваете, как он владеет немецким. Отлично владеет».

В тот же день Кузнецов назначен «особо секретным спецагентом контрразведывательного управления НКВД» с окладом старшего оперуполномоченного. Далее очень удачную легенду для него разработали опытный генерал Райхман и его помощники. И вот в Москве, на улице Карла Маркса, в доме 20 прописывается Рудольф Шмидт, немец по национальности, работает на военном авиазаводе, иногда ходит в форме офицера военно-воздушных сил. Но в паспорте на Шмидта наклеена, как и положено, фотокарточка подлинного владельца паспорта Николая Кузнецова.

Немецкие дипломаты клюнули на эту приманку, что очень умело использовали московские чекисты в своих оперативных интересах. Кузнецова удалось довольно быстро внедрить в дипломатические круги.

И вот уже пошла конкретная работа. С его помощью перехватили двух дипкурьеров с ценными документами, скомпрометировали и завербовали некоего Крно, замещавшего посланника Словакии и тесно сотрудничавшего с германским посольством. Далее нашли подходы к военному атташе Германии, потом Николай Иванович сумел обаять красивую даму из немецкого посольства и получил доступ ко многим секретным материалам.

Как-то ухитрился Кузнецов расположить к себе камердинера немецкого посла и его жену, через них чекисты проникли в резиденцию посла. Вскрывались сейфы, снимались копии с секретных документов, вся немецкая агентурная сеть в Москве попала в руки наших оперработников. И

это только часть работы, которую блестяще выполнял разведчик Николай Кузнецов.

С началом Великой Отечественной войны в 1941 году Николай Кузнецов рвался на фронт, но чекисты по предложению генерала П.А. Судоплатова организовали его тщательную разностороннюю подготовку и обучение для «зафронтной разведки».

Вот как об этом рассказал в своей книге «Победа в тайной войне» Павел Анатольевич Судоплатов: «Почему Кузнецов стал именно нелегалом-боевиком, успешно действовавшим в тылу противника? Он больше подходил для того, чтобы периодически появляться в форме немецкого офицера в тыловых учреждениях вермахта, в местах дислокации оккупационного персонала, где немецким контрразведывательным органам нет необходимости проводить специальную проверку на временно прикомандированного офицера, если он не допущен к секретным работам и документам.

Кузнецов произвёл на меня сильное впечатление своей сосредоточенностью и целеустремлённостью. Он обладал мгновенной реакцией на собеседника, буквально подчинял его себе. Всё говорило о том, что он владеет каким-то секретом подхода к людям, умеет их расположить к себе, влюбить в себя. У меня сразу сложилось впечатление о громадном потенциале этой личности.

Наша команда – С. Окунь, Л. Сташко, Н. Крупенников и Ф. Бакин – учила его навыкам самостоятельно принимать решения в сложной оперативной обстановке, причём главным в его тренировках была многовариантность отрыва и ухода от противника. Анализировались ситуации потенциального провала, захват противником радиста его оперативной группы, правила работы нелегальной резидентуры и многое другое. Такая подготовка полностью себя оправдала.

Я провёл с Кузнецовым многие часы, готовя его к будущим заданиям. Вспоминаю о нём как о человеке редкого таланта оставаться спокойным при выполнении боевых заданий, реалистичном и разумном в своих действиях. Надо отметить, что спецагентов типа Кузнецова очень мало. Он был человеком выдающимся, по своему уровню мышления и кругозору значительно превосходил другие заметные фигуры в нашем агентурном аппарате». Такую очень высокую оценку давал Николаю Кузнецову начальник Четвёртого управления генерал Судоплатов.

В годы Великой Отечественной войны Николай Иванович в глубоком тылу противника выполнял ответственные задания советской разведки. Знаменитый разведчик остаётся для нас классическим примером работы высокого уровня профессионализма. Проведённые им агентурные операции вошли в учебные пособия как образцовые, а материалы о его виртуозной, филигранной работе преподавались в спецшколах.

Он действовал в форме германского офицера под именем Пауля Зиберта, с документами, хорошо изготовленными в Москве, которые, однако, при возможном тщательном изучении немецкими спецслужбами не гарантировали полностью его безопасность. И потому он рисковал каждый день. Но при этом отлично владел немецким и собой, легко сходил с любым собеседником, был находчив и бесстрашен, добывал ценную разведывательную информацию, хорошо стрелял, лично уничтожил несколько видных фашистских главарей.

Примечателен такой случай. Осенью 1943 года Пауль Зиберт в ресторане познакомился с прибывшим в Ровно из Берлина, из германского

разведывательного управления майором СС фон Ортелем. Офицеры понравились друг другу, быстро сошлись в суждениях, и Ортель неожиданно предложил Зиберту сменить его пехотную службу и перейти на работу в разведку. При этом он добавил: «Вы мне чем-то глубоко симпатичны». По-моему, это высшая оценка, какую мог получить разведчик Кузнецов от профессионала другой разведки.

Почётное право завершить после Судоплатова короткие высказывания и воспоминания о разведчике Кузнецове предоставим его близкому человеку – родной племяннице Елене Викторовне. Елена Сакныне родилась в Литве. В 1959 году вместе с родителями переехала в Свердловск. Окончила Уральский государственный университет имени А.М. Горького по специальности «Искусствоведение». Работала преподавателем, потом в бюро путешествий и экскурсий, управлении кинофикации. Сегодня она – экскурсовод паломнического отдела Екатеринбургской епархии.

Вот её точные тёплые слова, произнесённые совсем недавно, 20 июня 2020 года, корреспонденту издания «Я с Урала»: «Сама сперва удивлялась, когда приходили отцу Виктору Ивановичу все эти письма читателей, думала: «Ну много же ещё есть героев!» И только уже в старших классах поняла, что Николай Иванович – это уникальный герой, такого больше нет. И чем больше я вникала в его биографию, тем больше поражалась, какая это была удивительная личность – мой дядюшка Николай Иванович Кузнецов.

Он вырос в деревне. Хотя там и книги были, и женщина-педагог, окончившая гимназию в Швейцарии (как раз она преподавала ему в школе немецкий язык), и потом техникум. Но факт остаётся фактом: человек из далёкой глубинки, росший как крестьянский мальчик, спустя годы ходит вдруг по улицам оккупированного Ровно как немецкий офицер, со всеми свободно общается на чистейшем немецком языке и даже никто не может заподозрить, что он родился на Урале!

На приёме у рейхскомиссара Украины Эриха Коха тот разговаривает с Кузнецовым, и у него даже нет сомнения, что это не немец. К тому же Кузнецов совмещал несовместимое: обычно если человек разведчик, то он действует тихонечко, что-то узнаёт. А Кузнецов был одновременно и разведчиком, и народным мстителем. Потрясающее бесстрашие, ведь его же могли опознать!»

Заканчивая очень важный разговор о Николае Кузнецове, хочу отметить, что в большом юбилейном интервью «Российской газете» нынешний директор ФСБ генерал армии Александр Бортников значительное внимание уделил работе чекистов в годы Великой Отечественной войны. И здесь из множества имён Героев Советского Союза, участников войны, он назвал имя только одного разведчика – нашего земляка Николая Ивановича Кузнецова, сражавшегося в партизанском отряде «Победители».

Вот как это прозвучало в оценке генерала Бортникова: «Большой вклад в дело разгрома германской военной машины внесла советская разведка. Осуществление разведывательно-диверсионной деятельности, создание агентурных сетей на захваченных территориях, организация партизанского движения были поручены Четвёртому управлению НКВД. В число его ведущих агентов входил легендарный разведчик Николай Кузнецов. Во многом благодаря слаженности действий контрразведчиков и партизан, активно поддержанных местным населением, партизанское движение приблизило Победу над врагом».

27 июля 2021 года мы торжественно отметим замечательный юбилей Николая Ивановича Кузнецова – 110 лет со дня рождения. Для всей страны Николай Иванович – самый дорогой Герой Великой Отечественной, яркий образец мужества и беспримерной отваги, верности и преданности Родине, готовности отдать за неё свою жизнь.

Он сделал ЭТО в решающий момент битвы с врагами. Нам остаётся не так много, но и немало – сохранить для потомков светлую память о нём. Много сделано для этого в СССР и продолжает делаться в России. Написаны хорошие книги, сняты отличные кинофильмы, поставлены замечательные памятники. Но случаются и особые знаки внимания, которых удостоен только он – разведчик первой величины Николай Кузнецов.

В солнечной системе есть пояс астероидов – скопление всевозможных астероидов и малых планет. Он расположен между орбитами Марса и Юпитера. В декабре 1972 года советские астрономы назвали одну из вновь открытых малых планет этого пояса именем Николая Кузнецова – 2233 Kuznetsov, потому что память о нём должна жить, даже очень высоко, рядом с Марсом и Юпитером.

Или другой необычный знак внимания, но уже сугубо земной. Близ посёлка Новосёловского на лесоучастке Кудымкарского района Пермского края, в местах, где когда-то трудился лесоустроитель и будущий разведчик, местными жителями в 70-х годах XX века проведены лесопосадки в форме слова «КУЗНЕЦОВ». К настоящему времени лес вырос, укрепился, и слово «КУЗНЕЦОВ» отчётливо видно на снимках из космоса.

Сегодня в разведку пришли новые поколения россиян, и они успешно продолжают боевые традиции разведчиков Великой Отечественной. Противостояние и незримое соперничество спецслужб различных государств незаметно постороннему взгляду, но дуэль разведок не прерывалась никогда.

Идёт она и сейчас, в наши дни. Основные задачи для сотрудников невидимого фронта, избравших свой профессиональный путь в обеспечении безопасности государства, во все времена были и продолжают оставаться неизменными. Эти люди работают не за славу и награды. За безопасность государства. За мир и покой наших граждан.

Для нас, тюменцев, Николай Иванович Кузнецов был и остаётся гордостью ветеранов и молодёжи области, незабываемым Героем Советского Союза и легендарным разведчиком Великой Отечественной войны. В августе 1942-го он приземлился на парашюте в лесах под Ровно, чтобы выполнить свой священный долг перед Родиной.

Древние считали Героя сыном не только человека, но и божества. Не кроется ли разгадка, а может, ещё большая тайна в его словах из посмертного письма, адресованного всем нам? «Я спустился с неба на землю, чтобы мстить за кровь и слёзы наших матерей и братьев...»

Он непостижимый и загадочный, как открытая возле Юпитера и названная его именем звезда, поэтому всегда будет притягивать к себе и волновать человеческое воображение. Давайте же будем делать всё для того, чтобы свет этой легендарной личности дошёл до наших потомков. Мы с вами должны донести его своей памятью.

Вячеслав СОФРОНОВ

Заложник века своего, или Последний сибирский митрополит

Печатается с сокращениями

Страну Сибирю, а более привычно Сибирь, вполне можно назвать зеркалом, отражающим с точностью до наоборот все извивы и загадочные ходы дореволюционной российской национальной и религиозной политики, которые порой бывали столь хитры и неясны, что и не отгадать, на что они были направлены и какого результата власти хотели добиться.

И с церковью православной обращались власти российские, словно капризная мать с дитём малым: то нянчили и ласкали, осыпали подарками разными, а то вдруг отворачивались от неё, отбирали последнее: и крестыян монастырских, и землю, да и сами монастыри закрывали, решив, будто слишком много их на Руси развелось. Только монастырская братия и батюшки приходские постепенно к капризам тем государственным попривыкли и оставались как есть верными слугами власти верховной, помня, что любая власть от Бога и иной на свете быть не может. Потому служили ей честно и бесхитростно, сил своих не жалея, фиги в кармане не держа, и желали здравия государям русским на всех больших и малых богослужениях.

А Сибирь-страна хоть и далёконько от царского трона находилась, но неусыпное око государево на много тысяч вёрст и без трубы подзорной все видело, а ухо царское каждое неосторожно произнесённое слово слышало и всех тех дерзких говорунов при дворе наперечёт знали и на коротком поводке держали.

Знать-то знали, но, как говорится, на каждый роток не накинешь платок, тем паче убери одного несогласного, а заменить-то его и некем! И останется приход, а то и целая епархия без пастыря или сыщется другой, но ещё похуже прежнего будет. А коль иного не дано, то жить надо так, как испокон века завещано: мелких обид не замечать и ссор больших из-за того не затевать.

Со времени Петра Великого пришли за Урал иные порядки, о которых раньше тут и слыхом не слыхивали: народ новым налогом обложили, молодых парней стали в армию на большие сроки забирать. А батюшкам объявлено было, что теперь все они на государевой службе состоят и потому никакого своеволия допускать не должны и обо всём, что на исповеди крамольное узнают, начальству своему аккуратно докладывать.

Шли годы, менялись царские особы на российском троне, а в Сибирь уже более полувека как слали митрополитов рода малороссийского, пока не пришла пора прибыть в Тобольск последнему из них, преосвященному Павлу (Конюскевичу), о котором, собственно, и рассказ наш пойдёт.

...Митрополит Павел, чей прах ныне покоится в Киево-Печерской лавре, родился в 1705 году, как и положено будущему иерарху, в православной семье, проживавшей в городке Самбары в пределах древней славянской земли Галиции, издавна именуемой Русью Червонною.

Заметим, к слову, для славянских народов XVIII век стал воистину временем воссоединения и восстановлением прежних границ своих земель под эгидой российской короны. Росло и наполнилось государство российское, словно на доброй опаре, и, урезонив шведов, крепко обосновалось на землях некогда польской Украины. Вот тогда-то учёные мужи Украинской земли и сослужили братьям своим русским добрую службу, когда царь Пётр стал открывать школы церковные и гражданские для обучения отроков наукам разным. Учителями в них направляли как раз выходцев из Киевской духовной академии, поскольку своих учёных мужей тогда в России почти что и не было.

Именно на это время крутых перемен в государстве и пришлась юность будущего сибирского митрополита Павла.

Вряд ли Пётр Конюскевич (имя Пётр он получил при крещении и лишь после монашеского пострига стал Павлом) особо отличался от своих сверстников, когда начинал обучение в начальном училище у себя на родине. Но дальнейший его земной путь не оставляет сомнений в незаурядности будущего митрополита. Большинство ровесников его, получив начальное образование, осели близ родных мест, став приходскими священниками. И вполне понятна их тяга к привычному для большинства мирскому благополучию, что обычно заканчивалось выбором состоятельной невесты, поиском хлебного места в богатом приходе и безбедным существованием в кругу семьи. Разве можно осудить человека за то, что он сперва о земном думает, а потом уже к небу свои глаза устремляет? Видно, так человек устроен: грешить в молодости, а каяться в старости.

Об ином были помыслы молодого дворянчика Петра, когда он ехал в Киев, чтобы продолжить там образование, а затем и остаться при академии учителем поэтики и на двадцать восьмом году жизни навсегда отказаться от земных утех, приняв монашеский постриг. Современному человеку трудно понять некоторые поступки своих предков, в частности, ранний уход в монастырь, тем более обратная дорога для юных иноков была закрыта навсегда. Нужно помнить, что в те времена лишь армия или монастырь давали возможность и надежду небогатому человеку получить образование и занять высокое положение в обществе. Став в иночестве Павлом, молодой иеромонах надолго покинул родные края и благодаря рано проявившимся у него проповедническим способностям был назначен проповедником же в Московскую славяно-греко-латинскую академию.

Осознавал ли он тогда, что тем самым позволил вовлечь себя в сферы высокой политики, участниками которой становились все, кто занимал значительные посты на ступенях российской иерархической лестницы, будь то скромный монах или военный чин аристократического происхождения? Приблизившись к трону, попадали они в поле высокого напряжения и становились заложниками неподвластных им сил, где игра велась по особым правилам, а нарушившие её подвергались по меньшей мере опале и ссылке, в худшем – заключению в каземат, а то и смерти.

Посмеем предположить, что будущий святитель и не помышлял о своём участии в игре политической, а жаждал лишь знаний и потому искал приложения своим силам на поприще просвещения. И власти не обошли его милостью своей, отметив дар красноречия у молодого тогда ещё проповедника московской академии, строгость и воздержание в личной жизни, а потому назначили его в 1742 году архимандритом Юрьева монастыря, находящегося близ Великого Новгорода, – одной из самых древних и

почитаемых православных российских обитателей. Именно там будущий сибирский митрополит проявил себя как человек деятельный и рачительный, подновив многие старые постройки и возведя новые.

Пятнадцать лет его управления в обители пришлись на благодатное для православной церкви время царствования дочери Петра Великого – Елизаветы Петровны.

В 1755 году в Сибирской епархии возникла вакансия на должность митрополита Сибирского, назначить которого смогли лишь через три года. Им стал 5 мая 1758 года Павел (Конюсевич), управлявший митрополией ровно десять лет.

Середина XVIII столетия для Сибири оказалась весьма беспокойной в плане противостояния официальной церкви и непреклонных последователей старообрядчества; недовольства национальных меньшинств, чье вероисповедание властями не признавалось «правильным», и в задачу сибирских митрополитов входило их обязательное крещение, но... на добровольной основе.

Но всё же главной бедой среди прочих можно назвать отсутствие в сибирских пределах образованных священнослужителей, получивших классическое семинарское образование, начало которому было положено ещё в царствование Петра I. Хотя в 1702 году при Софийском дворе и была открыта так называемая архиерейская школа, в 1743-м преобразованная в семинарию, дававшая основы духовного образования, но оканчивали её единицы, тогда как для Сибири православных пастырей требовалось сотни, если не тысячи. То есть вся проблема сводилась опять же к отсутствию семинарских учителей, которые могли бы образовывать на должном уровне юных отроков в стенах Тобольской духовной семинарии.

Во всей этой непростой ситуации митрополит Павел показал себя как человек властный, распорядительный и бескомпромиссный.

Митрополит Павел попытался кардинально решить вопрос с привлечением учителей для преподавания в семинарии, которых стал выписывать из Киева. Служили они по методу, прозванному ныне вахтовым, то есть приезжали на короткий срок, а затем возвращались обратно к себе на родину. Трудно сказать, насколько действенной эта метода оказалась, но к отъезду митрополита в штате семинарии значатся уже фамилии выпускников семинарии, которые и составили достойную смену киевлянам.

В этот же период выяснилось, что присылаемые для обучения в семинарию поповские отроки в большинстве своём элементарно не обучены ни грамоте, ни счёту. А потому по прямому распоряжению митрополита при монастырях и сельских приходах (заказах) были открыты так называемые латинские школы, где поступающие получали начальное обучение. Не забыли и про церковное пение, столь любимое владыкой. Митрополит Павел приказал с 23 мая 1763 года «во всех учреждённых в Тобольской епархии при духовных правлениях латинских школах детей ... обучать нотному простому ирмологному пению неотменно».

Кроме того, владыка Павел решил продолжить дело своего предшественника Сильвестра (Гловацкого) по привлечению мусульман в православие (за что тот по сути дела и был отстранён от должности) и подошёл к этому вопросу с размахом, решив обучать всех семинаристов татарскому языку.

Владыка Павел вёл в Сибири разностороннюю деятельность среди местного населения: успевал заниматься закладкой и освящением новых

храмов, налаживал дисциплину и среди вверенного ему причта, следил за подготовкой семинаристов, обучал сибиряков пению. Всё бы хорошо, но только к концу подходило время правления таких церковных иерархов, к славной когорте которых относился владыка Павел, зарекомендовавших себя людьми властными, распорядительными, на земле никого кроме Бога не боявшихся и иных авторитетов кроме заповедей апостольских не признававших.

После смерти императрицы Елизаветы взойшёл на престол российский её племянник Пётр Фёдорович, а вслед за ним стала управлять страной жена его Екатерина, прозванная Великой. Вот тут-то и начались гонения на церковь православную, лишения монастырей заповеданных им некогда земных угодий, а то и вовсе закрытием иноческих обителей. И при том стали выходцев малороссийских с архиерейских кафедр потихоньку смещать и заменять их на великороссов, которые к тому времени мало чем учителям своим в науках богослужебных уступали.

В 1762 году в Тобольске появился новый губернатор из числа близких к императрице людей. Это был генерал-поручик Денис Иванович Чичерин – вельможа влиятельный, имеющий настолько крутой характер, что предания о нём долгое время в народе жили. Как писали о нём многие авторы: «пылкий грешник, пользовавшийся неограниченною властью», обнаруживающий при том «нетерпеливое самовластие». Стоит ли удивляться, что новый губернатор и сибирский митрополит не могли прожить без конфликтов и столкновений те шесть лет, что им выпало совместно управлять Сибирью.

11 января 1768 года митрополит Павел выехал из Тобольска и, прибыв в столицу, 2 апреля того же года подал в Св. Синод прошение об увольнении с должности сибирского митрополита и разрешении поселиться в Киево-Печерской Лавре «на обещание». Первая его просьба была тут же удовлетворена, но как поступить с самим владыкой, синодские власти не знали, резонно полагая, что судьба его полностью находится в руках императрицы, которая одна лишь и вольна решить участь непокорного владыки.

Государыня же, узнав о прибытии митрополита Павла, пожелала встретиться с ним лично, и было уже назначено время приёма, но и здесь лишённый чина, но не собственных убеждений киевлянин в нарушение этикета и неписаных дворцовых правил от встречи с императрицей уклонился, заявив, что подчиняется лишь власти духовной, но никак не светской. Это ли не оскорбление честолюбивой «матери народа российского»?!

Однако императрица вынуждена была пережить и этот пассаж и как ни в чем не бывало предложила опальному митрополиту продолжить служение в Сибири в том же качестве, словно и не было решения Св. Синода об его увольнении. И что же владыка? Думается, любой другой с радостью принял бы монаршую милость, тем более что в его положении то был выход наилучший и вполне разумный: ему предлагали помириться с властью и остаться, что называется, при своих. Но владыка и здесь ответил отказом! Мол, хочу в Киев, на покой!

Можно представить, как государыня отреагировала на это его волеизъявление, но спорить не стала и милостиво разрешила поступить так, как владыка пожелает, отправив ему в Киев «на неотложные расходы» (а может быть, – в качестве морального ущерба) немалую по тем временам сумму денег – десять тысяч рублей! И уже будучи простым монахом, прак-

тически опальным, без покровительства, но не смирившимся, рядовой инок отказывается от подношения и выбрасывает деньги в окно из своей кельи. Монастырские служители деньги подобрали и возвратили владыке, дивясь, как может человек, лишённый всех благ земных, устоять от подобного искушения, а в ответ слышали: «То огонь, добра от них не будет...». Когда об этом узнал настоятель Киево-Печерской лавры, он тут же нашёл им применение, с чем и пришёл к бывшему сибирскому владыке.

– А что ты устроишь на сей огонь, отче? – спрашивал тот.

– Можно через этот огонь церковные главы позолотить, – предложил настоятель, не особо надеясь на согласие, и удивился, услышав:

– Се добре...

Так гласит легенда...

А владыка Павел, видимо, слишком много сил своих положил за веру отцов, поскольку прожил на покое в лавре недолго и скончался 4 ноября 1770 года «со всяким христианским порядком». Гроб с телом великого православного подвижника был помещён в подвалах той самой Великой лаврской церкви, чьи сверкающие позолотой купола и стали яркой памяткой деяниям и подвигу последнего сибирского митрополита Павла. Но недолга память людская, а может, так она устроена, что имена злодеев помнятся лучше и дольше, чем божьих праведников. Их имена Богу поручены, а Он в отличие от людей ничего не забывает и имеет разные способы напомнить нам, неразумным, тем или иным порядком. Так и вышло.

Сменился XVIII век следующим, иные заботы пришли на русскую землю, и через полвека с небольшим случился в лавре большой ремонт и подновление, в связи с чем решено было перенести многочисленные захоронения из-под Великой церкви в специально оборудованный для них склеп. Руководил предпринятой реконструкцией известный учёный своего времени Евгений (Болховитинов), под руководством которого в Киеве проведены многочисленные археологические изыскания и обнаружены фундаменты древних сооружений домонгольской поры: Десятиной церкви, Золотых ворот и пр. Вот именно через этого подвижника и выпал случай напомнить всему русскому народу о некогда известном всей православной России последнем сибирском митрополите Павле.

Может, и ни к чему устанавливать некие временные параллели между героями нашего повествования, но опять же для памяти уточним, что появился на свет Евгений (Болховитинов) как раз в тот год (1767), когда Павел (Конюскевич) был освобожден от должности сибирского владыки, а «почил в бозе» киевский митрополит в год смерти А.С. Пушкина (1837), пройдя солидный жизненный путь и став свидетелем и очевидцем весьма важных исторических событий.

Так незримо история российская связана звеньями цепочек, в которые заключены судьбы людей, ратующих за свою страну. И хотя каждый из них жил по-своему, действовал по собственному разумению, но не разрушал, а созидал, укреплял её. Поэтому смеем заявить, что история складывалась из судеб людских, безвозмездно «брошенных на алтарь Отечества», как говорили когда-то наши не столь давние предки.

Итак, 12 июня 1827 года, когда киевскому митрополиту Евгению (Болховитину) сообщили, что останки умерших в разное время архипастырей, покоящиеся прежде под Великой церковью, готовы к перезахоронению, то он приказал вынести их из церковного подвала, чтобы затем решить, каким образом разместить в новом склепе. К тому же забылись имена

умерших, а митрополит Евгений, будучи учёным и исследователем, хотел установить имя каждого из усопших. Но за извечной занятостью своей сделать это не успел.

И вот тогда произошёл ещё один случай, который любой верующий человек воспримет как реальность, а нынешний материалист с известной долей скепсиса постарается объяснить произошедшее, используя выражения типа «Показалось», «Бабы сказки», «Мало ли кому что во сне привидится». Но подчеркнём, что свидетельствует о произошедшем человек просвещённый, историк, который каждое своё слово взвешивал, прежде чем оставить его на бумаге. Тем более иных подобных сцен им описано не было.

В ту самую ночь, когда митрополит Евгений, оставив необследованной часть гробов, подготовленных к захоронению, удалился в свои покои, ему приснилась «страшная буря», от которой заколебалась вся его резиденция. От этого он проснулся и услышал (уже не во сне!), как по залам архиерейского дома кто-то мерным и твёрдым шагом направляется в его покои. Вслед за тем двери к нему в спальню вдруг сами собой отворились, и «в ночной темноте, весь сияя неизъяснимым светом, в комнату вступил неизвестный муж величественного и грозного вида в архиерейском облачении». Гневно стуча посохом, он приблизился к митрополиту. Тот попытался встать с постели, чтобы поклониться таинственному посетителю, но ноги отказались ему служить, и он так и остался сидеть в неподвижности. А старец заговорил с ним на малороссийском говоре, твёрдо чеканя слова, которые навсегда остались в памяти митрополита: «Чи даси нам почиваты, чи ни? Не даси нам почиваты, не дам и тоби николь почиваты», а затем круто развернулся и вышел таким же мерным шагом.

Наутро митрополит Евгений пришёл в Великую церковь, чтобы осмотреть стоявшие возле неё гробы. Когда подняли крышку одного из них, то перед митрополитом оказался абсолютно нетленным, точно спящий, тот самый архиерей, который приходил к нему ночью, и даже в том же самом облачении.

Далее позаимствуем цитату из описания автора XIX столетия: «Поражённый митрополит со слезами стал класть поклоны и целовать руки архиерея. Немедленно стали узнавать, кто этот архиерей, и наконец открыли, что это митрополит Тобольский Павел, погребённый здесь 57 лет назад.

Тут же была отслужена по нему панихида, и митрополит Евгений распорядился бранные останки святителя Павла оставить на месте, где он находился ранее. С тех пор многие богомольцы приходят к нему поклониться, а сам святитель лежит нетленный со спокойным лицом и закрытыми глазами.

Известный инок Парфений, описавший свои странствия по святым местам, сообщает следующее: «Во един от дней в Киево-Печерской Великой церкви в левом приделе внизу под полом показывали нам мощи святителя Павла, митрополита Тобольского и всея Сибири, после препровождения жизнь свою в Киево-Печерской лавре, на покое там скончавшегося. Почивает он в раке подобно как спит весь целокупен и дух от него приятен. Но во святых донныне не почитается, а только желающие служат по нему панихиду».

Но пришло время, и на Всероссийском соборе 1917–1918 годов святитель Павел Тобольский был присоединён к лику святых. Вслед затем наступила безбожная большевистская эпоха, а там и война, оккупация Киева

немецкими войсками, которые в 1942 году наряду с другими злодеяниями произвели взрыв Великой лаврской церкви.

Конечно, можно предположить, что мощи святителя Павла Тобольского оказались уничтожены, но это лишь предположение. Зная о его полной превратности судьбе и ряде необычных явлений, с ним связанных, хочется верить, что Господь в очередной раз уберёт молитвенника сибирского от варварского посягательства, и рано или поздно мощи святителя будут обреты. Нужно лишь верить в существование чуда, без которого немислима жизнь верующего человека, как и сама жизнь без веры невозможна. А так каждый из нас волен выбирать, во что верить: в чудо или бессмысленность земной жизни.

К слову говоря, митрополит Павел, беседуя в 1761 году с прибывшим в Тобольск для астрономических наблюдений французским аббатом Шаппом, высказал показавшуюся тому кощунством мысль о неправильности воззрений Коперника на устройство Солнечной системы. Правда, и аббат мог не совсем верно истолковать слова преосвященного, как знать.

Но для нас митрополит Павел Тобольский навсегда останется великим праведником и стойким борцом за веру. Именно он одним из немногих посмел открыто не согласиться с вмешательством императрицы Екатерины II в дела церковные. По его твёрдому убеждению, власть церковная в подчинении у светской быть не должна! Но мало кто тогда прислушался к его словам, опасаясь кто за карьеру, а кто из обычной человеческой трусости.

Ещё и поэтому должны мы помнить и почитать святителя сибирского, что выпало жить ему в век непростой, когда многие его современники проявили колебания в вере, и в трудный для церкви момент уклонились от защиты её, за что, может, и пострадал много позже весь люд православный. Народ, не распознавший праведника, рано или поздно будет обречён на страдания. Главное – понять это вовремя и иметь на то волю и желание.

Ольга ОЖГИБЕСОВА

Дело случая

Неисповедимы пути Господни, но и человеческие порой так запутаны, что просто диву даешься. И убеждаешься в очередной раз, что немалую роль в нашей жизни играет Его Величество Случай. Если бы москвичка Инна Оровна Калинина не познакомилась однажды с тюменским журналистом-краеведом Владимиром Полищуком, если бы не решила с его подачи заняться историей своего рода, если бы не приехала в Тюмень поработать в архивах, если бы в это время в областной научной библиотеке не проходил краеведческий фестиваль, который мог бы состояться годом раньше, а мог бы и вообще не состояться... Когда все эти «если» сложились в одно целое, мы встретились.

Здесь нужно сделать паузу и рассказать совсем другую историю. Краеведческий фестиваль, о котором я упомянула выше, был посвящен сибирскому купечеству и открыл большинству участников горькую – увы! – правду: ничего-то мы не знаем о людях, которые построили этот город. Которые создали его таким, каким мы любим изображать его на календарях и открытках. Назовите навскидку хотя бы несколько фамилий тюменских купцов. Колокольников, Текутьев, Колмаков, Машаров ... Кто больше?

А между тем исследователь Сибири Н.А. Абрамов писал: «На стороне купцов стоит громадная сила капитала, почёт, громкое имя. Купечество составляло здесь всё, и сообразно купеческому складу устроился весь город Тюмень. Купец сказывался во всём».

В 1890 году в Тюмени насчитывалось 18 купцов первой гильдии (имеющих капитал более чем в десять тысяч рублей) и 58 купцов второй гильдии (с капиталом от тысячи до десяти тысяч).

Но имя Василия Алексеевича Собенникова, купца 1-й гильдии, потомственного почётного гражданина г. Кяхты, владельца торгового дома «Собенников и бр. Молчановы», стало настоящим открытием для большинства участников фестиваля.

Тюменский период жизни кяхтинского торговца чаем начался в 1905–1906-м году с покупки кожевенного завода на первой Береговой улице. Завод, на котором работало более двухсот человек, производил продукции больше чем на полмиллиона рублей, и это было самое крупное кожевенное предприятие Тюмени, а может быть, и всей Западной Сибири.

В самом центре города, на пересечении улиц Царской (Республики) и Иркутской (Челюскинцев), стоял шикарный двухэтажный особняк с бельведером и громадными конюшнями. Когда-то он принадлежал купцу Андрееву. В справочнике и адрес-календаре по Тюмени за 1913 год по адресу «Царская улица, собственный дом» значится «Торговый дом Собенников В.А. и К.»: чай, сахар и кофе; оптовая и розничная торговля, телефон 152. А по телефону 95 можно было узнать о наличии кожевенных и жировых товаров.

Дом сохранился до наших дней, хотя и вырос на один этаж.

О том, какое место занимал вновь прибывший купец в тюменском высшем обществе, говорит всего несколько фактов.

Уже в 1907 году В.А. Собенников получил право участия в 1-м съезде избирателей в городскую Думу. Забегая вперёд, скажем, что в 1914 году

он стал кандидатом в гласные. Кандидат в гласные – человек с решающим голосом. И это означало, что тюменская элита доверяла ему и приняла в свой круг.

В 1907 году император утвердил Собенникова В.А. директором Тюменского отделения комитета попечительского общества о тюрьмах.

В 1909 году он стал почётным попечителем тюменского Александровского реального училища.

Императрица Мария Фёдоровна наградила тюменского купца золотой медалью с надписью «За усердие» на станицлавской ленте, а такие медали давали только за крупные благотворительные акции. Всего же за свою деятельность В.А. Собенников получил шесть золотых наград и одну серебряную.

1 января 1915 года государь император соизволил наградить за отличную, усердную и полезную деятельность орденом святого Станислава Василия Алексеевича Собенникова, и тот получил право называться кавалером этого ордена.

Еще в 1911 году Собенников становится соучредителем пароходно-торгового товарищества «Г.Г. Иванов и К», акционером «Тюменской компании электричества». А в феврале 1917-го создает своё акционерное общество под названием «Акционерное общество кожевенного производства В.А. Собенникова в Тюмени». Основной капитал составлял 1 500 000 (!) рублей.

А потом всё рухнуло... Спустя год, в феврале 1918-го, для установления советской власти в Тюмень прибыл 1-й северный летучий морской карательный отряд. Возглавлял его комиссар Михаил Запкус. Для начала он арестовал 50 самых богатых жителей города. А 6 марта 1918 года составил список лиц, обязанных выплатить некую контрибуцию в сумме 2 миллионов рублей: миллион – на содержание красных отрядов и миллион – в распоряжение совета рабочих и народных депутатов города Тюмени. В этот список вошло 15 человек, в том числе В.А. Собенников. Деньги в обмен на жизнь – неплохая альтернатива.

Если после этого и оставалась ещё какая-то надежда на нормальную жизнь, она рухнула окончательно в ноябре 1919 года, когда вышло постановление президиума Тюменского губсовнархоза о национализации кожевенной промышленности. Теперь оставаться в Тюмени уже не было никакого смысла...

Семья Собенниковых давно жила в Москве. Настала пора воссоединиться с женой и детьми. В один из зимних дней на исходе декабря из Тюмени выехало 13 обозов с купеческим добром. До столицы добрался только один.

Ну а сейчас вернемся к Инне Оровне Калининой, со знакомства с которой мы и начали эту историю. Вы спросите: какая связь между ней и тюменским купцом? Самая прямая. Инна Оровна – внучка Василия Алексеевича Собенникова, дочь его младшего сына.

Когда слушаешь её рассказ о дальнейшей, послереволюционной, судьбе некогда благополучной во всех отношениях семьи, одной из самых богатых в Сибири, начинаешь понимать, какой катастрофой стала для них и ещё для миллионов граждан страны революция 1917 года. И невольно задумаешься: неужели нужно было заплатить за неё такую цену?

Собенниковым принадлежала большая квартира в доме недалеко от Кремля, возле храма Христа Спасителя. К тому времени, когда глава семьи

вернулся в Москву, там оставались лишь жена и младший сын. Четыре дочери давно вышли замуж. Старший сын Александр решил примкнуть к Колчаку и погиб. Поскольку семья была хорошо известна в Сибири, о смерти Александра им сообщили: мать ездила его хоронить. Чуть позднее к родителям перебралась дочь Азелла. Она была замужем за внуком князя Урусова. Им принадлежал ювелирный дом «Махалов и сыновья» – один из первых, куда ворвались обезумевшие те, кто вчера ещё был никем... Во всяком случае, так писали московские газеты.

– 1917 год в Москве был до такой степени страшен! – рассказывает Инна Оровна. – Это был город-призрак. Они врываются в дома и мало того что всё забирали, но хозяевам вспарывали животы. Причём это происходило в самом центре, как раз там, где мы жили.

Почему же Собенниковы не уехали?

– Многие не уезжали, верили во что-то. Надеялись, что не будет ничего плохого. А те, кто уехал... Я работала в библиотеках, изучала журналы, которые издавались в эмиграции. И что там пишут? Первые три года люди считали, что вот-вот вернуться в Россию. Никто не верил, что уехал навсегда. Уже через пять лет они начинают понимать, что это надолго, но всё равно считали: наши дети или внуки вернуться.

Кто хотел уезжать? Никто не хотел. Собенниковых было несколько братьев. Дедушка остался в России, его брат бежал через Харбин. Но он не смог пережить того, что произошло, и наложил на себя руки. А его сын уехал в Америку. Брат родной моей бабушки, жены Василия Алексеевича, чудесный человек Никон Александрович Молчанов, который был партнёром торгового дома Собенникова, вёл дела в Тюмени, занимался благотворительностью, принял решение бежать. Долгое время семья находилась в Китае, затем в Бразилии, где очень бедствовала, и только потом перебралась в Америку. Одна из его дочерей вышла на меня из Сан-Франциско.

В 1917 году Василию Алексеевичу Собенникову было 58 лет. Не молод, но ещё полон сил, планов и надежд, которым уже не суждено было сбыться. Сохранились документы, свидетельствующие о том, что он вёл переговоры о совместном бизнесе с бывшими партнёрами за границей, но... не случилось. Скорее всего, не смог уехать. Или уже не было средств, чтобы начать новое дело. А кому нужен нищий партнер по бизнесу? Хотя...

– До того богатые были люди, что когда уже всё отобрали, путешественник П.К. Козлов, исследователь Монголии и Тибета, брал у деда деньги, чтобы расплатиться за экспедицию. Золотые червонцы, тысячу рублей. А это был год 1922-23-й. Кстати, у нас есть книга с автографом Козлова, подаренная им моему отцу.

В 1937 году 78-летнего бывшего купца, «владельца заводов, газет, пароходов», арестовали. Он умер в Бутырской тюрьме. Его имя можно найти в Книге памяти жертв сталинских репрессий.

– Мне многое было непонятно, когда я была ребёнком. К примеру, говорили, что мой дед умер в тюрьме. Когда я спрашивала, за что его посадили, что он совершил, мне отвечали: «Ничего он не сделал, совершенно ничего, просто нужны были его деньги». Может, ещё что-то всё-таки оставалось... В детстве я была окружена предметами антиквариата, в том числе китайскими картинами в оправе из слоновой кости, видела грубоватые перстни из золота. Редкой красоты ваза у нас была в коробке... Картины были такие, каких и в музеях-то нет... Всё это постепенно с годами продавалось при необходимости и таяло...

Младший сын, Ор Собенников, по полной ответил за всю семью, вопреки словам Сталина, что «сын за отца не отвечает». Для начала просто не дали получить высшее образование. Происхождением, видимо, не вышел. Позже в своей биографии Ор Васильевич писал, что не смог окончить университет. Но это ложь! – утверждает его дочь.

– Он был очень умный, образованный, хотя окончил только курсы иностранных языков. Его иначе как профессор никто не называл. Он знал пять языков, готовил проекты энциклопедий и словарей, но ему так ни один проект и не одобрили, указывали на его непролетарское происхождение.

Сохранились старые фотографии, на которых видно, что он – из богатой семьи, приличный человек. Дома оставались запонки золотые, жемчуг натуральный. Это были очень дорогие вещи. Потом всё продали. А позже его выслали из Москвы, и его мама поехала с ним в Свердловск. Но папу всё равно посадили...

И началась череда посадок. Такая была тогда практика: посадить – и выпустить, посадить – и снова выпустить. В промежутках Ор Васильевич преподавал английский язык в УПИ, на кафедре иностранных языков.

– Жили очень бедно. У бабушки отобрали последний стол... Я не знаю, где она жила, когда папу посадили в очередной раз. От неё осталась только сумочка и куча икон. Утро она проводила в церкви, а потом шла к воротам тюрьмы и ждала, когда выведут её сына. Заключённых вывозили машинами каждый день – на расстрел. И сколько времени это продолжалось – я не знаю. В конце концов бабушку парализовало.

Какие-то драгоценности удалось спасти, пытались кого-то подкупить. Видимо, получилось, потому что он выжил, якобы потому что потерялись документы. Я как-то случайно пересеклась с человеком, который работал в органах. Разговорились, и я рассказала, что отец выжил, потому что потерялись документы, на что он ответил: у нас ничего и никогда не теряется. Его могли выкупить.

Он вышел, а бабушка умерла за полгода до этого.

К тому времени закончилась война. Жить стало не то чтобы легче, но всё-таки веселее. Вчерашний зэк женился на девушке-фармацевте из Первоуральска, не испугавшейся его прошлого, преподавал в УПИ, получил комнату в общежитии, в 1946-м родилась дочь Инна. И всё бы ничего, вот только вернуться в Москву, в родной дом он не мог: анкета не позволяла. Впрочем, к тому времени от квартиры осталась одна 25-метровая комната: Собенниковых уплотнили ещё в 1927 году.

Как только дочь подросла, отец отправил её в Москву, к тётке, которая к тому времени овдовела. Не хотел, чтобы девочка росла в ссылке. Да и образование столичное всё-таки на порядок выше. Впрочем, и тут не подсуетился вовремя: прописать бы Инну сразу в московской квартире, а они наивно ждали, когда ей исполнится 16 лет. Вот получит паспорт... Когда получила, прописку в Москве запретили. А без прописки жить в столице было нельзя. И 16-летнюю девочку, не успевшую окончить школу, отправили к родителям, в Свердловск. Так Собенниковы окончательно потеряли право на московскую квартиру.

И тут снова вступил в свои права Его Величество Случай.

– Зимой я приезжала к тёте и к соседке-врачу приезжали племянники. А мой будущий муж работал главным врачом в Кремле. Соседка договорилась с ним насчёт билетов на Кремлёвскую ёлку и попросила меня съездить забрать эти билеты. Я приехала, увидела интересного человека старше

меня на 25 лет. Очень интеллигентный, красивый, стройный, спортсмен. И какой-то не такой, как все. Увидела и не смогла забыть. Он был особенный. Каждые полгода мы случайно встречались. А как-то он позвонил и спросил, можно ли пригласить меня на кинофестиваль во Дворце съездов. Когда мне исполнилось 18 лет, мы поженились.

Внучке купца-миллионера суждено было выйти замуж за потомка князей Куракиных...

– Это уже от Бога, – говорит Инна Оровна. – Он только пересекает как-то людей.

Ну и на сладкое.

В 1988 году на первом в истории СССР конкурсе красоты «Московская красавица» корону победительницы и титул «Мисс СССР» получила 16-летняя московская школьница Маша Калинина. Долгое время ходил слух, что она – то ли дочка, то ли внучка какого-то политического деятеля... Дыма без огня не бывает, но первая красавица СССР эти слухи никак не комментировала. Не комментирует и сейчас. Хотя уже можно. Но потомок знаменитой купеческой семьи Собенниковых по линии мамы и князей Куракиных, потомков Рюриковичей, по линии папы не афиширует своё происхождение, предпочитая всего добиваться своим трудом.

Внучка купца Собенникова Маша Калинина живет в Америке. Её мама, Инна Оровна Собенникова-Калинина – в Москве. Несколько лет она посвятила изучению родословной князей Куракиных, написала и на свои средства издала двухтомник «Потомки – о предках князей Куракиных». Сейчас вплотную занялась родословной своей семьи и её историей. Впрочем, это не только история семьи. Это ещё и история Сибири. История Тюмени. История российского купечества и российского предпринимательства. Это наша общая история.

Евгений МОРОЗОВ

Разведчик из «озёрного края»

Филипп Алексеевич Агеев родился 15 января 1902 года в селе Шабалинском Армизонской волости Ишимского уезда Тобольской губернии в семье Алексея Егоровича и Евдокии Павловны Агеевых.

6 июня 1920 года Филипп Алексеевич венчается с Евдокией Терентьевной Ефремовой, жительницей села Шабалинского. Ему 19 лет, ей 22 года. Через год 11 августа 1921 года у молодожёнов рождается первенец. Младенца назовут Степаном. Крёстными будут родные брат и сестра Филиппа, Дмитрий Алексеевич и Марфа Алексеевна Агеевы. Позже у молодожёнов родится две дочери – Зоя и Нина. За две недели до рождения сына у Филиппа Алексеевича рождается родной брат Павел. Событие произошло 28 июля 1921 года. Крёстными будут брат новорождённого Филипп Алексеевич и жительница села Шабалинского Ксения Георгиевна Яковлева.

Филипп Алексеевич в начале 30-х годов выучится и получит специальность лаборант-хлебник. 5 августа 1935 года он устроится в Армизонский райпотребсоюз на должность заведующего глубинки – заготовительной организации, которая занималась поставками зерна). Шабалинский храм во имя Рождества Христова, в котором крестились и венчались Филипп Алексеевич, его братья и сёстры, отец и мать, деды и бабушки, закрыли и превратили в склад для хранения зерна.

Но недолго длилась идиллия в селе: грянула новая война. 22 июня 1941 года вся страна узнала, что на Родину напал враг, жестокий и беспощадный. Снова полились женские слёзы, матери и жёны рыдали, провожая детей и мужей на фронт. Война ворвалась в каждый дом, в каждую семью, не обошла стороной и семью Агеевых. Ушли на фронт Филипп Алексеевич, его сын Степан и два брата – Павел Алексеевич и Василий Петрович.

Война...

Филипп Алексеевич Агеев после мобилизации был зачислен стрелком 8-й стрелковой роты 3-го стрелкового батальона 1224-го стрелкового полка 368-й стрелковой дивизии. Начало формирования 368-й стрелковой дивизии положено приказом Военного совета Сибирского военного округа № 0051 от 26 августа 1941 года.

К концу сентября 1941 года были сформированы стрелковые и артиллерийский полки, отдельные батальоны – связи, саперный, медико-санитарный, специальные подразделения дивизии. Всех их расквартировали в предоставленных горсоветом зданиях в разных районах города. Штаб дивизии находился на улице Володарского, в доме № 20.

На 100% дивизия укомплектована к 25 ноября 1941 года. По получению первых партий пополнения были сформированы 1224-й, 1226-й, 1228-й стрелковые полки и специальные части. 1 октября 1941 года приказом командира дивизии № 01 положено начало плановой боевой подготовки личного состава. Боевая подготовка личного состава проводилась по программе ускоренной боевой подготовки стрелковых подразделений.

Фронт требовал пополнения, и 368-я стрелковая дивизия отправилась в ноябре 1941 года на войну. Задача: остановить наступление союзников

Германии – финнов, захвативших Южную Карелию и город Петрозаводск, форсировавших реку Свирь и рвавшихся на соединение с немцами. Финнам оставалось пройти всего 125 километров. Замкнулось бы второе кольцо вокруг Ленинграда, и всякая связь с ним, кроме воздушной, была бы потеряна.

С 6 ноября 1941 года дивизия в количестве 7828 бойцов и командиров начала переброску по железной дороге из Тюмени в район выгрузки. Для следования по железной дороге к месту выгрузки осуществлялась перевозка 9-ю эшелонами, расстояние между которыми по времени установлена 8 часов. Маршрут перевозки: Тюмень, Свердловск, Пермь, Вологда, Няндома. В 6.00 6 ноября 1941 года начал погрузку первый эшелон и в 8.00 6 ноября он отошёл от станции Тюмень.

Выгрузившись из вагонов на станции Няндомы, части дивизии за 10 дней совершили пеший переход в 340 километров по заснеженным таёжным дорогам по маршруту Няндомы – Каргополь – Чёрная Слобода – Вытегра – Ошты и встали в оборону южного побережья Онежского озера в районе западнее населённого пункта Оштинский погост. 23 ноября дивизия заняла отведённую полосу обороны.

11 апреля 1942 года на основании приказа 7-й отдельной армии № 001 368-я стрелковая дивизия и 111-й отдельный лыжный батальон перешли в наступление с задачей разгромить финские войска южнее реки Свирь, наступать на север в направлении Вязостров – Вознесенье, прорвать оборону противника и овладеть Левино – Вожерокса с дальнейшим выходом на рубеж Вознесение – Лябушки. На левом фланге дивизии действовал 1224-й стрелковый полк. Здесь был назначен новый командир – майор Иван Викентьевич Ивановский. Он обладал боевым опытом, отличался большой волей, настойчивостью, глубокими военными знаниями.

1224-й полк наступал в направлении населённых пунктов Левино – Никитинское с целью овладеть рубежом отметки 92,0 – северный берег реки Левинской. 1226-й стрелковый полк вместе со 111-м батальоном находился во втором эшелоне дивизии, за левым флангом 1224-го полка, готовый к удару в направлении Левино – Никитинское.

Силами 1226-го стрелкового полка и 111-го отдельного лыжного батальона дивизия на левом фланге имела незначительный успех, заняв район отметки 134 и левый берег реки Левинской, после чего продвижения вперёд не имела на всем фронте в полосе наступления.

Попытки продвинуться вперёд кончились неудачей в силу следующих причин: противник имел господствующий рубеж обороны, с которого просматривал всю полосу наступления дивизии; имея перевес в артиллерийском, миномётном огне и количестве станковых пулемётов, одна треть которых у противника состояла из крупнокалиберных пулемётов; интенсивный огонь противника, как миномётный, так и пулемётный, не давал возможности частям дивизии продвигаться вперёд и подавить огневые точки противника, один 939-й артполк и 767-й отдельный минный дивизион не могли этого сделать в силу ограниченного количества снарядов и боеприпасов.

Наступательные бои продолжались до 21 апреля 1942 года, после чего дивизия перешла к обороне. За время наступления дивизия имела следующие потери. Убитыми: рядовой состав – 339, младший комсостав – 91, комсостав – 36; ранеными: рядовой состав – 1269, младший комсостав – 276, комсостав – 129. Всего убитыми – 466, ранеными – 1614. Наступле-

ние частей дивизии вскрыло ряд недостатков в вопросах взаимодействия пехоты с артиллерией.

После боёв 1942 года Филипп Алексеевич добровольно вступает во взвод разведки. Командиром взвода был старший лейтенант А.В. Бойко. Взвод этот состоял из бойцов третьего стрелкового батальона 1224-го полка, добровольно пожелавших стать разведчиками. Вначале как нештатное подразделение, он затем прочно утвердился в этой своей новой трудной роли. Из роты в роту шла слава об отважных разведчиках, их дерзости, мужестве, солдатской доблести и хватке.

В декабре 1942 года Филипп Алексеевич за боевые заслуги представлен к награде – ордену Красной Звезды.

Но вышестоящее начальство решило орден не давать. Командир дивизии полковник Сопенко и начальник штаба подполковник Нинбург подписали заключение: «Достоин правительственной награды – медали «За боевые заслуги»».

Из приказа № 02/Н от 25 декабря 1942 г. Частям 368-й стрелковой дивизии:

«От имени Президиума Верховного Совета Союза ССР за образцовое выполнение боевых заданий командования на фронте борьбы с немецкими захватчиками и проявленные при этом доблесть и мужество награждаю медалью «За боевые заслуги» красноармейца Агеева Филиппа Алексеевича, стрелка 1224-го стрелкового полка 368-й стр. дивизии. Подписали: командир дивизии полковник Сопенко и начальник штаба подполковник Нинбург».

В марте 1943 года Филиппа Алексеевича представляют к награде – ордену Красного Знамени. Из наградного листа:

«Красноармеец Агеев принимал участие в трёх операциях по захвату пленного, во всех случаях действует храбро, смело и решительно. 1 декабря 1942 года, находясь вместе с группой захвата, преодолев завал и проволочное ограждение противника, вышел в траншею финнов в районе отм. 134 Оштинского района Вологодской области. Пройдя 50 метров по траншее, Агеев увидел впереди себя в 15 метрах двух финнов. В это время к нему зашли с тыла два финна. Увидев их, очередью из автомата одного финна он убил, а второго ранил. Когда часовые впереди него подняли крик, Агеев очередью из автомата убил обоих. Отходя последним, прикрывал и обеспечил отход товарищей с пленным финном.

21 февраля 1943 года, действуя также в группе захвата в районе деревни Коромыслова Оштинского района Вологодской области, Агеев ещё раз показал образец мужества и отваги. Незаметно проникнув в оборону противника, в траншее он встретил финского часового. Часовой, заметив разведчика, бросился бежать, но Агеев короткой очередью из автомата ранил его. Вместе с подбежавшими товарищами Агеев связал его и под сильным огнём противника, прикрывая отход группы захвата, доставил его в распоряжение своей обороны, не понеся потерь в личном составе и технике. Подписали: командир 1224-го стрелкового полка подполковник Ивановский и начальник штаба 1224-го стрелкового полка капитан Старостин».

Но опять вышестоящее начальство решило по-другому. Из заключения Военного совета армии:

«Награждаю орденом Отечественной войны 2-й степени. Подписал командир 4-го стрелкового корпуса генерал-майор Зайцев».

На счету разведчиков взвода старшего лейтенанта А.В. Бойко, в который входил Филипп Алексеевич, было много славных дел. В общей сложности они захватили около 20 «языков». В активе группы немало захваченного у врага оружия, различных документов, не говоря о десятках уничтоженных врагов.

Наступление советских войск в 1943-м и начале 1944 года создало благоприятную обстановку для перехода в решительное наступление и войск Карельского фронта. В полосе действия 368-й стрелковой дивизии враг создал мощную линию обороны.

Филипп Алексеевич продолжал отважно и мужественно выполнять свой долг. Ходил в разведку, уничтожал врага, доставлял пленных. Пригодился сибиряку охотничий опыт, полученный в глухом сибирском селе. Та смелость, с которой он ходил в разведку, не осталась незамеченной для командиров. Из приказа № 037/Н по 1224-му стрелковому полку 368-й стрелковой дивизии 4-го стрелкового корпуса 7-й отдельной армии:

«2 июля 1943 года. От имени Президиума Верховного Совета СССР награждаю медалью «За отвагу». Подписали командир 1224-го стрелкового полка подполковник Ивановский и начальник штаба 1224-го стрелкового полка майор Григорьев».

За время службы разведчики очень сдружились, это и неудивительно, они вместе ходили на задания, вместе ели, спали, делили все тяготы войны. Можно даже сказать что они стали большой дружной семьёй. У Филиппа Алексеевича появился лучший друг Николай Решетников. Друзья были неразлучны, как братья.

19 июня 1944 года после мощной артиллерийско-миномётной подготовки, прикрываясь огненным валом, полки 368-й стрелковой дивизии пошли в атаку и ворвались в траншеи врага, забрасывая гранатами уцелевшие огневые точки. Враг не выдержал напора и начал отступать на север, надеясь остановить наши войска на правом берегу реки Свирь.

20 июня 1944 года вечером, пройдя с момента прорыва вражеской обороны более 30 километров, 1224-й стрелковый полк достиг реки Свирь и с боем занял расположенный на южном берегу реки старинный русский город Вознесенье.

22 июня 1944 года части дивизии начали форсировать реку при поддержке дивизионной артиллерии с кораблей Онежской военной флотилии. Несмотря на упорное сопротивление противника, наступающие подразделения захватили несколько небольших плацдармов.

24 июня 1944 года переправа всех частей и подразделений дивизии полностью завершена.

28 июня 1944 года корабли Онежской флотилии высадили десант в столице Карелии Петрозаводске. В этот десант вошла группа бойцов 1228-го стрелкового полка 368-й стрелковой дивизии, а также миномётчики, сапёры, связисты. Командовал десантной группой капитан Я.А. Харченко. К исходу дня в Петрозаводск вступил 1226-й стрелковый полк, а на следующий день в город вошли основные силы дивизии.

После освобождения Петрозаводска 368-я стрелковая дивизия продолжала наступление к Государственной границе.

2 июля 1944 года за дисциплинированность, мужество и отвагу личного состава, проявленные в боях при освобождении Карелии, дивизия награждена орденом Красного Знамени.

13 июля 1944 года 368-я стрелковая дивизия совместно с частями 313-й стрелковой дивизии освободила город Суоярви.

28 июля 1944 года части 368-й стрелковой дивизии совместно с частями 313-й стрелковой дивизии вышли на Государственную границу СССР в районе населённого пункта Корписелькя и по приказу командования остановили своё движение на запад, заняв оборону.

Оборонительные бои велись до 29 августа 1944 года и были прекращены в связи с заключением мира между Финляндией и Советским Союзом. Война с Финляндией закончилась. 368-я стрелковая дивизия, сдав свои рубежи пограничникам, перебрасывалась на север.

30 сентября 1944 года части дивизии сосредоточились в районе станции Кола под Мурманском. Совершив 80-километровый марш, части дивизии вышли к подножью горы Большой Кариквайвишь и начали подготовку к наступлению.

7 октября 1944 года после артподготовки части 368-й стрелковой дивизии в составе 14-й армии перешли в наступление, в результате чего 15 октября 1944 года части дивизии совместно с другими соединениями и частями армии после ожесточённых уличных боев освободили город Печенгу.

17 октября 1944 года дивизия вышла на Государственную границу с Норвегией и заняла оборону.

21 октября 1944 года дивизия по приказу командования перешла норвежскую границу.

25 октября 1944 года совместно с другими частями освобождён норвежский город Киркинес.

К концу октября 1944 года была полностью очищена от фашистских захватчиков Печенгская область. За отличные действия при освобождении города и порта Печенги и Печенгской области приказом Верховного Главнокомандующего 368-й дивизии присвоено наименование «Печенгская».

В декабре 1944 года воины дивизии совершили трёхдневный переход из Норвегии в район Луостари. Дальше предстояло ещё более трудное испытание. С 10 по 15 января 1945 года дивизия совершила 200-километровый марш в условиях полярной ночи, сильных морозов и снегопадов. В течение шести суток, борясь с пургой и снежными заносами, двигались люди в направлении к Мурманску. На руках пришлось вытаскивать из заносов пушки, автомашины. Но закалённых в боях воинов-сибиряков эти преграды не могли остановить.

В начале февраля 1945 года части дивизии на баржах переправились через Кольский залив, а затем эшелонами были переброшены по железной дороге в район города Кемь – к новому месту дислокации.

От имени Президиума Верховного Совета СССР 1 мая 1945 года член Военного совета Беломорского военного округа генерал-майор Г.С. Емельяненко вручил дивизии орден Красного Знамени, прикрепив его к алому стягу соединения. Принимая высшую награду, командир 368-й дивизии генерал-майор В.К. Сопенко заверил, что воины-сибиряки оправдают доверие Родины, будут достойны славы героев-фронтовиков.

И вот 9 мая 1945 года радио принесло долгожданную весть: фашистская Германия безоговорочно капитулировала! Мы победили! С каким ликованием и радостью встретил Филипп Алексеевич со своими друзьями-разведчиками эту волнующую весть! Яркое светило майское солнце. Казалось, сама природа празднует вместе со всеми советскими людьми. К концу войны браво разведчик дослужился до звания старшего сержанта.

Сын и братья на фронтах Великой Отечественной войны...

Сын Филиппа Алексеевича Степан был призван на войну 1 января 1943 года. С гражданской специальностью шофёра его определили в 206-й истребительно-противотанковый артиллерийский Калининский полк. 10 января 1943 года он был приведён к присяге и направлен в 22-й учебный автомобильный батальон на курсы шофёров. Шестимесячные курсы он окончил в июне с присвоением звания сержанта и должности командира отделения с зачислением в 47-ю отдельную автомобильную роту всё того же 206-го истребительно-противотанкового артиллерийского Калининского полка.

В июле 1942 года вместе с 20-й отдельной истребительной противотанковой артиллерийской Сталинградско-Речицкой бригадой РГК (резерва главного командования) отбыл на Сталинградский фронт. Прошёл всю войну, на своей машине исколесил всю Европу. Участвовал в Сталинградской битве, освобождал Белоруссию, Украину и Европу. Был дважды легко ранен.

Награждён орденом Отечественной войны I степени и дважды медалью «За отвагу». Из приказа № 02/Н от 26 марта 1944 года: «Наградить медалью «За отвагу» шофера 2-й батареи Агеева Степана Филипповича за то, что он 23.3.1944 г. при артиллерийском налёте противника на наши боевые порядки в районе деревни Загорени Чаусского района Могилёвской области, когда от разорвавшегося снаряда загорелась автомашина с находящимися в ней боеприпасами и другим имуществом, не щадя своей жизни бросился тушить автомашину, в результате чего она затуплена и боеприпасы спасены. Приказ подписал начальник штаба гвардии полковник Герасименко».

Службу в армии Степан закончил в 1947 году. Вернулся домой. Работал шофёром, потом бухгалтером. Ещё до войны был женат на Клавдии Потаповне Неклюдовой. На 9 мая часто ездил в Волгоград на встречу с ветеранами. В мае 1986 года Степан Филиппович последний раз встретится с сослуживцами. 19 мая 1986 года сердце ветерана остановится.

Родной брат Филиппа Алексеевича Павел Алексеевич был призван в армию 27 октября 1940 года. Его определили артиллеристом в 624-й стрелковый полк 137-й стрелковой дивизии. 7 августа 1941 года дивизия была переброшена под Кричев, где участвовала в наступлении, 9.08.1941 года попала под удар 2-й танковой группы из района западнее Рославля, была окружена. Павел Алексеевич 16 августа попадает в плен. В плену пробудет до конца войны. Его освободят 7 июня 1945 года и отправят для проверки в спецлагерь НКВД № 258. После проверки он вернётся домой.

Павел Алексеевич был женат на Анне Тимофеевне Макаровой. В семье родилось четверо детей – Надежда, Тамара, Владимир и Галина. Павел умер 14 декабря 1973 года.

Ещё один брат Филиппа Алексеевича, только уже двоюродный, Василий Петрович, будет призван вместе с Филиппом Алексеевичем и по распределению попадёт в тот же 1224-й стрелковый полк 368-й стрелковой дивизии. Служить они будут вместе, только в разных ротах: Филипп Алексеевич в 8-й стрелковой, а Василий Петрович во 2-й пулемётной наводчиком. Он получит звание сержанта. 12 апреля 1942 года был убит и похоронен на просеке северо-западнее деревни Миронова Општинского

района Вологодской области. Его жене Матрёне Филипповне придёт похоронка в деревню Большие Чирки Голышмановского района. Туда он перебрался из Шабалинского перед войной.

К счастью, как это нередко бывало во время войны, в штабе дивизии что-то напутали, а Василий Петрович оказался живым. Более того, он даже будет награждён медалью «За отвагу».

Василий Петрович будет ранен, но после лечения продолжит воевать, а после войны вернётся домой.

После войны...

Вернувшись домой, Филипп Алексеевич продолжает работать в Шабалинском. 6 августа 1945 года его берут на работу снова заведующим Шабалинской глубинкой.

24 декабря 1947 года Филиппа Алексеевича назначают на должность председателя Шабалинского сельского совета. В этой должности он проработает 7 лет.

В начале 50-х годов по постановлению ЦК ВКП(б) от 30 мая 1950 г. «Об укрупнении мелких колхозов и задачах партийных организаций в этом деле» и постановления Совета министров СССР от 17 июля 1951 г. «О мероприятиях в связи с укрупнением мелких колхозов» село Шабалинское попадает под эту программу.

В 1954 году Шабалинский сельский совет сокращают, а село передают в ведение Орловского сельского совета. С этого времени начинается отток населения села. Филипп Алексеевич с семьёй перебирается в райцентр, в Армизонское.

19 июля 1954 года он устраивается в Армизонский хлебоприёмный пункт на должность заведующего складом. 11 января 1959-го переведён на должность охранника, а в мае этого же года – помощником заведующего складом.

15 января 1962 года Филипп Алексеевич выходит на заслуженный отдых. За время работы в Армизонском хлебоприёмном пункте награждался грамотами и премиями.

Проходят годы, но они не в силах стереть память о суровых испытаниях военного лихолетья. Время не властно над памятью. Вот почему всё, что связано с событиями незабываемых военных лет, так близко и дорого каждому ветерану. С особой силой чувствуется это, когда встречаются бывшие фронтовики-однополчане. Учащённо бьются сердца, нет конца разговорам, воспоминаниям...

Первая встреча ветеранов 368-й стрелковой дивизии состоялась в мае 1965 года в Тюмени – в городе, где рождалась и откуда начала свой путь наша родная дивизия. Филипп Алексеевич тоже ездил на эти встречи.

22 ноября 1974 года на 73-м году жизни Филиппа Алексеевича не стало.

Послесловие...

Никто не забыт, ничто не забыто – эта фраза из стихотворения Ольги Берггольц стала лозунгом для сохранения памяти о наших ветеранах, многих из которых уже нет в живых. Если мы не будем помнить всё то, что они сделали для нас, для потомков, то их подвиги будут напрасны.

В Норвегии, в городе Киркенесе, стоит монумент с надписью на русском и норвежском языках: «Отважным советским солдатам в память об освобождении города Киркенеса, 1944 год». В далёкой Норвегии до сих пор помнят о подвиге наших дедов и прадедов и чтут эту память. Но не только в Норвегии помнят воинов 368-й стрелковой дивизии. Помнят о ней и в городе, в котором она родилась. В городе Тюмени находится два мемориала в память о 368-й стрелковой. У школы № 14 по улице Грибоедова находится обелиск с надписью: «Слава воинам 368-й Краснознаменной Печенгской стрелковой дивизии», там же имеется школьный музей истории дивизии.

У входа в технологический колледж Тюменского государственного нефтегазового университета по улице Пермякова, 3/1 имеется ещё один памятник воинам дивизии, в колледже с 1974 года работает музей дивизии.

ЛИТЕРАТУРОВЕДЕНИЕ И ЛИТЕРАТУРНАЯ КРИТИКА

Сергей СМЕТАНИН

От мечты до прорехи

Поэта Петра Суханова я знал на протяжении жизни в Сургуте, то есть около тридцати лет. Мы познакомились на одной из встреч в литературном объединении «Северный огонек», которое работало при газете «К победе коммунизма» в конце семидесятых.

Помню кряжистую фигуру Петра в унтах, овчинном полушубке и собачьей шапке, светло-карие глаза с лукавым проблеском, неповторимое придыхание, которое отличало его мужественный баритон. Он представился водителем, прочитал стихи. Суханов частенько приезжал к заседанию на оранжевой «Татре». Рядом с одноэтажным зданием редакции на улице Просвещения она казалась громадной. Стихи, которые читал Петр, были в основном посвящены любви и, как тогда говорили, трудовой романтике будней. «Магистралы», «километры» и «кубари» несуетно ворочались в его степенной «производственной» лирике.

В литературном объединении Пётр с самого начала держался чуть особняком. Старше всех по возрасту, он выделялся татуировкой на тыльных сторонах мосластых кистей рук. О прошлом Петра мы знали немного. То, что он родом из Прибалтики, подростком побывал в колонии, был женат, разведён, снова женат, жену зовут Людмила, она с Кавказа, вот вроде и всё.

Пётр любил грубоватый юмор, солёную шутку, иногда не стеснялся обыграть чью-то фамилию, возраст, физическую особенность. Основную оценку личности мы выводили тогда прежде всего по стихам. Что-то исподволь вызывало недоумение, когда он читал строки.

Мне пахать бы и сеять,
И упасть у межи,
Но на Север, на Север
Вырывается жизнь...

Казалось, в них есть что-то нарочито-несерьёзное. Мне было не очень ясно, почему, если хочется человеку «пахать и сеять», не делать это свободно у себя дома, не любоваться васильками родных полей, а «вырываться» на Север и «пахать» на Севере. И вообще, о какой меже шла речь? В то время по всей России колхозные трактора распахивали даже промежутки между дорогой и лесопосадкой, не оставляя ни клочка целины. Но стихи звучные, легко запоминались наизусть. Петр писал:

Удивляюсь,
Вечно удивляюсь
Красоте и мужеству добра!..

Мы все вместе с ним удивлялись, как просто и хорошо сказано. В основном поэтика сухановской лирики совпадала с поэтикой социалистического реализма. Он не писал стихов, прославляющих комсомол и партию, но этого никто и не требовал.

В октябре 1978 года новички «Северного огонька» поехали в Ханты-Мансийск на семинар молодых литераторов. Ханты-Мансийск тогда

больше походил на деревню. Деревянные тротуары, клюква и оленина в столовой, гостиница, более похожая на дом заезжих. Добирались Обью на «Метеоре», любясь просторами берегов, полётом чаек и диких уток. На семинаре Петру удалось доказать свою состоятельность, мало того, на его стихи о Невском пятачке, о героях Великой Отечественной войны обратили внимание московские руководители семинара, которые и дали ему рекомендацию в Литературный институт.

Вздрагиваю каждым нервом,
Будто бы предчувствуя беду...
Сорок первый
По моим артериям
Мечется,
Как раненый в бреду!
и далее:
Сорок первый
Тысячами ружей
Сквозь года
Уставился в меня.

Честно говоря, гиперболическое «вздрагивание каждым нервом» не вызывало у меня особого доверия, сама фигура поэта была далека от какого-либо выражения повышенной чувствительности. Но лирический напор, тон, заданный первой строкой, был выдержан во всём произведении, а произведения военной лирики пользовались у слушателей неизменным успехом.

Сильно прозвучала тогда баллада Петра «Нефтепровод», в которой он ярко высказался о рабочем классе:

Удел всеильных –
Крутить рули!
На наших спинах
Вся соль земли!

В творчестве на него оказали большое влияние, по его словам, литинститутские наставники Владимир Фирсов и Егор Исаев.

Всё прекрасно на земле,
Если люди вместе.
Всё прекрасно:
Труд и честь,
И любовь к отчизне!..
В этом мире нет чудес,
Кроме жизни.

Пётр очень хорошо отзывался о Маяковском, Блоке, любил Есенина, Рубцова, постепенно у него возник свой стиль, охарактеризовать который можно было бы одним – нагнетание противопоставлений. «Мне радостно и грустно...», «Хорошо / Живётся мне, / Оттого / И плачу», писал Пётр, подобные антитезы сухановской поэтики воспринимались на слух очень чётко.

Иногда он не замечал, что противоречия захлёстывают стихи до абсурда. Например, если в одном стихотворении он мог пообещать женщине:

И если я
От радости заплачу –
Ты не заплачешь с горя

Никогда.

«О если б знать...»

то на следующей странице напрочь отказывал ей в доверии:

Но женщине, которая не плачет,

Я не поверю в жизни никогда.

«Какая бы ни выпала удача...»

Получалось, что обещание одарить счастьем, данное «плачущим от радости» лирическим героем любимой женщине, полностью обесценивается недоверием к ней именно по той же причине, которая делает её счастливой. Впрочем, многие поэтические приёмы применялись автором вполне удачно. Выразительно, как у Евтушенко, звучала сухановская аллитерация.

Мы курьеры карьеров,

Гладиаторы трасс,

Не машины, а звери

Под руками у нас.

Сухановская лирика оставалась пронизана тягой к философскому обобщению переживаемых им чувств. Он часто и продуктивно обращался к понятиям «время», «жизнь», «судьба». Не зря в первых книгах у него звучало как заклинание:

Пусть всё доброе

Будет вечным,

Жизнь прекрасной,

Недолгой грусть.

Всё насущное

Человечней

Будет пусть.

Пётр работал на автобазе, неплохо зарабатывал. Довольно скоро его семья получила двухкомнатную квартиру в том же квартале, где жил я, через дом от моего. Мы иногда бывали друг у друга в гостях. Так вышло, что на небольшой территории 14-го микрорайона поселилось несколько будущих писателей.

Суханов учился в Литературном институте имени Горького заочно. Гегель и Николай Кузанский появились у него в домашней библиотеке. Пётр занял одно из первых мест в поэтическом конкурсе журнала «Смена», его стихотворение «Вздрагиваю каждым нервом...» опубликовано в журнале «Коммунист». В 1984 году в Свердловске вышла его книга «Встреча». О первой книжке «Время первых признаний», вышедшей двумя годами ранее под редакцией А. Вершинского, он обычно говорил мало, может быть, смущаясь того, что её содержание почти целиком перекочевало во вторую. В семье Петра появились две дочери, он перестал посещать литературное объединение.

Однажды я попросил у Петра помощи. Ко мне из Уфы должна была приехать мама. Её надо было встречать на железнодорожном вокзале поздно вечером. А Суханов тогда водил «Газик», работая личным водителем то ли тестя (начальника одного из сургутских строительных управлений), то ли другого какого-то начальника.

Пётр охотно согласился. Он ждал меня в кабине автомобиля у дома на улице 50 лет ВЛКСМ. По дороге рассказал мне, что немного обеспокоен тем, как поведёт себя радиатор. Днём он обнаружил протечку и по совету

бывалых водителей засыпал в воду горчицы. Горчица должна была закупорить место протечки и решить проблему.

Пока мы ехали до вокзала, всё шло нормально. Припарковались у здания администрации вокзала. Я встретил поезд, и мы с мамой поспешили на площадь к машине.

Живописная картина ожидала нас. Пока я ходил на перрон, радиатор взорвался. Вся кабина изнутри, включая стекла, сам водитель – заляпаны рыжими пятнами. Жутко пахло горчицей.

Общими усилиями мы отёрли, как могли, внутренность салона, долили в радиатор свежей воды и благополучно доехали до дома.

Поддержки читателей, сургутской общественности и администрации, тюменских и московских писателей Пётр Суханов не терял и в последующие годы. Через два года после выхода «Встречи» вышла третья книга – «Миры и меры», рецензентом которой указан В. Фирсов.

Всё – до последней рубахи –

Отдам

За отеческий флаг –

заявлял поэт на 7-й странице. Он воспевал свободу передвижения:

Экономлю жизнь –

Летаю самолётами!..

И всегда, пожалуй, как во сне,

Радуюсь

Земле

между полётами –

Будто бы люблю на стороне!..

Правда, третьей книгой Пётр был недоволен. Она казалась ему неудачной. Чувствовалось, что он находится в некотором недоумении. Бывает так, что автор не совсем понимает, что делать дальше, на каких принципах строить следующую книгу, короче, зря теряет время. В «Миры и меры» опять попали многие стихотворения первой книги, а новые стихотворные заявления не производили впечатления чересчур оптимистичных.

Скоропалительное время,

Неуловимые года!

Как незаметно мы стареем

Кто от любви,

Кто от стыда...

Но грустью душу не мозоля,

И жизнью землю не черня,

Я даже в мыслях не позволю

Невзгодам

изменить

меня!

Ощущение времени как вывода, как приговора («скоропалительное»), и жизни, которая может оказаться чернее земли, новое отношение к грусти, которая может «мозолить» (!) душу, выдавали серьёзность переживаемых им проблем. Далеко не всё выглядело гладким в новых «мирах» Петра, хотя внешне он не показывал вида. Для меня в те годы Суханов оставался бодрячком, готовым любой вопрос разрешить за «рюмкой чая». Он продолжил делать решительные заявления, но в издании книг наступила почти десятилетняя пауза.

Девяностые годы – годы перестройки начались не без активного участия Петра Суханова в общественной жизни. Он резко высказался против поддержки ГКЧП, в адрес которого Андрей Тарханов послал приветственную телеграмму от писателей округа, в том числе и сургутян.

В 90-е годы сургутские писатели заморочились невесть откуда взявшейся «свободой слова». Все носились с идеями примерно одного плана: издать собственную книгу, продать и, разбогатев, получить независимость от всех, либо начать издавать собственную газету с такой же окончательной целью. В ходе подготовки к выпуску газеты «Сургут литературный» мне пришлось тесно столкнуться с Петром. Помню, мы встретились с ним на квартире Олега Рихтера, взявшего на себя обеспечение технической стороны издания. У него дома стояла стоившая огромные деньги копировальная машина «РИКО», на которой он, не выпуская изо рта сигарету «Лайка», готовил выпуски анекдотов, брошюры каких-то дефицитных финансовых постановлений, детективы, собственные рассказы и стихи. В одной из брошюр опубликовано едва ли не лучшее лирическое стихотворение Петра Суханова:

А я люблю предсумрачную свежесть,
Когда под осень, полную огня,
Какая-то безудержная нежность
Находит запоздало на меня.
Мне кажутся печальными деревья,
Дома и люди кажутся добрей...
И хочется
Уехать мне в деревню,
Где грусть и хлеб
Растут возле дверей.
«А я люблю предсумрачную свежесть...»

Пришёл Петр. Раздеваясь, он вынул из-под свитера небольшой мельхиоровый поднос. На мой удивлённый вопрос ответил, что носит его на животе за неимением бронжилета. Времена были на самом деле беспокойные, так что такое применение подноса понятно. Пётр принес рукопись новых стихотворений, какой-то рассказ, и мы несколько часов обсуждали будущую газету.

Потом он поддержал начавшееся возрождение сургутского казачества. Был выбран атаманом сургутского казачьего круга, ходил какое-то время в мундире с погонами и двумя крестами. Но бойкие сургутские казаки недолго оставались под началом поэта, после одного из собраний вместо Петра атаманом избрали другого. Принимал он участие и в акциях общественного протеста, когда возникла полемика по поводу возможного строительства в черте города химического комбината.

Вскоре Суханов вновь почувствовал себя «на коне» как поэт. В 1995 году вышла его долгожданная книга «Площадь света», которая получила широкую поддержку сургутских и ханты-мансийских журналистов. Тюменский критик Юрий Мешков положительно отзывался о творчестве поэта в газете «Тюменская правда». Книжки делались толще, выпускались уже в твёрдых обложках.

Несколько стихотворений Петра Суханова вошло в хрестоматию «Литература Тюменского края», вышедшую в Тюмени в 1996 году. К сожалению, на фоне этого успеха в отношении Петра к начинающим авторам и

читателям стало появляться некоторое высокомерие. Рабочая романтика то временно исчезала, то вновь возникала в его книгах, хотя, казалось, он перешёл к натур-философскому осмыслению действительности. В Сургут иногда приезжали его знакомые по Литературному институту, на ежегодных семинарах молодых литераторов его уже выдвигали в руководители секции поэзии.

Пётр, несмотря на характер, умел поддерживать хорошие отношения с отделом культуры администрации города, с мэром города Александром Сидоровым.

В 1997 году вышла новая большая книга Суханова «Высшая мера». Конечно, два года – слишком мало для того чтобы наполнить книгу такого объёма достойным содержанием. Видимо поэтому наряду с прекрасными строками у него стало всё больше появляться невнятных, грубых оборотов. В то время в моде было покаяние. Суханов каялся и цитатой из Есенина, и от своего имени, как будто в этом покаянии и есть настоящий смысл поэзии. Но в промежутке между искренними покаянными словами мог заявить: «Я столько глупостей наделал, / что не прощу себя... / И вас». К явной нелепости привела его попытка вторично использовать успех стихотворения «Вздрагиваю каждым нервом...»

Потрясение
Вскакиваю на каждый шорох...
Как тяжелобольной,
рву, как бинты, нервы –
в которых
трепещется образ... Твой!

Его лирический герой повёл нескончаемый разговор с женщиной, с которой был связан кратковременной навязчивой страстью. Стихи посвящались самым разным женщинам, слово «любовь» Пётр понимал далеко не платонически, поэтому диалог оказывался довольно скудным.

...не мучаясь в изменах
И день,
И ночь
Без лишних фраз!..
Любить при всяких переменах!..
Любить всюю!
Во всём!
Сейчас!..
«Клятва»

Некоторые стихи даже поражали грубым натурализмом. «А я люблю, когда люблю, / Когда при женщине как в бане, / когда лежишь с ней на диване...» или «В моей стране талантов – натюрморт, / Но каждый сыт своей женой и кашей...» Любимые антитезы Петра порой стали выражать банальность: «Утратив правду, мы приобретаем ложь...»

Программным можно назвать стихотворение «Эпилог», почему-то помещённое в середину книги. Но даже оно начиналось резко:

Мы все начинали с затрещин,
и мало кто знал о любви...
А что до ошибок
и женщин –
у каждого были. Свои.

В этом стихотворении образ «Октябрьской вьюги» «на лезвиях красных штыков» мало прояснил его позицию по отношению к современной политике. Грубый материализм стал основным содержанием его творчества. Неудачными, по признанию самого поэта, получились его басни для взрослых «В мире животных», вышедшие в 1998 году. Большинство басен написано в тяжёлом для понимания рваном стиле. Затем в свет вышла книжка «Про колобка и красавицу Бабу Ягу, или Шедевральное приключение Колобка во времени. Сказка для взрослых», тоже не нашедшая успеха ни у критиков, ни у читателей.

В личной жизни Петра тоже не всё было ровно. Он на какое-то время уехал в Тюмень, но пожив там недолго, снова вернулся в Сургут. Пережил ещё один развод, женился ещё раз.

Последующие книги «Завороть», «Разнолетье», казалось, продолжили обычные темы Суханова. Но самыми светлыми в них опять оказались перепечатанные из первой книги юношеские стихи. «Кто говорит, что нет героев, / тот никогда не станет им» резонно, афористично говорил Пётр в стихотворении «Сибирякам». Он тепло писал о Сургуте, сургутянах. Всё же настоящих героев в его творчестве почти не появлялось, некоторые стихи посвящены реальным людям, но, как правило, им посвящался только эпиграф, и напротив, в его поэзии действовало всё больше героев социального дна: «Как много в нас фарса и фальши, / расписанных на трудодни!..» («Корни»), «Он жил отвратительно тихо, / Любил только то, что имел» («Про мужика»), возникали то образ бомжа, то «Бабы Вали», живущей на вокзале.

Он признавался в том, что не может расстаться с прошедшей эпохой:

Я привязан к другой эпохе –
к той, где сделан был
первый шаг!..

В ней – великой или ничтожной,
но сумевшей весь мир спасти,
я застрял, словно крест придорожный
у себя самого на пути!
«Мера длины»

С горечью и отчаянием писал в стихотворение «Встреча с двенадцатью» о любимом им некогда Александре Блоке.

– Эй, товарищи!..

Мир далеко?..

– Да не видно отсюда... Далече...

И, как призраки, скрылись легко –
словно вовсе и не было встречи.

Я кричал на пустом берегу,
как птенец, оборвавшийся с ветки...

А когда рассвело – на снегу
отпечатались
нервные клетки.

И в то же время на грани между горькой иронией и глумлением звучали его стихи о демонтаже памятника Ленину в Ханты-Мансийске:

Тени, исчадья, гнилые пути!..

А впереди ковыляет устало
двадцатитонный Ильич...

Впереди!..

Кажется, в некоторых стихотворениях у него окончательно пропадало чувство слова. Вот образцы такого письма:

С большим трудом
и страшным нервным скрипом
я думаю...

«Тяжесть»

Или

Мы в каждой глобусе –

как в морге,

А в морге – как в дыре Земли!..

Но всё-таки прозрения не оставляли Суханова и наряду с явными пошлостями он отваживался на глубокое постижение действительности хотя бы в самооценке:

А если мир весь равен бытию
и разнозначны лишь разноязычья –
зачем я заблуждаюсь, что люблю,
И в чём моё ничтожное величье?..

«Кручина»

В одном из стихотворений Пётр не остановился перед тем, чтобы возвестить о грядущей революции:

Мы во власти блаженного искусства:

– Всё моё!..

Нам и Бог не судья...

Но доносится сверху:

– А выкуси!..

И опять впереди

революция...

«Тема»

В последние годы перед кончиной Суханов склонялся к приятию идей Солженицына, об этом говорят и названия его книг – неологизмы «Завороть», «Разнолетья» и странные окказионализмы «Похлёб», «...Безвызвездье...». В поздние годы, казалось, даже в выборе одежды он старался подчеркнуть сходство с Солженицыным, одевался в какие-то нарочито упрощённые френчи и куртки, как у заключённых.

Шестидесятилетний юбилей поэта праздновали в центральной библиотеке Сургута. Перед его проведением было немало волнений. Боялись, что Пётр Антонович вновь поведёт себя высокомерно, а то и начнёт скандал, но встреча прошла на удивление ровно.

Пётр Суханов скончался в 2008 году после болезни. После его смерти остались рукописи, часть которых вошла в «Избранное». Сухановская лирика до сих пор находит активную поддержку. Составителем и автором предисловия к «Избранному» стал член СП России, профессор, критик-шолоховед Юрий Дворяшин.

Станислав ЛОМАКИН

*Михаил Пришвин и его нравственно-философские искания
«Некоторым, без кривизн, дорого даётся жизнь».*

Марина Цветаева

Михаил Михайлович Пришвин (1873–1954) прошагал свой жизненный путь, зачарованный вечно изменяющимся миром природы и социума, и чтобы заглушить персоналистические упования, связанные с постоянными сомнениями, жившими в нём, нашёл выход в «родственном внимании к миру», единению людей между собой и природой.

Природа – неотъемлемая часть человеческой истории, если сузить это понятие русской цивилизации. Эта бинарность, двуплановость, дихотомичность истории – внутреннее содержание, выраженное в событиях, в рефлексорном сознании приобретает вид диалектики. Бессознательное ощущение бесконечности, бездонности увлекает каждого человека на безбрежный простор неясного и тёмного, но сильного, сладостного, что трепещет в глубине души на экзистенциальном уровне.

Главной темой в судьбе Михаила Пришвина стала «Человек и природа». «Пишу о природе, сам же о людях думаю. Я нашёл себе любимое дело: искать и открывать в природе прекрасные стороны души человеческой». Воображение – непомерное чувство в душе, оно пытается одухотворить реальность, этот процесс начинается с созерцания всего и вся, это устремлённость человека к бескрайне широкому единению между собой и природой.

Пришвин в миниатюре «Зеркало человека» писал: «Чтобы понимать природу, надо быть очень близким к человеку, и тогда природа будет зеркалом, потому что человек содержит в себе всю природу». В этом высказывании автор стоит на позиции христианской антропологии и дальше он продолжает: «И если себя посвятить этому изучению, то откроется как в зеркале жизнь человека и что вся природа есть зеркальный свидетель жизни всего человека – Бога».

Пришвин не был пассивным созерцателем, его наблюдения за явлениями природы приводили писателя к предельно широким философским обобщениям. И здесь нужно сказать о влиянии двух мыслителей на мировоззрение, на философию жизни. Взгляды Пришвина по утончённости духовной русской мысли созвучны идеям Д. Мережковского и В. Розанова. Их влияние проявилось в повести «У стен града невидимого», наполненной мистическими и фольклорными образами. Охота и фотография, которые сопровождали писателя на протяжении всей его творческой жизни, имеют несомненную научную ценность, он сумел запечатлеть жизнь животных и птиц в разных регионах России и описать их в своих произведениях.

Мои размышления о соотношении природы и человека переносят меня не только к 18-томному дневнику Пришвина (1907–1954), в котором наличествует великое многообразие записей на разные темы, размышления о бытии человека и Вселенной. В их полноте и откровенности повествуется о событиях, не отрывающих писателя от первореальности, погружающих читателей в органическую связь с природой в таких художественных произведениях, как «Журавлиная родина», «Женьшень», «Кашеева цепь» и других.

Писатель, фотограф, мыслитель в течение всей своей творческой жизни путешествовал, проехал вдоль и поперёк свою страну, другие государства, странствуя по городам и весям, исследовал структуру социума, основные типы характеров, вёл путевые записи, фотографировал девственно нетронутые уголки земли.

Погружаясь в традиционный русский быт, Пришвин совершил поездку по старообрядческим поселениям Поволжья, в результате этого появились книги очерков. Исследуя социум, психику и природу русского человека, писатель наблюдал смену фантастических изменений в обществе, порой не в лучшую сторону, нарушающих духовную целостность страны.

В период экстремальных ситуаций русский человек, по мнению Пришвина, как духовная субстанция воспаряет над своим физическим воплощением, ощущает стремление к космосу, к тому, чтобы стать творцом и гарантом чаемой, высшей свободы.

Процитирую Пришвина о русском человеке, где наиболее точно характеризует его сущность: «Есть ли на свете другой народ, кроме нас, русских, кто так удивляется, радуется и просто любит жизнь другого, чужого народа, и при этом совершенно молчит о своём или даже бранит. Я теперь только вполне понимаю, отчего это так: русский, восхищаясь другой страной, так выражает смертельную любовь к своей Родине, сгорает тоской по России».

Изучение душевной жизни человека доставило Пришвину прочное и, можно сказать, опытное убеждение в бытии души и её бессмертии. Писатель считал, что душа имеет место быть в неживой природе и земных тварях. Эти умозрительные сюжеты писателя совпадают с идеями Н. Фёдорова, который писал в «Общем деле» о трансцендентальном и имманентном воскрешении мёртвых, преодолении смерти волей будущего человечества, победе над временем, достижении личного бессмертия посредством высочайшего развития науки и техники, воскрешении, восстановлении всех людей, когда-либо живших на земле.

Размышляя об идеях Н. Фёдорова и его последователях, русских космистах, приходишь к идее победы над смертью, связанной с «Бессмертным полком». Эта идея, приобретшая мировое признание, зародилась в Тюмени, несущая благовест Победы над злом, трагическое торжество воскрешения, мистерию неизбежной смены поколений. Воскрешение людей в Царстве Божием восстанавливает утрачиваемую при смерти цельность жизни.

Пришвин писал: «Художник должен чувствовать вечность. Иду в полном радостном согласии с теми, кто прошёл раньше меня... и сам готовлю дрова идущим за мною». Судя по опубликованным в дневнике отрывкам мыслей Пришвина, человек должен соучаствовать в развитии всего человечества, быть хозяином природы, всей Вселенной, так как космос нуждается в человеческом разуме.

«Нужны ценности положительные, чувства небывалые, мысли – подчинённые великому целому». Речь идет о Вселенной, сохранении природы, а значит человечества. Конечно, у Пришвина нет специальных философских работ, а тем более в строго академической истории философии для него не нашлось бы места. Но в истории русской религиозной мысли нельзя пройти мимо Пришвина.

После многолетних скитаний, включающих в себя переезды с одного места жительства на другое и дальние путешествия, Михаил Михайлович

наконец-то нашёл долгожданный приют в живописном уголке Подмосквья в деревне Дунино под Звенигородом, где провёл последние восемь лет в трудах и заботах. До конца дней мыслитель сохранил прекрасную память, живейший интерес ко всему, что его окружало, волновало, будоражило мысли и чувства. В доме, в котором жил писатель, сейчас находится музей.

Погружаясь в дневники Пришвина, обнаруживаешь родовые черты русских философов и их воззрения. Размышляя о смыслах бытия, проблемах свободы, добра и зла в мире, поиске социального или религиозного идеала, писатель старается выработать для себя нравственные ориентиры, которые ведут к преодолению разрыва между религией и культурой, западным индивидуализмом, персонализмом и русской соборностью.

Дневник Пришвина – явление уникальное по мыслям, идеям, смыслам, он стал культурным памятником XX столетия, как и всё его творчество, даже небольшие этюды полны поучительности и выполнены с блеском, вызывающие гамму эмоций и чувств. Творчество Михаила Михайловича Пришвина, его жизненный путь долго будут ещё являться предметом изучения для литераторов, философов, историков, художников, всех тех, кому не безразлична судьба России.

ДЕСЯТАЯ МУЗА

Тамара ВОРОНОВА

Жизнь, отданная искусству

*Я любил жизнь, казавшуюся
мне рядом прекрасных мгновений,
любил солнечную яркость
и реалистичное искусство.
А.М. Герасимов*

Жизнеутверждающий, солнечный талант нашего земляка, народного художника СССР А.М. Герасимова, получил всенародное признание. Его лучшие произведения экспонируются в Государственной Третьяковской галерее, Русском музее, в крупнейших музеях нашей страны и за рубежом. Самая большая коллекция А.М. Герасимова, состоящая из 141 произведения, принадлежит музею-усадьбе художника. Музей располагает наиболее ценными, ранними произведениями Герасимова, выполненными им во время обучения в Московском училище живописи, ваяния и зодчества (1903–1915).

О художнике и его творчестве, его таланте написаны воспоминания, статьи, книги. Музей А.М. Герасимова к 130-летию со дня рождения художника в 2011 году выпустил третье издание книги «А.М. Герасимов в воспоминаниях современников». В книгу включено более ста чёрно-белых фотографий, которые рассказывают о жизни и творчестве знаменитого художника, начиная с года его поступления в училище и кончая последними годами жизни. Изданы буклет о музее к 35-летию со дня его основания и наборы открыток.

А.М. Герасимов родился 12 августа 1881 года в городе Козлове в семье прасола. Отец его, Михаил Софронович, занимался торговлей скотом. Он ездил на юг страны, скупал скот, пригонял его в Козлов и здесь продавал в живом или убитом виде на Базарной площади.

После окончания церковно-приходской школы, а затем Козловского уездного училища юный Александр увлекается рисованием. Вначале это были копии с рисунков из журналов, потом он стал рисовать приказчиков в трактире, лошадей.

Свои первые рисунки Александр показал Сергею Ивановичу Криволицкому, открывшему в Козлове в начале 1900-х годов художественную школу, первую на Тамбовщине. Сергей Иванович – академик живописи, окончивший Петербургскую академию художеств, – глядя на талантливые рисунки А.М. Герасимова, сказал ему: «Бросьте заниматься всякой ерундой, поезжайте в Москву поступать в училище живописи, ваяния и зодчества».

Отец не одобрил выбор сына и не рекомендовал ему учиться на художника: «Какие художники! Художники – это бедные люди, они голодают. Уж если хочешь учиться, то учись на инженера или врача». Отец видел в своём сыне ближайшего помощника в торговом деле.

Совет С.И. Кривоуццкого решил судьбу Герасимова. Невзирая на все возражения отца, летом 1903 года он уезжает в Москву. Из восемнадцати экзаменовавшихся в МУЖВЗ приняты лишь двое, в том числе и Александр Герасимов. Двенадцать лет провёл он в стенах училища. Его учили известные педагоги и художники: А. Архипов, А. Васнецов, А. Корин, В. Серов и К. Коровин. Каждый из них внёс свой вклад в воспитание Александра Герасимова, но больше всего сказалось на его творчестве влияние Серова, Архипова, Коровина.

Наибольшее влияние французским импрессионизмом оказал на него Константин Коровин, месяцами живший в Париже, он взахлёб рассказывал своим студентам об этом течении в искусстве. Уже в годы ученичества А. Герасимов показал себя стойким и принципиальным последователем реалистического искусства.

После блестящего окончания живописного отделения училища А. Герасимову захотелось продолжить занятия в мастерской К. Коровина, который предложил ему поступить ещё на одно отделение училища. Александр выбрал архитектурный факультет и стал посещать мастерскую Коровина.

Во время обучения в училище он создаёт замечательные произведения: «Дворик в Козлове» (1910), «Тройка. Лай собак и звон бубенчиков» (1913), «Портрет искусствоведа В.М. Лобанова» (1913), «Портрет Н. Гиляровской» (1912), «Март в Козлове» (1914), «Обоз порожняком» (1913). Годы учёбы в Москве, в училище живописи, ваяния и зодчества, характеризуются созданием произведений пейзажного искусства: «Я исколесил все окрестные дороги Козлова и многим обязан этим поездкам. Они пробудили во мне любовь к природе и оставили незабываемые чарующие воспоминания», – вспоминал художник.

Тема степной дороги, большака, стала характерной темой пейзажей Александра Михайловича. На юбилейной выставке представлена «Тройка» – собственность музея-усадьбы А.М. Герасимова. В ней прослеживается сходство с композицией произведения учителя А.М. Герасимова А.Е. Архипова «Обратным».

В «Тройке» у художника много безудержной экспрессии и смелого порыва, этому помогает жирный, пастозный, широкий мазок. В этом пейзаже много национальной русской красоты, чувствуется любовное отношение ко всему родному. Когда смотришь на «Тройку», она ассоциируется с мотивами никитинской поэзии.

Мчится тройка, из упряжки рвётся.

Не смолкает бубенчиков звон...

А.М. Герасимов написал три варианта «Тройки», в музее находится первый вариант, второй в Третьяковке, третий в Русском музее.

«Мою любовь к живописи питал аромат родных полей и степей», – писал художник.

На выставке представлены работы из ГРМ «Обоз порожняком» и «Март в Козлове». От этих произведений веет суровой жизнью крестьянина той эпохи. Бесконечной кажется линия обоза, и будто конца и края нет этой грустной дороге. Художник прекрасно передаёт ритм движения крестьянского обоза, он связал его с ритмом уходящих телеграфных столбов и летящими вдаль стаями грачей.

В одно и то же время, в 1913 году, А.М. Герасимов пишет два произведения: «Бобыль» (собственность историко-художественного музея

г. Моршанска) и «Бобылиха» (собственность Мичуринского краеведческого музея). Эти произведения очень характерны как выражение темы обездоленности крестьянства. Бобыли были нищими, разорёнными крестьянами, не имеющими возможности содержать семью. Художник сумел создать яркие образы бобыля и бобылихи, напомнить об их горькой доле, о трагизме того времени, которое переживала страна.

Сколько горя и безысходности в произведении «Крайняя изба» 1914 года, принадлежащем музею-усадьбе А.М. Герасимова. Все эти произведения написаны в одной колористической гамме и передают душевное состояние художника.

В 1915 году А.М. Герасимов блестяще оканчивает училище, ему присваивается звание художника первой степени. Его дипломной работой была картина «В.О. Ключевский на лекции по истории в училище живописи»; на звание архитектора – проект мавзолея, посвящённый Отечественной войне 1812 года, – «Мавзолей на поле Бородинской битвы». Единственной работой А.М. Герасимова как архитектора является оформление в 1913 году козловского «Театра разумных развлечений» в стиле модернизированного ампира.

В 1915 году А. Герасимова призывают в армию, где он служит до 1918 года. Из армии он возвращается в родной город.

Первое, что он делает в Козлове, – создаёт коммуну творчества козловских художников. В качестве пробы творческих сил художник вместе с членами коммуны оформляет Козлов к первой годовщине Октября. В это время он изваял бюст Карла Маркса из гипса и вместе с членами коммуны установил его на центральной Соборной площади. В 1919 году бюст был уничтожен во время налёта генерала Мамонтова. Удалось найти гипсовый эскиз бюста, с которого скульптор, народный художник СССР А.П. Кибальников выполнил в 2,5 величины скульптурный портрет Карла Маркса в бронзе, находившегося в мичуринской мастерской художника. Это единственная скульптурная работа А.М. Герасимова, которую высоко оценил А.П. Кибальников и только поэтому взялся за её восстановление. Члены коммуны устраивали в городе художественные выставки «Русское творчество», «Первая выставка любителей графического искусства».

В конце 1919 года Александра Михайловича пригласили работать в театр штатным декоратором. Он создавал декорации для спектаклей не только нашей труппы, но и гастролировавших артистов. Благодарные зрители восторженно воспринимали декорации А.М. Герасимова. Когда открывался занавес, они рукоплескали декорациям художника, стоя его приветствуя.

С.Ф. Корнилов, тогдашний директор театра, так вспоминал о деятельности Герасимова как художника-декоратора: «Работы А.М. Герасимова уже в то время говорили о его замечательном таланте. Как сейчас помню какое впечатление на зрителя произвело его художественное оформление пьесы «Савва» Л. Андреева. Едва открылся занавес, публика в зрительном зале была пленена, захвачена сценой творческого искусства». Много живописной изобретательности было вложено художником в оформление спектакля «Синяя птица». В декорациях А.М. Герасимова основной акцент делался на живопись, это он позаимствовал у своего учителя К. Коровина.

В музее имеется этюд к оформлению спектакля «Лес» Н. Островского. Совсем недавно художественный руководитель Малого театра Ю. Соло-

мин, вспоминая о сохранившихся в театре декорациях, называл декорации А.М. Герасимова одними из лучших.

В 20-е годы театральная работа отнимала у художника много времени, и он не мог заниматься большими живописными композициями. В ту пору он создаёт два акварельных портрета. Это портреты С.С. Варсонофьева и С.Г. Архипова. Они мастерски написаны без предварительного рисунка карандашом, передают портретное сходство изображённых на них художников, раскрывают характер и душу людей, смотрящих на нас. Оба портрета находятся в собрании музея-усадьбы А.М. Герасимова.

Искусствовед М.П. Сокольников в монографии о Герасимове отмечает, что эти произведения привлекают жизненностью и правдивостью выражения. Хороший анатомический рисунок, тонкая световая разработка подчинены внутреннему состоянию образа. Самое существенное в этих произведениях – передача глаз человека, одна из самых больших трудностей портретного искусства. Такие глаза не забудешь – в них отражены и прожитая жизнь, и мечты человека. В глазах С. Варсонофьева чувствуешь надлом воли, тогда как лицо и глаза С. Архипова говорят о творческой страсти и упорстве характера. В этих работах ярко раскрылось мастерство Александра Герасимова как акварелиста. В акварельных портретах художник идёт от реалистических традиций, заложенных К. Брюлловым, И. Репиным, В. Суриковым.

1925 год. В драматическом театре г. Козлова гастролировал Московский театр оперетты, который «соблазнил» художника-декоратора А. Герасимова перспективной работой и пригласил его с собой в Москву.

В Москве Александр Михайлович вступает в АХРР (Ассоциация художников революционной России), в которой состояли многие его сокурсники по училищу – в основном художники, доказавшие свою преданность реалистическому искусству. В Москве А.М. Герасимов с головой окунулся в художественную жизнь.

В 1926 году члены АХРР устроили грандиозную выставку «Жизнь и быт народов СССР». Художник представил на ней шесть работ, в том числе портрет И.В. Мичурина, пейзажи «Степь», «Степь цветёт», «Май», «Пионы». Далее художник принимает участие в девятой, десятой, одиннадцатой выставках АХРР.

В 1929 году А.М. Герасимов принимает активное участие в организации Всекохудожника, на первую выставку которого даёт свою работу «Ленин на трибуне». В первом томе «Истории советского искусства» отмечается: «Среди произведений 20-х и начала 30-х годов выделяется «Ленин на трибуне». Это произведение выдвинуло А.М. Герасимова в число крупных советских живописцев» и было показано на первой персональной выставке в Москве в 1936 году.

Творчество нашего земляка в конце 20-х – начале 30-х годов прошлого века очень разнообразно. Он пишет портреты, пейзажи, натюрморты. «Из всех цветов, – говорил художник, – я больше всего люблю розы, пионы и полевые цветы. Мои розы – могучие розы, они вобрали в себя всё плодородие нашей чернозёмной полосы».

На выставке представлены великолепные «Розы» (1940), являющиеся собственностью Третьяковской галереи. «Розы в хрустальной вазе» и «Розы в стеклянном кувшине» – собственность музея-усадьбы А.М. Герасимова.

Украшением экспозиции являются «Полевые цветы» – собственность музея-усадьбы А.М. Герасимова и «Букет (иван-да-марья)» из ГТГ.

В центре внимания выставки – «Женские портреты», принадлежащие музею-усадьбе А.М. Герасимова. Кто изображён на этих портретах, до сих пор остаётся неизвестным. В одном портрете художник следует традициям испанского художника Веласкеса. Александр Михайлович изображает в зеркале своё отражение, видимо, выражая дань уважения красивой женщине. В интерьере три зеркала. Красавица сидит в гримёрной, видимо, это актриса. Как написаны её руки и глаза! Они являются самыми трудными элементами в написании портрета. «Если художник не умеет писать глаза и руки, он не должен браться за портрет», – говорил художник.

И другой портрет того же года. Красавица сидит в углу бревенчатой избы. Солнечный свет падает с одной стороны на её пышные волосы, лицо и полуобнажённые плечи. Слегка прикрыты веки, и это создаёт иллюзию того, что женщина смотрит на вас, а когда проходите мимо, кажется, что она поворачивает голову.

Женщина действительно красива во все времена, и в XX, и в XXI, и в XXII веках она будет красива.

В 1934 году по командировке Наркомпроса Герасимов едет в Германию, Францию, Италию, откуда привозит большое количество этюдов. Работы, сделанные во время зарубежной поездки, были показаны художником на персональной выставке в Москве и родном Мичуринске.

12 августа 2011 года исполнилось 130 лет со дня рождения выдающегося русского и советского художника, народного художника СССР, академика Александра Михайловича Герасимова.

Музей-усадьба А.М. Герасимова, несмотря на трудности, смог организовать в выставочном зале седьмой раз за 35 лет со дня основания музея юбилейную выставку из фондов Государственной Третьяковской галереи, Государственного Русского музея, Моршанского историко-художественного музея, Мичуринского краеведческого музея. Достоянное место в экспозиции заняли лучшие произведения из фондов музея-усадьбы А.М. Герасимова.

Огромной радостью был факт экспонирования шедевра, созданного художником в 1935 году, «Мокрая терраса. После дождя», принадлежащего Третьяковской галерее. Более двадцати лет назад произведение экспонировалось на персональной выставке в музее. Шедевр объехал более семнадцати стран мира. Смотришь на него и думаешь: как художник мог за три часа создать такое живописное произведение? Оно написано на одном дыхании, когда от мягкости света, свежести промытой дождём зелени, бесчисленного многообразия рефлексов зелёного, голубого, розового на полу, на столе, скамье буквально захватывает дух. Так писать «мир вещей», повседневное окружение мог только художник, восторженно влюблённый в жизнь.

Понимая значимость юбилея художника, главный хранитель Третьяковской галереи Т.С. Городкова дала согласие на экспонирование этого произведения на родине автора. Всего в юбилейной экспозиции представлено 23 произведения А.М. Герасимова, в числе которых 10 живописных работ и 13 графических произведений.

Русский музей представил одиннадцать произведений живописи из своих фондов. В их числе «Обоз порожняком», «Полдень. Тёплый дождь», «Портрет скульптора Б. Яковлева», «Портрет А.К. Тарасовой» и другие.

Юбилейная выставка стала возможна благодаря генеральному директору немецко-русского предприятия «Хазенкамп» П.В. Россо, доставившему 38 произведений в музей.

Государственная Третьяковская галерея предоставила на юбилейную выставку в музее-усадьбе А.М. Герасимова четыре французских этюда «Париж. Монмартр», «Париж. Улица Гласьер», «Париж. Нотр-Дам», «Париж. Дворец правосудия». Государственный Русский музей – живописное произведение «Париж ночью».

В Италии А.М. Герасимов создаёт этюды «Рим. Колизей», «Флоренция. Старый мост», «Венеция. Дворец Дожей». В пейзажах и путевых набросках художника ощущается не только восхищение великими памятниками прошлого, но и стремление передать ритмы больших европейских городов 30-х годов. В его произведениях показаны острейшие социальные контрасты. Ярко освещённые ночные кафе и кабаре Парижа, пёстрая толпа его завсегдатаев и редкие фигуры прохожих – рабочих, возвращающихся с ночной смены.

На юбилейной выставке в честь 130-летия со дня рождения художника представлено 13 произведений графики из собрания ГТГ. Большую часть из них составляют произведения, выполненные во Франции, Италии, Китае.

В конце 1930-х годов А.М. Герасимов много работает над портретом. «Портретный жанр я считаю одним из основных видов изобразительного искусства, выражающим всю мою сущность художника», – говорил он. «Портрет открывал передо мной огромные творческие возможности. В нём можно было подчеркнуть и выявить своё мастерство и, главное, умение постигнуть самое трудное, самое ответственное для всякого искусства – внутренний мир, внутреннее состояние, или, как говорят, душу человека, его мысли и желания», – писал художник.

В 1935 году А.М. Герасимов написал «Семейный портрет». На выставке представлен этюд к этому портрету. Все члены семьи художника написаны на фоне зелени сада, овального красного дерева стола, роз в стеклянном кувшине и серебряного подноса с фарфоровой посудой. Краски портрета яркие. Портрет хорошо скомпонован.

На выставке представлен «Автопортрет» 1936 года, выполненный тушью и пером, из фондов ГТГ. Он интересен как пример лепки лица графическими, линейными приёмами, образец яркого реалистического искусства. В нём много света и чувствуется большое мастерство во владении техникой рисунка пером. Слева внизу подпись: «В настоящем и будущем моему хранителю милому Ивану Михайловичу от А. Герасимова». Ниже: «Проф. Саркизову-Серазини».

А.М. Герасимова привлекали личности творческие, интеллектуально богатые и значительные. С большим увлечением художник писал портреты актёров, музыкантов, певцов, художников. Среди этих работ особое место занимает портрет прославленной балерины О.В. Лепешинской.

Создание декораций к спектаклям в Козлове и Москве сподвигло художника на целый ряд портретов в полный рост: балерины О.В. Лепешинской, балерины С.Н. Головкиной, танцовщицы Тамары Ханум.

Портрет О.В. Лепешинской – одно из выдающихся произведений художника. Он работал над портретом более 50 сеансов. Введя в композицию большое зеркало с золотой рамой, А.М. Герасимов показывает

не только фас фигуры перед её выходом на сцену, но и её спину и плечи, отражающиеся в зеркале. Образ от этого становится более цельным и ярким, кажется, что балерина сделала перед вами круг танца. В зеркале чуть заметным силуэтом видно и отражение фигуры живописца. По живописному мастерству портрет О.В. Лепешинской – один из лучших женских портретов художника.

На выставке в залах Третьяковской галереи в 1940 году видное место занимали портреты И.В. Москвина, А.К. Тарасовой, И.Д. Папанина. Последние два портрета представлены на юбилейной выставке и являются собственностью ГТГ. На выставке представлен также замечательный портрет актрисы А.К. Тарасовой, собственность ГРМ. Сложная игра света придаёт особую изысканность жемчужно-серой гамме тонов одежды, где единственным цветовым акцентом является тёмно-лиловый цветок, украшающий платье. Более строг по композиции и колориту портрет актёра МХАТа И.М. Москвина.

В 1936 году художник создаёт громадный многофигурный холст «Первая конная армия» (5,48 x 3,83 м). В настоящее время он находится в постоянной экспозиции ГТГ.

Мало встретишь в истории живописи художников, которые бы создавали в тот период многофигурные композиции. И не случайно в 1937 году на Всемирной выставке в Париже это полотно, а также «Мокрая терраса. После дождя» получили Гран-при. К этому произведению художник написал 98 этюдов. Многие из них находятся в фондах музея Российской армии. Один – в музее-усадьбе А.М. Герасимова – «Портрет командира корпуса С.А. Зотова».

«Песнь скворца» (1938) – собственность ГТГ – представлена на юбилейной выставке. Тему весеннего дня, пробуждения природы художник затрагивает в этом произведении. Пейзаж писался с большим творческим подъёмом, автор стремился как можно проникновеннее передать свежий день ранней весны, полный солнца.

В 1938 году художник работает над этапным произведением «Деревенская баня». Двадцать лет он пишет его. Создает три варианта. Первый вариант находится в музее-усадьбе и представлен в основной экспозиции. К «Бане» имеется множество этюдов. Изобразить простую деревенскую баню с насыщенным паром, влажным воздухом, передать ритм движения моющихся казалось художнику заманчивой, увлекательной задачей. Композиция «В бане» состоит из 12 женских фигур, из которых ни одна не повторяет движение другой. Влага, пар, размётанный по половицам веник, вода льётся из шаек и леек – изобразить всё это очень трудно, и не каждый художник может выполнить эту сложную задачу. «Деревенская баня», бесспорно, одно из лучших жанровых произведений художника. Находясь в постоянной экспозиции музея-усадьбы А.М. Герасимова, произведение вызывает огромный интерес у экскурсантов.

Одно из центральных мест на выставке занимает пейзаж «Полдень. Тёплый дождь» – собственность ГРМ, произведение выполнено в 1939 году.

Еще во время обучения в училище живописи, ваяния и зодчества Александра Герасимова привлекал мотив освежающей дождём природы.

В произведении «Полдень. Тёплый дождь» мы видим открытое окно, влажный воздух и прохлада проникают в комнату, ветерок шевелит короткие шторы. Прекрасно написаны капельки дождя на стёклах окна, а

на подоконнике великолепный натюрморт сирени. Глядя на этот пейзаж, зритель настолько проникается этим состоянием природы, что захватывает дух. Работа глубоко правдивая по состоянию и сильная в цветовом отношении.

1940-е годы характерны созданием нескольких портретов. Ведущее место на выставке занимает портрет И.В. Мичурина (1941). А.М. Герасимов написал два его варианта. Один – в 1926 году с натуры в рабочем кабинете И.В. Мичурина. Портрет находится в МГУ на Ленинских горах. И.В. Мичурин не любил позировать, не любил фотографироваться. Художник быстро разговорил его, задав учёному вопрос: «Иван Владимирович, как вы могли добиться таких высот в генетике, что о вас узнал весь мир?» – «Не хватает моей жизни, чтобы увидеть результаты моего труда», – ответил И.В. Мичурин. Учёный дал согласие позировать художнику.

Второй портрет Герасимов написал по памяти в 1941 году. Принадлежит портрет музею-усадьбе и занимает центральное место в экспозиции юбилейной выставки. И.В. Мичурин изображён в цветущем саду. В одной руке у него записная книжка, в которую он вносит результаты своего труда. В другой он держит цветущую ветку яблони. В 1947 году портрет находился в павильоне плодоводства, где г. Мичуринск демонстрировал яблоки селекции И.В. Мичурина на ВДНХ.

В 1942 году А.М. Герасимов пишет портрет И.Э. Грабаря – директора ГТГ, художника и искусствоведа. Лицо в этом портрете вылеплено художником с яркой пластической звучностью. В живописном подходе видна традиция И.Е. Репина. Портрет является собственностью Третьяковской галереи и экспонируется на юбилейной выставке.

В 1944 году А.М. Герасимов создаёт выдающееся произведение «Групповой портрет старейших художников», за которое он получил Государственную премию первой степени. Созданию этого портрета предшествовал длительный, упорный и самоотверженный труд. Произведение находится в постоянной экспозиции ГТГ.

В этом же году художник пишет портрет своей матери Евдокии Яковлевны. Мать приехала к сыну в Москву. Он бережно повязал ей платочек на голову и написал портрет самого дорогого ему человека. Удивительно написаны натруженные руки матери. Черты лица изображены с тщательной наблюдательностью и правдивостью. Из-под больших очков светятся умные, много видевшие в жизни глаза. Художник запечатлел образ матери в той благородной осанке старости, которая свойственна русской женщине из народа, прошедшей трудный путь в жизни.

Написать такие портреты не каждый художник может. Как-то, будучи в Германии в 1934 году, А.М. Герасимов спросил студентов художественного вуза: «Вы могли бы в плане написать свою мать?» Они не задумываясь ответили: «Могли бы». «Вы не только не любите свою мать, вы даже не уважаете её», – сказал А.М. Герасимов.

В 1947 году Евдокия Яковлевна умерла в Москве после операции на глазах. Александр Михайлович поставил гроб с телом матери в вагон, который был закреплён за ним как за президентом АХ СССР, и перевёз гроб в Мичуринск, захоронив рядом с отцом, Михаилом Софроновичем, на кладбище возле Скорбященской церкви, построенной в честь иконы «Всех Скорбящих Радость».

В экспозиции портрет народного артиста РСФСР Н.С. Ханаева (1945) – собственность Русского музея. Этот портрет художник показал на Всена-

родной художественной выставке 1946 года, он принадлежит к большим достижениям А.М. Герасимова. Подтянутая фигура Ханаева во фраке очень выразительна. Портрет выполнен в чёрно-серебристой гамме.

В 1946 году А.М. Герасимов пишет давно задуманный цикл «Рожь», «Спелая рожь», «После грозы» и «Зелёная рожь». Все четыре произведения украшают юбилейную выставку. Они дают живое представление о плодородии русской земли. Перед зрителем благоухающее русское лето с плывущими в просторах неба кучевыми облаками. Здесь же поле спелого овса и, как правило, на переднем плане васильки, ромашки, зверобой. Иногда художника спрашивали: «Что же вы пишете сорняки в своих пейзажах? Сейчас с ними борются». На что он отвечал: «Эх, милый, и какая же рожь без васильков!».

В 1947 году он пишет большое полотно «Храм Василия Блаженного». Художник показал величие храма в центре Москвы, он приближает передний план к многочисленным машинам и идущим в храм людям. Произведение является собственностью ГРМ.

В первые послевоенные годы А.М. Герасимов создаёт целую серию портретов руководителей партии и правительства.

На выставке представлен портрет маршала Советского Союза Ф.И. Толбухина. После окончания Великой Отечественной войны в 1945 году А.М. Герасимову было предложено посетить Германию, Венгрию, Румынию. Художник, являвшийся одновременно профессиональным архитектором, должен был определить места, где, по его мнению, хорошо было бы поставить памятники советским воинам, погибшим в тяжёлые военные годы. А.М. Герасимов указал место в Трептов-парке в Германии, указал места в тех странах Европы, где он побывал в это время.

В Румынии он написал портрет прославленного полководца маршала Советского Союза Ф.И. Толбухина. Только что закончилась война. В портрете маршала чувствуется усталость. Толбухин сидит в кресле; тяжесть в руках, фигуре – всё это мастерски передано художником. В правом верхнем углу картины – автографы А.М. Герасимова и Ф.И. Толбухина. Портрет отличается большим портретным сходством. Писался он с натуры в Будапеште.

На юбилейной выставке представлены портреты И.В. Сталина и К.Е. Ворошилова. Последний портрет из фондов ГРМ, написан в 1948 году. Ворошилов изображён сидящим в кресле, в маршальской форме.

На картине «И.В. Сталин в рабочем кабинете» (акварель, гуашь) вождь сидит за столом. Свет от настольной лампы падает на лицо и лист бумаги на столе. Тяжёлый бронзовый подбородок, брови вразлёт – всё это говорит о сложном характере И.В. Сталина.

На юбилейной выставке представлен великолепный портрет скульптора Б.И. Яковлева, созданный художником в 1950 году и являющийся собственностью Государственного Русского музея. Выразительность портрета скульптора достигается динамичностью композиции. Фигура заполняет плоскость холста почти по диагонали. Порывистость движений, столь соответствующих характеру портретируемого, усиливается жестом рук.

Центральное место на выставке занимает портрет искусствоведа М.П. Кристи (1951) – собственность Третьяковской галереи. М.П. Кристи изображён в меховой шубе. Войдя с мороза в мастерскую художника, он сел в плетёное кресло, сняв с головы меховую шапку и сжав её в кулаке. Слегка

прищуренные глаза потонули в морщинках, они не теряют своей живости и с подкупающим благодушием смотрят на зрителя. Для этого портрета А.М. Герасимов нашёл простые реалистические живописные средства.

В 1938 году А.М. Герасимова избирают председателем Союза советских художников, а в 1939 году – председателем оргкомитета Союза советских художников, каковым он был до конца 1950-х годов.

В 1947 году А.М. Герасимова назначают президентом Академии художеств СССР. Началась большая и сложная работа по преобразованию Всероссийской академии художеств в Академию художеств СССР.

В академию вошли представители искусства разных республик, художники разных творческих почерков, старейшие и опытные мастера, носители большой художественной культуры, преемники высокого идейно-художественного наследия реалистического искусства.

В эти годы А.М. Герасимов находился в самой гуще общественной и творческой жизни. Для выполнения большой государственной программы были созданы Ленинградский институт им. И.Е. Репина со средней художественной школой, Московский институт им. В.И. Сурикова, научные музеи, библиотека, архив, созданы научные учреждения, творческие мастерские и исследовательские лаборатории. Особое внимание было уделено задачам академии в деле художественного образования.

Под руководством А.М. Герасимова состоялись первые академические выставки. Показу новых работ членов академии её президент придавал первостепенное значение.

А. М. Герасимов возглавил Государственную комиссию по присуждению дипломов в институтах им. И.Е. Репина и им. В.И. Сурикова. Он вёл творческие мастерские в Москве и Ленинграде.

В 1947 году его избирают депутатом Верховного Совета РСФСР по Уваровскому избирательному округу родной Тамбовской области. Он несколько раз приезжал к избирателям, отчитывался об огромной работе, помогал, если обращались с какими-либо вопросами.

Созданная А.М. Герасимовым структура Академии художеств СССР существует до сих пор. Не случайно нынешний президент Российской академии художеств З.К. Церетели даёт высокую оценку деятельности А.М. Герасимова в создании Академии художеств, основанной на восстановлении многих традиций Императорской Академии художеств и утверждении её роли как главного организующего центра художественной жизни страны.

15 сентября 2011 года в Мичуринском драматическом театре состоялось торжественное заседание с приглашением гостей из Москвы, Санкт-Петербурга, Тамбова.

Оно открылось выступлением начальника областного управления культуры А.Н. Кузнецова «Слово о Герасимове». Затем выступили А.В. Никитин – председатель облдумы, В.Н. Макаров – глава города Мичуринска, Н.Д. Асмолова-Панина поделилась впечатлениями о том, как она маленькой девочкой часто бывала в доме художника на улице Левитана в Москве. Её отец Д.Р. Панин был большим другом и помощником А.М. Герасимова на протяжении 30 лет.

Единственный ученик А.М. Герасимова Захар Авакович Хачатрян рассказал в своих воспоминаниях об учителе. Будучи студентом мастерской

А.М. Герасимова, он написал портрет своего наставника, который подарил музею. В настоящее время З.А. Хачатрян – заслуженный художник России, заслуженный художник Армении. «Без А.М. Герасимова из меня не получился бы художник», – сказал он.

Доктор искусствоведения, старший научный сотрудник Русского музея, профессор С.Н. Левандовский выступил с оценкой экспозиции юбилейной выставки. Он отметил, что таких музеев, как музей-усадьба А.М. Герасимова, в нашей стране нет. Особенно важно, что музей подлинный, мемориальный. Постоянная экспозиция содержит целый ряд мастерски выполненных произведений раннего периода творчества художника.

О продолжении художественных традиций реалистического искусства А.М. Герасимова говорил народный художник России, наш земляк В.Б. Попов. Много тёплых слов в адрес А.М. Герасимова и музея высказал действительный член Российской академии художеств В.Н. Сидоров, который лично был знаком с художником. Он не первый раз в музее, дал высокую оценку коллекции А.М. Герасимова и от имени Союза художников России вручил директору музея Т.И. Вороновой золотую медаль.

Член президиума Российской академии художеств О.Р. Хворов зачитал приветственное письмо в адрес музея от президента Российской академии художеств Зураба Константиновича Церетели.

Российская академия художеств

Дорогие коллеги, друзья!

Российская академия художеств приветствует инициативу вашего музея-усадьбы А.М. Герасимова торжественно отметить 130-летие со дня рождения народного художника, первого президента возрождённой в 1947 году в Советском Союзе Академии художеств. Мы поздравляем весь коллектив музея с этой замечательной датой и организацией масштабной выставки произведений А.М. Герасимова, включившей помимо принадлежащей музею превосходной коллекции работ 38 произведений из собраний Государственной Третьяковской галереи и Государственного Русского музея.

Именно А.М. Герасимову принадлежит заслуга в воссоздании Академии художеств, основанной на восстановлении многих традиций Императорской академии художеств и обретении ею дополнительных функций, учреждении её официального статуса и утверждении её роли как главного организующего центра художественной жизни страны.

Особенно приятно, что эта большая выставка даёт полноценное представление о творчестве талантливого художника, сложности и неоднозначности его роли в истории советского искусства, во многом вызванных политической ситуацией в стране, его даровании, о чём бесспорно свидетельствуют ранние полотна мастера, исполненные непосредственности и свежести восприятия натуры, сочности и блеска живописной манеры.

От всей души желаем экспозиции большого количества посетителей и заслуженного успеха.

*З. Церетели, президент академии,
члены президиума М. Кулирко, В. Ванслов, П. Салахов, Т. Назаренко,
Б. Мессерер, Л. Казакова.*

В год 130-летия со дня рождения художника музей-усадьба А.М. Герасимова стал ведущим учреждением культуры России. Он занял первое место в смотре музеев области и получил кубок «Победителю конкурса «Талант гостеприимства», диплом первой степени и первую премию.

Музей включён в список туристических объектов для посещения экскурсантами не только города, области, страны, но и зарубежными туристами. Все эти достижения стали возможны благодаря созданию полноценной экспозиции музея, его мемориальной части с подлинной обстановкой в доме-мастерской художника, а также постоянной экспозиции произведений А.М. Герасимова, включающей в себя наиболее ценные произведения раннего периода творчества художника.

*Т.И. Воронова,
директор музея-усадьбы А.М. Герасимова,
заслуженный работник культуры РФ,
лауреат премии и.м. А.М. Герасимова*

ЖУРНАЛ «АЛЕКСАНДРЪ»

Дорогие читатели!

Перед вами литературная подборка журнала «Александръ». На ваш высокий суд представлены произведения о Тамбове, да и сами авторы своей родиной считают Тамбовскую область. Для каждого из нас Россия начинается с малой родины – места, где мы работаем, растим детей и строим планы на будущее. Могу сказать, что Тамбовщину, где прошла большая часть моей жизни, не любить невозможно: здесь всё мне дорого.

У многих тамбовчан и гостей города остались в памяти прекрасные впечатления, полученные на прошлогодних новогодних праздниках. Тогда Тамбов достойно справился с ролью «Новогодней столицы России», и сейчас, не сбавляя темпа, продолжает своё духовное и нравственное развитие.

Открываются новые литературные таланты, раскрываются тайны и интересные моменты в истории страны, совершенствуются творческие люди и творят захватывающие произведения. Всё это находит своё отражение на страницах литературно-исторического журнала «Александръ».

Хочется выразить слова искренней благодарности Леониду Иванову и нашим друзьям из Тюменского регионального отделения Союза писателей России за прекрасную идею по сотрудничеству и прекрасной возможности творческого обмена и дружбы.

*Директор – главный редактор
литературно-исторического журнала «Александръ»
Анатолий Труба*

Марина ЕЛЮТИНА

Счастливей человек

Когда предутренняя дымка уже рассеялась, а первые солнечные лучи коснулись ярко-красных кистей рябины, на порог просторного, окрашенного в зелёный цвет деревянного дома вышел невысокий широкоплечий мужчина. Он слегка ёжилась от утреннего холода и, прищурившись от солнечных лучей, бьющих в лицо, с удовольствием стал слушать прощальные песни скворцов, усевшихся на телевизионной антенне.

– Эх, как же дышитесь сегодня-я-я! Видать, день удачным будет! – потянувшись, сказал мужчина и стал застёгивать пуговицы на своей потёртой, изрядно пропахшей бензином куртке. У калитки он задержался и, покосившись в сторону соседнего дома, вдруг громко прокричал: – Здрасьте, Марья Семёна! Вот он я! Живой ещё!!! Ага! – И сняв кепку, низко поклонился старушке, смотрящей на него из окна.

Соседка Сергея Петровича Коновалова была дамой одинокой и любопытной. А потому ну никак не могла она пропустить сегодня, как, впрочем, и всегда, такое событие, как уход «любимого и высокоуважаемого соседа» из дома на работу. Так что по утрам помимо уже привычных Коновалову скворцов на телевизионной антенне он непременно видел и Марию Семёновну, уже бодрствующую, несмотря на столь ранний час.

На приветствие соседа пожилая женщина всегда реагировала одинаково: застенчиво кивала головой, словно извиняясь за то, что, мол, как бы невзначай попался он, Коновалов, ей в этот момент, а потом задёргивала шторы.

Вот уже добрый десяток лет Коновалов работал водителем такси. Его профессионализм был, как говорится, налицо: машину всегда вёл легко и уверенно. Поэтому, как у любого аса в своей профессии, имелись у нашего героя и постоянные клиенты: с удовольствием пользовались его услугами знакомые, родственники и малоизвестные Коновалову люди, наслышанные о его широкой душе. Никогда Сергей Петрович не отказывал в помощи: то престарелого дедушку довозил до поликлиники, а то и отставшего от поезда пассажира-зеваку до соседней станции.

Кроме того, была в нём ещё одна особенность – словоохотливость. Да и пассажиры все как один попадались разговорчивые. Бывало, начнут изливать душу, словно врачу-психиатру, совета спрашивать, мол, расуди, как быть... Правду сказать, Сергей Петрович и сам любил делиться отдельными моментами своей жизни. За полчаса поездки мог рассказать всё: от рождения до женитьбы, от походов за грибами в лес до участия в митингах протеста.

Этим утром Коновалов не успел ещё завести свою машину с чёрными пашечками на двери, как зашипела рация и приятный женский голос произнёс:

– Доброе утро, Сергей Петрович! Примите вызов, улица Кленовая...

– Вот и поехали! Поехали, родная! – ласково сказал он своей машине, словно живому существу.

...Впереди уже виднелось высотное здание по улице Кленовой, где должен был ждать Коновалова клиент. Постройка, предназначенная под

офисы и конторы, была современного вида и заметно выделялась на фоне других городских зданий. Шофёр притормозил прямо у ступенек. Однако клиента не было видно. У конторы – ни души.

Сергей Петрович не спеша закурил. Пристально поглядывая то на входную дверь, то на всё здание сразу, стал рассуждать:

– Да! Внушительно! Впечатлительно! Это ж сколько люду здесь работает?! Поди, тыща будет! И чем только они тут занимаются? Неужто работы на всех хватает? А в телевизоре всё время про кризис галдычат, про безработицу!

Коновалов пожал плечами. В этот момент по широким каменным ступенькам, торопясь, к нему направлялся представительного вида молодой мужчина: в длинном кожаном пальто и с кейсом в руках. Шаг его сменялся бегом. Мускулы на лице дрожали, было заметно, что он нервничает. Небрежно развязав и скомкав галстук, мужчина спрятал его в карман пальто, а затем быстро открыл дверь автомобиля.

– Поехали! Поехали, шеф! Поскорее! – охрипшим голосом произнёс он.

– Поехать-то поедем, – докуривая сигарету, ответил Сергей Петрович. – Только куда?

– А куда-нибудь! Хоть на Северный полюс, – расстёгивая верхнюю пуговицу на белоснежной рубашке, ворот которой туго сдавил шею, облегчённо вздохнул тот. – Лишь бы с глаз долой отсюда и поскорее...

Коновалову пассажир показался чересчур уж странным. Однако машину с места стронул. И чем дальше неслось такси по городским улочкам, вьющимся словно серпантин, тем больше не по себе становилось Сергею Петровичу.

«Что за пассажир такой достался... странный... Больно странен... Да уж, странный парень... маршрут выбрал “в никуда”... – путались в голове мысли. – Точно! Преступник!!! Ей-Богу, преступник!..»

И, недолго думая, таксист свернул на соседнюю улицу, где до отделения милиции было подать рукой.

– Парень, ты часом не вор? – найдя в себе смелость, спросил Коновалов пассажира. – Вот гляди: и пальто у тебя длинное – для конспирации, так сказать, и галстук вон снял и спрятал, чтоб приметы скрыть. А чемоданто небось деньгами крадеными набит? Вон как раздулся! Много взял-то?

– Я?! – глаза пассажира блеснули. Растерянность, раздражённость в них сменились на добродушие. Хмурое лицо вытянулось, и пассажир захохотал: – Я?! Деньги! Ха-ха! Вор!!! Ха-ха-ха! Да уж, папаша, рассмешил! Да уж! А вообще-то ты прав: я – вор, только вор, которого обокрали. Да ещё и с работы выгнали в связи с сокращением штатов. Кризис! Притормози-ка во-о-он там, у парка, а то и впрямь до милиции меня доставишь.

Коновалов от услышанного немного смутился, на щеках его выступил румянец: неловко стало от того, что задумка его насчёт милиции так легко была разгадана незнакомцем.

Такси остановилось возле парка. Красные гроздья рябины светились насквозь от ярких солнечных лучей. Деревья сбрасывали с себя последние листья, и ветер, подхватывающий их с асфальтовых дорожек, нёс этот разноцветный карнавал прямо к пруду, чтобы бросить на тихую и потемневшую водную гладь.

– Красиво, правда? – спросил незнакомец Коновалова, смотря на своё отражение в пруду. – Красиво... и невыносимо!.. Невыносимо больно.

Может, утопиться? С горя, а? Жить-то незачем. Нет больше Зверева... Ах да! Прости, папаша, забыл представиться. Игорь Васильевич Зверев, заместитель генерального директора фирмы... Впрочем, это неважно... Да и заместитель я теперь уже бывший...

Зверев разочарованно махнул рукой, присев на корявый пенёк, что торчал неподалёку из земли. Выглядел он обессиленным и уставшим.

– Э, браток, стой! – встревожился было Коновалов. – Топиться он, видите ли, задумал! Во-первых, это уж без меня, пожалуйста. А во-вторых, ответь-ка, что всё-таки у тебя в чемодане?

Для большего устрашения Петрович нахмурил брови и уставился на собеседника, который в это время разглядывал резной дубовый лист. Зверев казался отстранённым и задумчивым. По взгляду было понятно, что не интересовали его ни формы, ни краски осеннего листа, а что-то своё, то, о чём он размышлял сейчас. Услышав вопрос таксиста, молодой человек отбросил листок в сторону и нервно ответил:

– Вот деревня! «Чемодан»! Да не «чемодан», а кейс! А в нём мои труды, наброски и планы по перспективному развитию фирмы. Конечно, те бумаги, которые удалось вернуть. Остальные украдены и присвоены другим человеком – моим боссом. Да, о чём это я?! Кому теперь это нужно?! – Зверев снова потух, как перегоревшая лампа.

– Значит, не деньги, – удовлетворённо и с некоторым облегчением заключил Сергей Петрович. – Это хорошо, просто замечательно. А то я тут ненароком подумал бог знает чего... – он снова закурил. – Значит, не воровал?.. Ке-е-ейс, – произнёс Коновалов протяжно, вдумываясь в каждый звук. – Ну кейс! Я, знаешь ли, не шибко грамотен. В деревне родился, почти всю жизнь прожил в деревне. Это вот последние годы – в городе. Так что, парень, говорю тебе, не знаток я новых слов. Разговариваю как умею, – продолжал Коновалов, оправдываясь. – Я же не академик какой-нибудь. На кой мне слова непонятные... А ты насчёт топиться не передумал?

– Нет! – твёрдо ответил ему Зверев. – Зачем жить? Нет больше Игоря Васильевича Зверева! Растоптали!

И вдруг протянул к Петровичу руку, указывая на сигарету: мол, дай закурить.

– Как же нет? – недоумевал Коновалов и, достав из кармана пачку сигарет, подал её собеседнику. – Вот же ты – передо мною. Молодой, красивый, представительный. Подумаешь, не «заместитель» он теперь. И чего? Рук, что ли, нет? Или голову потерял? Давай устрой тебя к нам в таксисты. Права-то есть?

– Ты что, издеваешься, папаша? – недовольно отрезал тот. – Я? И в таксисты? Нет! Лучше утопиться!

– Ах так!!! Так... так... Тогда я тебе больше скажу! Дурак ты, Игорь Васильевич Зверев! Дурак! – Коновалов начал шагать то вперёд, то назад, то обходя Зверева вокруг, вертась, словно юла. – Заместитель дурака ты, а не генерального директора! Разве жизнь наша – это «кейсы», чёрт их побери?! Ну не было у меня в жизни ни кейсов, ни должностей, а только дорога. А я, знаешь ли, вполне счастливый человек. Бывало, едешь мимо многочисленных скирд на полях, глядишь на пожелтевшие луга, на чёрную пашню и вспоминаешь, как когда-то, ребёнком, скот на этих лугах пас, ходил за конным плугом, скирдовал солону... Да мало ли других дел пришлось переделать за мои годы. Теперь вот людей вожу по улицам

городским. Не носил я белых рубашек и галстуков, а всё равно – я счастлив. Счастлив, что живой, здоровый, зарплата есть, пусть маленькая, да на хлеб хватает.

Коновалов разнервничался, снял кепку и утёр ею пот, обильно выступивший на лице.

– Счастье, Игорь Васильевич, оно не от должностей идёт, а изнутри, вот отсюда, – и ударил себя кулаком в грудь. – Где бы ты ни был, кем бы ты ни был, важно, чтобы труд твой людям был нужен, а значит и ты. Ух!!! Вот это я разошёлся! Вот это меня прорвало!.. А у вас, у интеллигентов, грамотеев, что? Ноете, ноете: всем недовольны, всё не так, выкрутасов всяких подавай... Галстук-то подбери, вывалился вон из кармана.

Зверев слушал внимательно. Переосмысливая, прокручивая в голове то, о чём говорил ему Сергей Петрович. Во многом с Коноваловым он соглашался, поддакивал. Петрович же всё никак не мог уговориться. Юлой вертелся вокруг Зверева, по-прежнему сидящего на пне. Наконец остановился и пнул ногой по пню. Трухлявый пенёк затрещал, захрустел, и... Зверев оказался на земле.

– Это самое, да чего я тут с тобой нянькаюсь? – взбунтовался Коновалов. – Прекращай давай! А то ща-а-ас ремень сниму да и отделаю как следует. Седай в машину, домой повезу!

Сидя на холодной земле, выпучив глаза, словно напуганный ребёнок, Зверев ничего не понимал: ни того, как он оказался на земле, ни того, какое право имеет этот шоферюга кричать и топтать на него ногами. Наконец он пришёл в себя, о чём-то подумал, посчитал по пальцам и, осенённый внезапной мыслью, крикнул:

– А знаешь, ты прав, папаша! Чёрт с ними, с украденными бумагами. У меня ведь ещё столько наработок есть – по маркетингу и менеджменту... по вопросам стимулирования продаж, пролонгированию договоров... перспективная работа... на десятилетия. Возьму да и открою своё предприятие. А что?! Сегодня вон государство безработным на эти цели субсидии выделяет!

– Ты, это, иностранными словами не выражайся, – ступешался Петрович и вновь скомандовал. – Седай в машину!

...Коновалов доставил Игоря Васильевича до подъезда пятиэтажного дома. Зверев завязал помятый галстук, стряхнул с него сухую листву, пригладил растрёпанные волосы, глядя в зеркало машины.

– Ну, держи пять, папаша, – протянув руку. – И спасибо тебе за всё! Это вот за проезд, хватит?

Коновалов ответил на рукопожатие.

– Хватит. Только благодарить меня не за что, утопленничек несостоявшийся!

Оба улыбнулись, и Зверев вышел из машины. Не успел он сделать и нескольких шагов, как Коновалов задержал его, приоткрыв дверцу автомобиля:

– Слышь, Зверев Игорь Васильевич, директор предприятия, никогда не отчаивайся и от работы не отказывайся, пусть и невысока она бывает. Да! Чемодан свой забирай! Забыл вон на сиденье.

Петрович бросил Игорю кейс. На лице Зверева вновь появилась улыбка, и он в знак согласия кивнул головой.

...Сергей Петрович в тот день работал до самого вечера. Доставил до

места назначения с десятков пассажиров и с чувством выполненного долга возвращался домой.

Подъехав к невысокому забору, он заглушил мотор, вышел из машины, хлопнув дверцей, как будто намеренно, грохотом привлекая к себе внимание, и быстрыми шагами направился по узенькой цементной дорожке. Его переполняли радость и удовлетворение от сегодняшнего дня. При танцующая на месте, он повернул ключ в замочной скважине и с таким же грохотом закрыл за собой дверь. Но спустя мгновение из двери снова показалась сначала его правая рука с засаленной кепкой, затем и он сам:

– Ах, чуть не забыл! Марья Семённа, моё почтение! Вернулся я! Целым и невредимым! Отметьте меня в своём табеле!

Мария Семёновна, как всегда, сделала ангельское личико, извиняясь, кивнула головой и задернула шторы.

– Вот, теперь всё! – облегчённо вздохнул Коновалов. – Можно и отдохнуть, сил набраться, понадобятся ещё. А то ведь много их, чудаков-то, на белом свете, чудаков с чемоданами... Тьфу ты! С кейсами...

Евгений ХАРЛАНОВ

Осенняя картинка

Мокнут липовые кадки,
В луже хрупкий лист грустит,
Дождик на капустной грядке
Зайцем сереньким хрустит.

Конь отряхивает холку
От летящих сверху брызг,
Сторож прячется с махоркой
Под слезящийся карниз.

Как с навязчивой цыганкой,
С этой ночью он один.
Вспыхнет изредка сигарка,
Словно краденый рубин...

Старый лес
За окнами сушится –
Списан он
В инвентарь старику,
Словно порвана в нём
Кукушница,
И куда-то уплыло «ку-ку».

Правый глаз у калины
Выколот –
Оставалось две грозди вчера...
Так и жизнь.
Пролетит, как каникулы.
Тихо.
Осень стоит у двора.

Причуды черноты

Вот чёрный кот
Под черносливом.

Вот чёрный бак с мазутным сливом,
Под чёрным флагом
Мародёр,
Под чёрной шляпою бретёр,
Под чёрным соусом отравы,
Под чёрным поводом расправа...
Вот в чёрном трауре
Палач,
Над чёрным гробом горький плач,
Мазутный бак
Под чёрным сливом...

Но чёрный кот
Под черносливом –
Совсем обратный колорит.
Так чернь на серебре горит,
На синей ели – чёрный соболь
И чёрный, избранный, особый
В кристаллах синих виноград...
Агатова глаза блестят
Через ресниц павлинью ретушь
И глубина души сквозь ретушь.

И коли чёрного кота
Ты разглядел под черносливом,
Считай себя вполне счастливым –
Не наступила слепота!

Лошадь в сумерках

В сумраке роцца увязла.
Сумрак в ушах
Шелестит.
Смутно
У тёмного вяза
Лошадь
Хрустит и грустит.

Кляксою
В войлоке ночи
Лошадь почти расплылась,
Только алмазные
Очи
Тихо сияют
Сквозь нас.

Словно никто не заброшен,
Словно
Никто не забыт.
Мир, как огромная лошадь,
Тихо
Хрустит и грустит...

Гроза в июне

Сдвигается над головой
Сверкающий мрак грозовой.
Не двигаясь, словно вхожу я
В пещеру дождя грозовую.

Громаден безграмотный гром,
В нём хохота больше, чем смысла,
И молний бегущий разлом,
Как древние буквы и числа.

Грозны грозовые азы,
Природы слепящий петроглиф.
Читаю на сводах грозы
Я молодость мира и крови.

Кипучим озоном дыша,
Распутала все перепутья,
И плещется в мире душа
Гремучею яростной ртутью!

Привет из палеолита

Палеолит. Явление пращура.
Скелет. Убийца или вор?
Но как письмо в почтовом ящике,
В затылке – каменный топор.
Посылка нам замысловатая
От предка «из глуби времян»,
Праправнукам темны слова твои
И чёрен твой обсидиан!
Не потому, что бездна трудностей
Неодолима в языке.
И не такие мы премудрости
Разгадывали в тайнике!
Суть откровенного послания
Мы потому не разберём,
Что продолжают «писания»
На топорах и топором.
Воспроизводят суть по совести
И не глаголя галл и гунн.
Тут, к сожаленью, нету новости
Для современных калигул.
Они ловки инертным гелием
Взрывать и судьбы, и миры,
И совмещать злодейство с гением
И с головами топоры!
И кровь им чуждая – опаска,
Царей будившая в поту,
Как дилетантская подсказка
Специалистам по кнуту.

Марина КУРДИМОВА

За правду этих дней, за окаянство
Отлучек и немислимых затей
Я жертвую химерой постоянства
И плачем неродившихся детей.

И ведая о долге и расплате,
Я без напоминаний отдаю
Семейный завтрак в тапках и халате
За дом чужой и наготу свою.

Запечный домовый и гений житный –
Изученный уже материал.
Теперь, когда мы равно беззащитны,
Не суть – кто приобрёл, кто потерял.

Двух равенств нет, не дадено двух мужеств –
И нам с запасом хватит одного.
Когда-нибудь, лишившись преимуществ,
Ещё мы разберёмся, кто кого!

Наворую у прошлого алычи
В разбомблённом чужом саду,
И пока душа говорит: «Молчи!»,
Никуда не уйду.

И пока народ молчит: «Говори!»,
Будет маотно и в раю.
Заросли вертикально плющом фонари,
Освещавшие жизнь мою.

За семнадцать лет не раздулась гарь –
Только сажу дождь спрессовал.
И дорогу железную съела марь,
Будто Брэдбери колдовал.

А вожак одичавшего табуна
Гомозит головой гнедой,
А коровья лепёшка похожа на
Перевернутое гнездо.

Только моря судороги длинны –
Отбежит волна, набежит.
Ничего не трогай после войны –
Пусть лежит оно как лежит.

Рот откроешь, выдохнешь алкоголь –
Всё одно не заговоришь...
Головой младенца играет в гольф
Утвердившийся нувориш.

Держидерево

За деревню Потерево
Не по климату, мятежно
Палиурус – держидерево –
Оградил предел коттеджный.

Средь цветочков жёлто-кисленьких,
Мелковатых, как минуты,
Вместо выростов-прилистников –
Два шипа: прямой и гнутый.

И внезапно всем спохваченным
Умозрением тугим
Возвратилась я к утраченным
Впечатленьям дорогим –

Как с усердием любителя,
Двигаясь от точки к точке,
Рисовал мой дед Спасителя
В нотр-дамовом веночке.

Я, растя в тайге пиловочной,
На большом лесоповале,
Думала, колючкой проволочной
Богу голову сковали.

Зелена живая изгородь,
Бур Его венец терновый.
Полыхает, будто Искороть,
От зари посёлок новый.

Палиурус подвизается,
Не обманываясь торгом:
Шип, что прям, во плоть вонзается,
Шип, что гнут, дерёт с поддёргом.

Что же я, дитя режимное,
Не подброшу пакли серной?
Держидерево, держи меня
На дистанции замерной.

Пронизай, на всё готовую,
В тонких маревах являйся
И колючкою Христовою
В мои помыслы вцепляйся.

Книга

Какая хорошая книга была!
Да всё дочитать не давали дела.

Ты помнишь, ты помнишь?
На первой главе
Лежали с тобой голова к голове.

На третьей главе поцелуй настигал,
На пятой главе нас будил нахтигаль.

Я в лодку садилась, ты прыгал в седло.
Что дальше? А дальше-то чтение не шло.

И только устав кочевать и летать,
Мы вновь принимались ту книгу читать.

Но время несло на часах с ремешком,
И книгу бросали мы вверх корешком

На той же странице, на слове «почти»,
Где угол был загнут, чтоб сразу найти.

В ответом отеле, в пропащей земле
Мы книгу забыли на пыльном столе.

Нас мучили сны и глодали года,
И мы вспоминали о ней иногда.

Сгорела любовь, спрессовалась зола...
Какая хорошая книга была!

Вошли кое-как в хитрованскую роль,
И вдруг письмоносец принёс бандероль:

Наложённым книга пришла платежом
В обложке другой, в пересказе чужом.

Открыли страницу... Нет слова «почти»!
Ни дать и ни взять, никого не спасти.

Глава золотая грибком заросла...
Какая хорошая книга была!

И мы, мертвечину ловя на живца,
Забыв середину, не знаем конца.

Заполнен стеллаж недочитанных книг...
А юг всё мятежен, а север всё дик.

Анатолий ТРУБА

Испытание (Обкомы действуют)

В кабинет начальника районного управления газопровода Ставрополь – Москва Александра Дмитриевича Седых влетел взволнованный главный инженер Беляев и прокричал:

– Александр Дмитриевич! Что же это делается? Дорожники, несмотря на наши неоднократные предупреждения, прокладывают дорогу Воронеж – Курск прямо по газопроводу. Без установки футляров с вытяжными свечами. Вы же сами знаете, к чему это может привести. Если рванёт, мало не покажется, а крайними мы будем!

– Александр Васильевич! Понял я вас. Сам неоднократно обращался в обком, к строителям, но у нас привыкли пашкой махать. Сначала делают, после думают. Лишь бы объект сдать и план выполнить. Я ещё раз их предупрежу, а потом буду принимать меры.

Помолчав, Седых продолжил:

– Вы подготовьте письма в обком и к строителям, а в конце предупредите: если не выполнят, мы снесём участок дороги над трубой в размерах, предусмотренных ГОСТом.

Первый секретарь Воронежского промышленного обкома КПСС Роман Тихонович Косолапкин работал с документами. Его внимание привлекло письмо из управления газопроводов, прочитав которое он, нажав кнопку громкой связи, приказал секретарю вызвать к себе заведующего промышленным отделом Адащика.

Через несколько минут дверь открылась, и подчинённый неуверенно зашёл в кабинет. На приветствие первый секретарь кивнул и рукой указал на стул. Адащик сел и замер в ожидании. После затянувшегося молчания Косолапкин заговорил:

– Послушай, Виктор Константинович! Газовики нам опять письмо прислали. Грозятся снести участок дороги, если строители не поставят футляр над газопроводом. Опасно это, дескать... – и в ожидании посмотрел на подчинённого.

– Сложный вопрос, Роман Тихонович. Может, и ничего, а может и беда быть, – сказал осторожный Адащик. – Но вы же знаете, что строительство дороги курирует сам Хитров. Ему лишь бы сдать и отчитаться, а всё остальное не важно. О его поддержке в Москве сами знаете, связываться с ним – себе дороже.

– Это я и сам понимаю, – ответил первый. – Делать-то что будем? – возложил ответственность на обоих Косолапкин.

Выдержав паузу, бывалый аппаратчик предложил:

– А предлагаю я посмотреть, – хитро прищурился Адащик. – Пусть тот, кто отвечает, сам дорогу ломает и своего добивается. А если Хитров совсем в бочку полезет, надо бы поддержать газовиков. Ведь правы они – с газом шутки плохи.

На том и порешили, и с чувством правильно принятого решения каждый занялся своим делом.

Почти в то же самое время начальник дорожного управления № 3 Лисицын получил похожее по содержанию письмо за подписью Седых, прочитав которое сразу же связался по телефону с первым секретарём сельского обкома Хитровым:

– Степан Дмитриевич! – выпалил он в трубку высокому покровителю. – Газовики опять письмо прислали. Грозятся дорогу снести, если мы какие-то футляры на их трубы не поставим.

– Не мельтеши, Лёша! Я на них самих футляры надену и в Сибирь пешком отправлю. Ты план гони и ничего не бойся.

В трубке раздались гудки, и Лисицын, вытерев пот со лба, принялся за дальнейшую работу.

Спустя неделю Александр Дмитриевич Седых пребывал в сомнениях. Письма он отправил, но никакого ответа на них не получил. Местные власти их просто проигнорировали, а Москва требовала действовать по инструкции.

В его памяти встала недавняя крупная авария под Воронежем, когда не сработал пропускной клапан и произошёл взрыв. Тогда жертв удалось избежать. Что может произойти в данном случае, даже представить страшно.

С другой стороны, в памяти всплыли воспоминания о судьбе предшественника на этой должности. Это была первая женщина в СССР, назначенная на должность начальника управления газопроводов, – Ефимова Александра Петровна.

Во время одного принудительного ограничения газа городом Воронежем её по телефону вызвал к себе секретарь обкома Хитров и потребовал немедленно повысить давление газа и увеличить его подачу в город. Ефимова категорически отказалась выполнять это указание, ссылаясь на указания из Москвы.

Тогда Седых стал невольным свидетелем переживаний этой женщины.

Всемогущий руководитель области принял этот отказ как неслыханную дерзость и закричал на неё:

– Я тебе юбку завяжу над головой и заставлю идти пешком до самой Москвы. Но перед этим ты свой партбилет мне положишь на стол!

– Во время работы мы ходим в брюках, а партбилет не вы мне вручали, не вам и отбирать, – ответила Ефимова и положила телефонную трубку.

Никогда раньше Седых не видел на её глазах слёзы. У него не нашлось ни сил, ни слов, чтобы поддержать её в тот момент. Да и сделать это было очень трудно. Менее чем через час пришло распоряжение о переводе Ефимовой на должность главного инженера в Московское управление, а его перевели на её место. В дальнейшем она пропала из поля зрения.

И вот теперь ему самому придётся испытать на себе «характер» этого партийного руководителя.

Не считая себя безумцем или героем, до этого момента Александр Дмитриевич хитрил. Когда возникали трудности с газоснабжением города, его, как правило, вызывали в обком и принуждали прямо оттуда давать распоряжение оператору газораспределительной станции увеличить подачу газа на город. При этом после распоряжений сразу же на некоторых контрольно-распорядительных пунктах города проверялось давление – растёт или нет. Фактически заложник.

164

После пары таких ситуаций был найден простой способ решения. Регулирование подачи газа было перенесено на отключённый кран, о чём никто не знал. И когда по команде Седых из обкома оператор докладывал, что у него на ГРС все редуцирующие нитки и клапаны на них полностью открыты, партийное руководство области в этом убеждалось и оставляло в покое.

Здесь же необходимо было принять решение, и Седых свой выбор сделал.

Вызвал к себе главного инженера Беляева:

– Слушай, Александр Васильевич! Завтра к вечеру часов в пять возьмёшь два экскаватора, ремонтную бригаду, поедешь на строительство магистрали Воронеж – Курск, и к чертям снесёте строящийся участок дороги над газовыми трубами. Там и надо-то метров пятьдесят. Меня не будет в области. Если кто будет подъезжать, скажешь, что ремонтные работы. Утечку устраним. Понял?

– Шум будет! – испуганно вскинул руки вверх инженер.

– Ничего. Перетерпишь. Вечер. Пока спохватятся, приедут, мы уже дело сделаем, и не посадят, если что, – жёстко приказал Седых.

Начальнику ДУ-3 позвонили по радию в автомобиль около шести часов вечера, когда он уже возвращался с работы домой.

– Алексей Михайлович! Газовики участок дороги сносят, – услышал он в трубку тревожный голос мастера дорожного участка. – Говорят, утечка у них. Устраняют.

– Я сейчас приеду и во всё разберусь, – вздохнув, сказал Лисицын и, обратившись к водителю, продолжил: – Разворачивай, Витя. Едем на участок через газопровод. Понял куда?

– Знаю, Алексей Михайлович, – ответил водитель, уверенно развернул машину и направил её в нужном направлении.

Спустя час машина остановилась перед разрытым участком дороги. Здесь работала техника и копошилось с десяток людей.

– Кто старший? – спросил Лисицын, выйдя из машины и подойдя к группе стоящих людей в спецовках.

Рабочие молча кивнули в сторону пожилого мужчины в шляпе. Начальник стройуправления быстро подошёл к нему и сквозь шум работающей техники прокричал:

– Что происходит? Кто разрешил?

– Не кричите на меня. Дорога на этом участке построена с нарушениями норм техники безопасности, – наклонившись к уху дорожника, проговорил мужчина. – Пока не приведёте в соответствие дорогу, мы вам здесь построить не дадим. По всем вопросам обращайтесь к начальнику районного управления газопровода Седых Александру Дмитриевичу.

Лисицын, заскрежетав зубами, прошагал к машине и, бухнувшись на сиденье рядом с водителем, начал судорожно звонить – сначала Седых, но тот не отвечал, а после от безысходности набрал приёмную первого секретаря сельского обкома Хитрова, попросив секретаршу соединить его с ним. Услышав в трубке знакомый голос, торопливо заговорил:

– Степан Дмитриевич! Газовики участок дороги снесли. Над газопроводом.

165

– Не понял, – раздался в трубке недоумённый голос Хитрова.
– Экскаваторы работают. Дорогу роют. А начальник их, Седых, на звонки не отвечает, – отрапортовал дорожник.
– Ладно, – после паузы сказал первый секретарь. – Завтра в 8 часов – ко мне и доложишь всё по порядку.
В трубке раздались прерывистые гудки.

На следующее утро первый секретарь Воронежского сельского обкома Степан Дмитриевич Хитров был в ярости и гневе. Только что Лисицын доложил ему обстановку, и получалось, что какой-то газовик посмел ему перечить. Ему! Самому Хитрову.

Сделал несколько кругов по кабинету, бормоча под нос:

– Я им покажу...

Задумавшись, подошёл к столу, поднял трубку прямого телефона начальника областного КГБ. Тот оказался на месте.

– Послушай, Илья Степанович! Что у нас в области такое творится?

– Что случилось, Степан Дмитриевич? – осторожно спросил чекист.

– Диверсия! Газовики по надуманным причинам срывают строительство такого важного объекта, как дорога Воронеж – Курск. Нанесли урон и вред государству и думают, что это им с рук сойдёт? – вопрошал Хитров.

– Не в курсе, Степан Дмитриевич, – озадаченно ответил начальник областного КГБ.

– А ты пошли своих туда и пусть разберутся. Да поостороже там, уж я тебя об этом прошу, – закончил первый.

– Сделаем, Степан Дмитриевич, – отчеканил Илья Степанович.

Зная характер руководителя, он не стал терять времени и приказал вызвать к себе подполковника Воротникова, опытного служаку. Тот быстро появился в кабинете и получил задание от руководителя:

– Мне только что звонил сам Хитров, – начал тот, – там газовики по каким-то причинам разрушили участок дороги Воронеж – Курск. Ты съезди и разберись. Но поаккуратнее там, уж очень горяч стал Степан Дмитриевич, а время сам знаешь какое. Нам обвинения, что опять, как в тридцать седьмом, не нужны.

– Есть, Илья Степанович! – отдал честь подполковник и вышел из кабинета.

Александр Дмитриевич Седых работал над проектами, когда к нему в кабинет зашёл высокий мужчина средних лет.

– Здравствуйте, Александр Дмитриевич, – сказал вошедший.

– Добрый день, – поднявшись, ответил Седых.

– Подполковник госбезопасности Воротников Игорь Николаевич, – представился вошедший, предъявив удостоверение, и сел на стул.

Опустился на свой стул и взволнованный начальник районных газопроводов.

– У меня к вам вопрос по поводу порчи участка автодороги Воронеж – Курск, – с улыбкой глядя в глаза хозяина кабинета, проговорил гость.

– Одну минуту, – попросил Седых и, подняв трубку телефона, вызвал к себе главного инженера, распорядившись взять всю документацию по газопроводу Москва – Ставрополь.

Вбежав с бумагами в кабинет руководителя, Беляев разложил документацию на большом столе и пригласил к нему мужчин. Газовики предъявили подполковнику техническую документацию и переписку с обкомом и дорожниками. Сотрудник комитета внимательно слушал, заострив внимание на возможных последствиях нарушения техники безопасности.

По истечении нескольких часов, которые для Седых показались вечностью, разогнув спину, Воротников сказал:

– Мне всё понятно. Вам необходимо сделать выписки из этих документов, и нужна пояснительная записка. Быстро сделать сможете? – вопросительно посмотрел на газовиков.

– Одно дня достаточно, – заверил Седых, и, пожав друг другу руки, мужчины расстались.

Через два дня Воротников доложил начальнику областного КГБ о законности требований газовиков, предоставил подтверждающие это документы. И рассказал о халатном отношении дорожников к своей работе. Выслушав доклад подчинённого, Илья Степанович позвонил первому секретарю:

– Степан Дмитриевич, разобрались мы с вашим поручением. Но ничего противозаконного предъявить не можем. Газовики действовали в соответствии с имеющимися инструкциями. А вот дорожников надо бы наказать. Пусть исправят свои ошибки.

– Дааа! Не хочешь ты мне помогать, – с обидой в голосе сказал Хитров и, положив трубку, пробормотал: – Без вас разберусь.

Некоторое время первый секретарь посидел в тишине, после чего вызвал к себе заведующего отделом обкома и распорядился вынести на заседание обкома вопрос «О строительстве дорог на территории области», обозначив докладчиком начальника областного дорожного управления. При этом приказал обязательно пригласить на заседание начальника Воронежского районного управления газопроводов коммуниста А.Д. Седых.

Из повестки заседания Седых узнал, что его вопрос значится вторым, и стал с тревогой ждать заседания, которое началось с рассмотрения вопроса строительства животноводческой фермы в одном из южных районов области. Перед тем как начать слушать доклад, Хитров перечислил главные достижения области в производстве сельхозпродукции, рассказал о продолжающейся уборке кукурузы. Упомянул он и провозглашённый шесть лет назад лозунг «Догоним и перегоним США по производству мяса, молока и хлеба». Затем было сказано несколько слов о значении берлинской стены для победы коммунизма, бегло коснулся вопросов строительства.

Закончив речь, первый секретарь предоставил слово директору колхоза, где велось строительство животноводческой фермы. Из сбивчивого рассказа докладчика стало понятно, что ферма не будет готова к началу зимы, так как даже не закончены работы по закладке фундамента. На вопрос ведущего о причинах задержки был получен ответ:

– Так его высота более двух метров.

– А зачем вы их такими высокими делаете? – последовал удивлённый вопрос.

– Да потому что одна сторона фермы в землю входит, а три над оврагом возвышаются, – ответил председатель колхоза.

– А кто же проектировщик? Автор проекта? – задал вопрос Хитров.

– Я, Степан Дмитриевич! – отозвался из зала мужчина средних лет, как оказалось позднее, работник проектного института «Гипросельхоз-проект».

– Ну расскажи, для кого проект состряпал. Может, вы думаете, мы на этой ферме жирафов будем откармливать?

Автор проекта вышел из-за стола, чуть приблизился к сцене и, поворачиваясь то в сторону секретаря, то к присутствующим, объяснил:

– Помните, Степан Дмитриевич, как в конце февраля вы послали меня срочно сделать привязку этой фермы и приказали, чтоб на следующий день мы вернулись с готовым проектом? Иначе партбилеты на стол. А зима в этом году была какая снежная? Благодаря чему, как вы сами отметили во вступительном слове, и был получен хороший урожай. Так вот, когда мы привязывали ферму, там лежал ровный снег, по которому даже ветер носил кустики перекати-поля. А когда снег растаял, под ним оказался глубокий овраг...

Зал замер от такого объяснения. Лишь кто-то набрался смелости и негромко засмеялся. Взгляды присутствовавших были прикованы к секретарю обкома.

Обедя взглядом зал, Хитров не растерялся:

– Ты что, решил сорвать указание партии «Догоним и перегоним США по производству мяса, молока и хлеба?» – спросил Степан Дмитриевич строго. – Таким, как ты, не место в партии! Отобрати у него партбилет! – распорядился он.

Согнувшись и став меньше ростом, проектировщик на заплетающихся ногах вышел из зала заседаний при полном молчании присутствовавших.

Спустя несколько минут началось обсуждение второго вопроса, на который был приглашён Седых. Было хорошо видно, что к тому времени настроение у Хитрова было окончательно испорчено. Скорее всего, по этой причине очередной докладчик, начальник областного дорожного управления, очень осторожно стал излагать ситуацию со строительством дорог в области. В заключение он заявил, что дорожное строительство в этом году по большому счёту сорвано по причине действий начальника Воронежского районного управления коммуниста Седых, от которого немедленно потребовал ответа.

Александр Дмитриевич вышел из-за стола и, запинаясь, начал объяснять, почему нельзя строить шоссе через магистральные газопроводы без устройства на них футляров.

– А ты на себя футляр не наденешь? – перебил докладчика Хитров.

– Но это очень опасно, – стал настаивать на своём Седых. – Авария, взрыв, люди погибнут...

– Вот если бы ты попал в такую аварию, то для области это было бы облегчением, – резюмировал первый.

Представитель газовиков начал снова приводить факты, доказывая, что этого делать нельзя, хотя и чувствовал, что обстановка накаляется.

– Прекратить демагогию, – потребовал председательствующий.

Несмотря на явную угрозу, Седых продолжал говорить, доказывая, что авария в этом месте может оказаться более сложной, чем та, которая

произошла в этом году на Воронежском шинном заводе и унесла жизни нескольких десятков людей. В конце концов Хитров не выдержал. Сильно стукнул кулаком по столу и крикнул:

– Кто здесь хозяин?! – а затем, обращаясь к персоналу, приказал: – Позвоните их «деятелю»... – Степан Дмитриевич начал перебирать фамилии, после махнул рукой, – сами знаете кому. Пусть они его немедленно из области уберут. А сейчас выведите дурака из зала.

К Седых направилось двое здоровых парней в тёмных штатских костюмах. Тот замер, вцепившись в стол и стул, на который успел сесть во время разноса, и решил всеми силами сопротивляться постыдному публичному выпроваживанию. Но Хитров, не дождавшись этой унижительной сцены, объявил перерыв.

Воспользовавшись этим обстоятельством, Александр Дмитриевич стремглав выскочил из зала и почти бегом спустился по лестнице с пятого этажа к выходу, желая поскорее покинуть здание обкома. Вдруг произошло неожиданное. При прохождении контрольного поста охраны вежливый милиционер спросил его фамилию. Седых назвал. Его попросили пройти за человеком в сером костюме. Чувство безысходности и опустошённости пришло к нему, и в некотором оцепенении он последовал за приставленным к нему человеком.

Очнулся Александр Дмитриевич только в кабинете первого секретаря промышленного обкома. В комнате сидели сам хозяин и заведующий промышленным отделом Адащик, с которыми он был знаком по совместным совещаниям.

– Радуйся, Саша, – доверительно сказал Косолапкин, о порядочности которого знали все. – Твоё счастье, что у нас обкомы разные. Ушёл бы ты от нас с волчьим билетом, и никому бы ты не был нужен – ни здесь, ни в Москве. Иди, ищи повод реабилитироваться.

В сознании Седых промелькнул весь ход событий, и наступило душевное облегчение.

А спустя всего месяц представился повод для реабилитации. На одном из совещаний зашёл разговор о строительстве в селе Новоживотном животноводческой фермы, и Седых выступил с почином о предоставлении бесплатных материалов. Этот поступок получил одобрение в сельском обкоме. Информацию о почине Седова довели до Хитрова. Отношение к отступнику постепенно изменилось в лучшую сторону. К слову, Седых ещё три года отработал в Воронежской области, но к строительству фермы так и не приступили.

Судьбы главных героев этой истории сложились по-разному. Седых стал одним из руководителей газовой отрасли России, внёс большой вклад в её развитие, Хитров много лет возглавлял Воронежскую область, а впоследствии стал министром сельского строительства СССР, а Косолапкин всю жизнь проработал в Воронежской области в должности второго секретаря, оставил о себе добрую память, благополучно ушёл на пенсию.

Разделение власти в регионах СССР существовало всего 11 месяцев и 1 день, но именно это разделение спасло Александра Дмитриевича Седых от скорой расправы и позволило в дальнейшем реализоваться.

Валентина ДОРОЖКИНА

Тамбов – любимый город

У каждого человека, наверное, есть любимый город. Может, и не один. А город, в котором родился и вырос или с которым связано всё лучшее в жизни, – самый любимый. Для меня это город Тамбов. Хотя я родилась в Мичуринске, но в Тамбове живу уже более полувека, и с ним связаны у меня значительные события в жизни.

Здесь я стала студенткой педагогического института, здесь началась моя профессиональная деятельность редактора, поэта и журналиста. Именно в Тамбове встретила людей, которые стали моими учителями и друзьями на всю жизнь. И если добилась каких-то успехов в работе, то это благодаря им, благодаря любимому городу Тамбову, который дал мне так много для творчества, для того чтобы в характере выработались качества, помогающие не просто проводить время, а жить полноценной активной жизнью.

Не могу не радоваться, когда вижу, как обновляется и хорошеет Тамбов, сколько появилось новых памятников, достопримечательных мест, радующих глаз парков и скверов. И как же всё это надо беречь!

Конечно, не случайно в моём творчестве большое место занимает образ родного города. Ему посвящены мои лучшие поэмы, стихи и песни...

Наша крепость и наша держава

Там, где дикое поле лежало,
Люди крепость Тамбов возвели,
И орда перед ней задрожала,
Побежала с Тамбовской земли.

Город рос под небесным покровом,
Хорошела красавица Цна...
Воссияла звезда над Тамбовом,
Никогда не погаснет она!

Наша крепость и наша держава,
Ты – защита от горя и бед.
Навсегда здесь прописан Державин –
Государственный муж и поэт.

Обозначен на карте заметно
Город-труженик, город-творец.
Ты любовью вошёл беззаветной
В глубину благодарных сердец.

Городов есть немало на свете.
Много сложено песен о них,
Но Тамбов нам на целой планете
И милей, и дороже других.

Ты и горе, и радость изведаль –
Пребывал и в мольбе, и в борьбе.
Мы тебе никогда не изменим,
Присягаем на верность тебе!

Любимый город

Я с городом вместе встречаю зарю,
К великим делам наготове.
Я «Доброе утро!» ему говорю
И людям, живущим в Тамбове.

Мой город родной,
сколько зим, сколько лет
Я сердцем с тобой не прощаюсь.
И если куда-то беру я билет,
То снова к тебе возвращаюсь...

И память опять за собой увела –
Куда же от прошлого деться?
У дома, где снова сирень зацвела,
Я вспомню далёкое детство.

А сколько здесь было
прощаний и встреч!
С друзьями делились невзгоды...
Спасибо, что ты помогаешь сберечь
Всё это на долгие годы.

И в светлом сиянье грядущего дня
Всегда на работу настроен,
Мой город, ты в люди выводишь меня
Дорогой своих новостроек...

Как только заря над Тамбовом взойдёт,
И я вместе с птицами встану.
Мой город любимый,

Я твой патриот
И славить тебя не устану.

* * *

Плывут над городом рассветы,
И в речке Цне вода светла.
Я счастлива, что вижу это,
Как мне Тамбовщина мила!

Иду по улицам знакомым,
Над головою – тополя.
И это всё зову я домом,
И это всё – моя земля...

Рассветный час всё ближе, ближе.
И вспыхнет лучик золотой.
И я увижу, я увижу,
Какой мой город молодой...

Я буду вечно торопиться
Под сень тамбовских тополей –
Увидеть лица, родные лица
Моих друзей, моих друзей.

На улицах Тамбова

Опять пешком иду с работы,
Чтобы увидеть ещё раз
Весенне-летние красоты –
Отраду для души и глаз.

Не выразить все чувства в слове.
И остаётся лишь сказать:
Как хорошо в родном Тамбове
Жить и любить, стихи писать,

И набережной восхищаться,
Пред храмами благоговеть,
И низко кланяться за счастье,
Не просто жить, дышать, а петь!

За этот дар – красоты видеть
И злом на зло не отвечать...
Клён у дороги – словно витязь,
Пред ним – берёзовая рать...

Пропахли улицы сиренью,
И воздух – терпкое вино.
И просто было бы грешно
Не написать стихотворенье.

Валерий АРШАНСКИЙ

Почти 40 лет назад не стало замечательного русского писателя, классика отечественной литературы, великолепного мастера-новелиста Юрия Павловича Казакова. Судьба отмерила ему очень непродолжительный путь: родившись в августе 1927 года, он умер 29 ноября 1982-го. В биографии писателя-москвича (хотя родители его родом со Смоленщины) были строительный техникум, затем музыкальное училище имени Гнесиных (прекрасный контрабасист!), работа в оркестре столичного театра, а затем – главное – Литературный институт имени Горького и книги. Книжки, которыми зачитывались все любители российской словесности, ибо Казаков, оставаясь самим собой, был в то же время хрустальным Буниным, нежным Паустовским, изумительным Шмелёвым в одном лице.

Чтобы стать настоящим писателем, он стремился пройти все горьковские университеты: много ходил пешком, постоянно наблюдал, замечал, что-то записывал. А что-то откладывал в памяти, охотился, рыбачил, заводил новых друзей, ночевать старался не в гостиницах, особенно бывая на Севере, а в домиках простых людей, постигая их говор и быт. А в результате рождались шедевры мировой литературы: «Голубое и зелёное», «Арктур – гончий пёс», «Северный дневник»...

Юрий Казаков

В последние десятилетия еда всё время упрощается, ухудшается. Человек сначала перешёл к консервам, потом к пакетикам. И не знаешь, до чего это дойдёт. А еда, настоящая, вкусная, разнообразная, уходит.

А так как у меня, по-моему, есть отличие от других людей в том, что у меня немножко лучше, чем у других, чутьё, вкус, то я считаю, что мог бы быть поваром очень хорошим. Ведь качество повара зависит не от того, умеет или не умеет он мешать в кастрюле, долго он варит или нет. Качество повара заключается в том, что он непрерывно пробует на вкус: всё ли тут есть или чего-то не хватает? Это своего рода дегустатор. Не каждый может быть дегустатором.

Меня Лихоносов как-то удивил, в письме признавшись, что он не обладает никаким чувством вкуса: то есть он знает, что ему хочется есть, и какой суп ему ни налей – солянку рыбную или мясную или ещё что, – он всё равно будет хлебать. Ему безразлично. Такой вот обеднённый вкус в смысле еды.

Ну а так как я в своих странствиях несколько раз испытывал настоящий поэтический восторг от еды разного рода и в разных обстоятельствах, то мне захотелось это соединить в одну такую вещь. Не знаю, какая там форма будет, надо ещё придумать.

Ну например, я попробовал впервые в шестидесятом году так называемую квашеную сёмгу, которая на меня сперва произвела впечатление просто тухлой сёмги. Потому что она издавала определённое зловоние. Но когда я увидел, что хозяин и пришедший к нему гость-сосед, выпивши по стопке водки, с удовольствием, с наслаждением накинудились на эту сёмгу, тогда решил и я её попробовать. И вдруг оказалось, что у неё совершенно

божественный вкус. И как плоть она просто таяла во рту. Уже примерно через десять или двадцать минут её запах перестал раздражать меня. После этого я много раз её ел на Севере. А её «тухлость», как я потом узнал, заключается вот в чём.

Дело в том, что сёмга для продажи должна быть малосольная (к сожалению, теперешняя рыба слишком солёная). Малосольная, она быстро приобретает вот такой неприятный запах, поэтому сёмгу засаливают на льду. Чаны деревянные стоят в темноте, входишь в подвал со свечкой, как в катакомбы, холодно там – через некоторое время ты уже продрогнешь. И вот в деревянных чанах, в этом тузлуке плавают прекрасная сёмга. А рыбак для домашнего потребления (потому что нет же рыбака, чтобы ловил для государства, а себе домой не принёс бы) приносит домой. И это знают, не считают даже. Ну сколько он принесёт?! Ну бочку сёмги, килограммов сто засолит. И когда она у него на льду не стоит, с ней быстро происходит какая-то консервация, то есть она не тухнет, не разлагается. С ней происходит примерно то же, что и с квашеной капустой. Ведь когда капуста киснет, она начинает бродить, пениться: когда палкой протыкаешь её, выходит сероводород. Такой дух! Тоже очень неприятный запах. И считается, что капуста не готова, пока этот запах... А дело в том, что в момент брожения в ней выделяется молочная кислота, которая прекращает дальнейшее ухудшение её качества. Так и сёмга.

Ну вот это одно. Но дело в том, что просто писать кулинарную книгу было бы глупо. Хотя в этом ничего зазорного нет. Если написать несколько таких кулинарных рецептов и вообще вкусовых ощущений, то каждый с наслаждением прочтёт. Но мне хотелось бы, чтобы это был какой-то рассказ, чтобы еда была бы кульминацией данного рассказа. Один такой рассказ у меня придуман. Правда, я его ещё не написал. О том, что... мне пришлось быть в страшном таком, причём недели две, состоянии. В смысле тоски по еде.

Я пробирался в Ленинград по Мариинской системе. С ночевками и задержками в Вытегре и так далее. Питался я в столовых. Ну столовые, тем более тамошные, – это что-то невероятное. Просто нельзя было есть ничего, было так плохо приготовлено. Я уже измаялся. Мне стали сниться сны гастрономические, что я ем дымящуюся картошку с малосольным огурцом. Но их негде было взять. Это всё же в таком, домашнем, частном хозяйстве, а тут – нарпит, который лишил меня этого наслаждения...

Старинная Мариинская система, кстати говоря, – это деревянные шлюзы; и бабы эти несчастные, которые ворота крутили, открывая шлюзы и закрывая; и народ, который выходил с парохода и шёл вперед. Потому что четыре километра ты пройдёшь, собирая ягоды, цветы, малину, наберёшь грибов и придёшь к какому-то шлюзу очередному, и ещё будешь два часа ждать, пока твой пароход подойдёт. С такой медленностью всё это было.

Ну и наконец приехал я в Белозёрск.

Дальше разворачиваются события, всё нагнетающие мою тоску. И тут я совершенно случайно обнаружил... Шёл вдоль канала и вдруг увидел стол с навесиком, деревянным, и за столом несколько баб стоит. Причём у двух – чугунки, у одной – ведро, у третьей – помидоры. Я подошёл. И увидел горячую свежую молодую картошку. А у той, которая стояла с ведром, у неё – малосольные огурчики... Да. А потом я увидел лук лиловый, тоже свежий, прямо кольни его ногтем – и сок выступит беловатый.

А ещё – помидоры. И хотя помидоры были явно привозные, но наши, не болгарские. Болгарские помидоры я не люблю – они какие-то водянистые. А те – мясистые, их можно есть без соли, потому что мякоть языком размазывается по нёбу. Ну вот я и обрадовался безумно. А жил я в гостинице, в которую ко мне день и ночь доносился тлетворный запах из столовой.

Я думаю, значит, я сейчас... Взял газету, сложил вдвое, набрал там всего. Потом иду и вспоминаю: по дороге тут должна быть булочная. Здесь, как нарочно, всё сошлось. Я заскочил в этот магазинчик, где хлебом торговали. Смотрю, привезли только что свежий хлеб. Чёрный, ржаной, с корочкой горячей такой, знаете, пахучей. Много я не брал. Полбуханки. И говорю: «Вы мне порежьте». И с полным ртом слюней, удерживаясь, чтобы на ходу не начать жрать, я бегу мимо скверика, где стоят три или четыре столика под грибками деревянными. И эта пивная, ларёк. Он обычно пустовал. (Я ходил мимо него.) А тут смотрю – несколько мужиков суетится: привезли пиво свежее. Бочковое пиво. Ну и они, как пчёлы, учуяли. Мгновенно появились. Или, может, машину увидели, с бочками грузовик. И помогают, конечно, раболепно хозяйке пивного ларька. Закатывают бочку, забивают насос. Она на них покрикивает, командует ими.

Я сначала решил взять одну кружку. Потом, пока очередь двигалась, нет, думаю, одной... маловато. А потом за мной уже народу выстроилось... Нет, второй-то раз... Нет, думаю, возьму две. И чем ближе к окошку, тем... я здесь дошёл до трёх. А уже когда протянул деньги, то сам язык выговорил: «Четыре кружки»... И потом я сел (такие были вокруг не стулья, а скамеечки, многоугольные, дощатые, выкрашенные голубой краской). Я сел лицом к Белому озеру. Ветерок доносился с канала, от парохода пахло... Старые пароходы ходили, сейчас соляркой пахнет от них, а тогда, чёрт его знает, рогожей там, дёгтем, пеньковыми просмоленными канатами. Плицы шлёпали. И вот, значит, здесь настал для меня блаженный миг. Я разложил картошечку. Соль – крупная, помню, как дробь почти что, серая, но страшно вкусная – похрустывала на зубах. Помидорочку... Картошечку окунёшь... Пивко глотнёшь – и чувствуешь, что мир изумителен, прекрасен и удивителен!

Вот примерно замысел одного из таких гастрономических рассказов. И много будет таких.

Потом бы шло про то, как меня всю дорогу угнетал рассказами Евгений Евтушенко. Он тоже чревоугодник большой. Любил вспоминать, как в Париже он ел, в каких ресторанах. «У Максима». Как он там завтракал, обедал, что там подавали. Я, конечно, расспрашивал и слюнки глотал.

А потом вся эта эпопея кончилась тем, что мы взяли спирту... Что интересно: собаки за нами толпами бежали, лохматые. Ночь белая, часа три. Никого в деревне. Вымерло. А светло, как днём. Изумительное дело! И вот этот наш охотинспектор, который нас туда привёз, приволок (это какой-нибудь его знакомый – хозяин), учуявши, что будет пожива, повёл нас с Женей Евтушенко к какой-то избе. Стучал там, гомонил что-то. Наконец вышла заспанная тётка, которая оказалась продавщицей фактории, открыла амбарный замок. Здоровый амбар, ни потолка, ничего. Стропила видны, крыша. На полках, на полу и везде навалено ну чего хочешь. И ружья есть, и сапоги, и собачьи упряжи. И так сложно, чудесно пахнет! Ящики там с консервами, с макаронами. И, конечно, заветная... Мы с Женей (были деньги приличные у нас) там купили, и хозяин, и

инспектор. Потом думаем: что на завтра? В итоге взяли, значит, четыре бутылки спирта.

Потом, когда мы пришли домой, хозяин кинулся вдруг вниз под обрыв, к карбасу (это на Печоре всё происходило, в Малоземельской тундре). А я говорю: «Вы куда?» А он отвечает: «Сеточка у меня под берегом закинута. Я посмотрю». Я говорю: «А мне можно с вами?» – «Пожалуйста».

В карбас сел. Гребёт. Достает сетку. Он даже не всю её осмотрел. А там – сиги. Десятка два сигов. Вытащил, побросал их под ноги. И сетку выбросил опять за борт. И мы – к берегу. Он тут занялся – шкерить рыбу. Хозяйка проснулась. Сначала недовольная была, потом разошлась, увидела, значит, Женино интеллигентное лицо.

Но тут, к нашему удивлению (я думал, что уха будет, или жарить будут, или что), этот хозяин очищенную рыбу полощет в воде и режет. Он ещё дрожит, сиг-то, подрагивает хвостом, а тот его режет поперёк, крупными дольками. Нежный, розовый сиг такой, весь сочащийся. Сочащийся не влагой, а как бы жиром. И он его бросает в эмалированный таз, посыпает солью крупной. «Теперь, – говорит, – надо его на ледник вынести. Уж вы потерпите. Может, чайку сначала?» Ну мы говорим: «Потерпим».

А потом... Наверное, всё-таки до кондиции не дали дойти... Минут через двадцать принёс хозяин этот таз, поставил на стол. Сливочного масла брусок вот такой выставил, хлеба. Женья оторопел... Сырой сиг!

Двадцать минут назад дрожал. Трепыхал хвостиком... У нас был с собой клюквенный экстракт. Мы в Вологде ещё купили. Я до сих пор жалею, что мало купили – две бутылки. Надо было больше взять. Это чистейший, – с тех пор я его не видел, да уже, наверное, никто из моих читателей и потомков не увидит, – это настоящий экстракт из клюквы, без всякой химии. Он льётся, как густой мёд. Медленный такой. И он без сахара, без ничего. Ки-ислый! Облизнёшь ложку – аж в ушах пищит. Чайную ложку – в стакан, потом полстакана спирту, а потом воды добавишь. Некоторые пили так, а я думаю: «Ну его, своя глотка дороже». Потому что всё-таки девяносто шесть градусов. Зачем мне? То же количество и так могу выпить.

Кто не ел сига сырого, тому как объяснишь? Нет таких слов. В общем, это прохладная, чудесная, тающая во рту, удивительная еда. Одновременно сиг и упругий, как бы ускользящий с зубов, и в то же время необычайно нежный, как... кажется, что если ты его немножко подольше поддержишь во рту, то он растает, как масло.

И тут я, высунув по локоть обнажённую руку, Жене сказал: «А это ты «У Максима» едал?» Сказал ему, отомстивши разом за все его многочисленные рассказы о французской еде...

Ну подобных много вещей мне приходилось пробовать. Конечно, всё зависит от опустошённости твоего желудка. Если ты сытый вот так, то – дай, а ты не будешь есть вообще. Он так и засохнет. А если ты голоден и потом ещё устал, продрог, полон впечатлений, здоровья и сил... Как моя бабушка говорила: «Ешь, пока рот свеж».

Владимир ЧИСТЯКОВ

Рассказ ветерана

«Дивный вечер, – сказал старик,
– Посидим, послушаем поле.
Слышишь, как стонет родник?
Это он от сердечной боли».
Мы молчали. Багряный закат
Не спеша окунулся в воду.
И сидел со мной рядом солдат
Сорок первого страшного года.
Тихо. Только поле в закатном огне,
Только речка плетёт волну.
И в тиши этой кажется мне:
Злой писатель придумал войну.
Но старик, начиная рассказ,
То умолкнет, то глухо вздохнёт,
И от серых выцветших глаз
Вдруг украдкой что-то смахнёт.
«Этот бой рядовой, каких много,
Батальон окопался вон там, –
Указал он туда, где дорога
Подползала к рыжим кустам.
– Батальон – это так, по уставу,
Ну а было-то нас сорок три,
Сорок три от великой державы,
Сорок три от огромной страны.
Лейтенант, паренёк молодой,
Оставался у нас за комбата.
И сказал он: «За этой рекой
Для нас нету России, ребята».
«Нет России» – стучало в висках,
Тишина же зловеще звенела.
«Нет России» – и злость на зубах
Придорожным песком скрипела.
Только дрогнуло поле вдруг,
Будто вывернулось с изнанки,
И десятки закушенных губ
Прокричали беззвучно: «Танки!»
Видел я, как уверенно, дико
Танки мяли спелую рожь.
От душевного горького крика
По спине побежала дрожь.
«Нет России» – ярость душила,
Ждал со связкой, вжимаясь в песок,
Но какая-то тёмная сила
Вдруг упруго толкнула в висок...
Я очнулся, уж кончился бой,
Факелами танки горели,
И в насмешку над злою судьбой

Трое наших солдат уцелели.
Мы обнялись, не плакали, нет.
Стали крови дороже слёзы. –
Замолчал и заплакал дед. –
А могила их тут – у берёзы».
Тихо. Только вскрикнет родник порой,
Речка тянет волну к волне,
Но сидит со мной рядом герой,
И нельзя забывать о войне.

Отцу

Мой отец И.П. Чистяков
был участником
Керченско-Феодосийской
десантной операции.

Он вечером придёт с работы
И молча сядет у окна,
А за окном смеётся кто-то,
А за окном шумит весна.
Седой, как снег, сидит угрюмо,
До боли сжавши кулаки.
Быть может, вспомнилось, как в трюмах
Блестели острые штыки.
Быть может, вспомнился тот берег,
Глаза застывшие солдат.
Он до сих пор не хочет верить,
Что не придут они назад.
– Что ты молчишь?
– Устал, сынище.
Да ночью снилась мне война...
А я его медали чищу,
И за окном шумит весна.

Всё пройдёт, останется печаль,
Всё уйдёт, оставив память злую,
И пока не поздно, обнимите даль
И отдайте губы поцелую.
Жизнь – игра, и ставка всё решает,
Не беда, что проигрался весь.
Не всегда достойный побеждает,
Шулер же проигрывает честь.

Дорожное
Километры, километры...
Сбился я уже со счёту.
Только в поле тянут ветры
Всё одну и ту же ноту.
Только сопки пахнут хвоей,

Только звёзды серебрятся,
Только нам ещё с тобою
Долго-долго не видаться.
От костра потянет дымом,
И в колеблющемся свете
Вижу я глаза любимой,
Что одни на всей планете.
Вижу дом с окном знакомым,
У плиты хлопочет мама,
У крыльца в саду зелёном
Вишня тянется упрямо.
Дед со внучкою играет,
И она смеётся звонко,
Достоевского читает
На скамеечке сестрёнка.
Вышел вечер на дорогу,
Посмотрел молодецкато
И берёзку-недотрогу
Одарил платком заката...
А у нас рассвет струится
В небе красно-голубом.
Вижу я родные лица,
Вижу я родимый дом.
Километры, километры
Не считаю я давно.
Песнь разлуки тянут ветры,
Им ведь, ветрам, всё равно.

Тоскливый дождь смывает память
Касанья губ, сиянья глаз,
И то, что было между нами,
Уже не беспокоит нас.
Грядут осенние туманы
В преддверьи белых зимних стуж,
И пусть они бинтуют раны
Измученных до боли наших душ.

Не такая уж редкая штука,
Как мы думаем иногда,
Верность женщины как наука
Оставаться с любимым всегда.

Я от тебя так много не хочу,
Я рад уж тем, что ты со мною рядом,
Что голову склонила ты к плечу
И смотришь улыбающимся взглядом.
Я не хочу так много от тебя,

Мне б только с губ твоих срывать дыханье
И чувствовать, всем существом любя,
Что ты – моё последнее призванье.

Воспоминание

Ты в комнату войдёшь и молча сядешь
В бордовом кресле у стены.
Волос твоих пшеничных пряди
Манящих запахов полны.
И нет ни жеста, ни упрёка,
Как будто я не уходил,
И не смотрел в глаза жестоко,
И глупых слов не говорил.
Я знаю, где брала ты силы,
Но горько сам себя спрошу:
Как ты всё это выносила?
Как я всё это выношу?
Вдохновение

Бывает миг: от мысли дерзкой
Трепещет жаркая рука,
Бумажный омут рябью мелкой
Волнует звонкая строка.
Забуду всё и всё откину,
И время вспять переверну.
Я всё могу, я горы сдвину
И в чайной ложке утону.
Я буду весел от потери,
Я буду плакать без потерь,
Как в божество в тебя поверю,
И ты в меня, прошу, поверь.
Но ты уходишь без ответа,
Ты таешь в дымных облаках.
И только горечь сигареты,
И только боль стучит в висках.

Миг открытый

Да, всё, что связывало нас,
Погибло в ночи.
И будто свет в глазах погас
От одиночеств.
Ни всплеск руки, ни тихий смех
Пусть не вернуться.
И не осталось ярких вех –
Не оглянуться.
А впереди – ещё подъём,
И рвутся нити.
Мы годы жизни отдаём
За миг открытый.

Молодёжь о Тамбове

Тамбову

А Тамбову сегодня не спится,
И подушка его горяча.
Одеялом из синего ситца
Одевается город в печаль.

Я к нему подойду осторожно:
Что, любимый, тревожит тебя?
Вспоминаешь о лете осторожном
И в набегах сожжённых хлебах?

О бесчинствах татар и калмыков,
Стеньки Разина временах?..
Небесами земля не забыта:
Чудотворцы молились в скитах...

Восемнадцатый век на исходе –
Пугачёвщина, злая чума.
Дай нам, Господи, в смрадном болоте
Не сломаться под игом ярма.

И в холеру, в пожары – молитва
Нам оружием верным была.
За Тамбов на земле в небе битва
Неусыпно врагами велась...

Год семнадцатый, год сорок первый...
Сны из прошлого так тяжелы.
Град, крещённый пасхальным апрелем,
Стойко тысячи жизней прожил.

Кровь мордовская – русское сердце,
Не тревожься, родная душа!
Чернозёмная дремлет окрестность,
И печали её не страшат...

Спи, Тамбов, спи, надеждами полный,
В колыбели грядущих веков.
Три пчелы на лазоревом поле
Охраняют твой мир и покой.

Анастасия Серова

Танк «Тамбовский колхозник»

Зачем под гладью неба голубого,
Где тонко тают тучи в вышине,

Стоит на мирной улочке Тамбова
Огромный танк как память о войне?
Навеки он застыл на пьедестале –
Суровый и холодный, но родной,
Как будто просит, чтоб не забывали,
Что сросся он с Тамбовскою землёй...
Шёл год сорок второй – жестокий, грозный.
Беду в ту пору каждый сознавал,
И всё, чем мог помочь стране колхозник,
Он без остатка фронту отдавал.
Измученный, но в Родину влюблённый,
Народ старался из последних сил
И танковую мощную колонну
В священный путь кровавый снарядил.
И до непобедимости отважный,
В тылу ль, на фронте, в час свой роковой
С войной лицом к лицу столкнулся каждый –
Не каждый был помилован войной.
Почин тот первый славен был и честен,
Но не об этом думали тогда.
В огне былой войны стояли вместе
Деревни, сёла, люди, города,
Колхозники, рабочие, солдаты,
И жёны, и мужья, и стар и млад,
Чтоб слышать, как торжественно и свято
Колокола Победы зазвонят.
Тамбовская безудержная сила
И воли несгибаемая власть,
Как маленькая капелька России,
В большом огне Победы разлилась!
Затем под гладью неба голубого
В вечернем полумраке тишины
Стоит наш танк, что фронту дан Тамбовом,
Чтоб вечно помнить: мы сильнее войны!

Мария Знобищева

Зимний Тамбов

Тамбов – заснеженные улицы,
Разбросанные пятна фонарей.
Старинные деревья хмурятся,
Скрывая звёзды меж ветвей...

Тамбов – река в оковах холода,
Цна величавая меж берегов;
Переплетения дорог...
Здесь всё когда-то было молодо...

Тамбов – заводы и вокзалы,
Свет от церковных куполов,
Дворца Асеевского залы...
Всё это – город мой Тамбов!

Ольга Терехова

Тамбов – поэтический вдохновитель

Закат струится сквозь листву на лица
Да отблеском играет в очах.
И суждено реке моей разлиться
Столь вольно, сколько воронью ворчать...

По капле Цна живёт в стихах тамбовцев,
По звону благовест – в сонетах их.
И по-тамбовски греет даже солнце,
Лучом слегка прокравшееся в стих.

По-васнецовски март встречают крики
Грачей, соскучившихся по посевам.
Их слышал в своё время Боборыкин,
В своей усадьбе наблюдал Асеев...

Тамбов роднит и малых, и великих,
С радушием встречает всех гостей...
Закат оставит матовые блики,
Желание творить сейчас и здесь.

Маргарита Шитикова

Утро в Тамбове

Тамбов окутан пеленой тумана,
И в тишине рождается заря.
И только дворник, вновь проснувшись рано,
Сметает второпях дни февраля.

И речка Цна вдохнула полной грудью
Весенний воздух. И оковам льда
Не справиться с течением бурных будней...
По улице Советской, как всегда,

Спешит народ. Машины, светофоры...
Все в пробке снова ждут зелёный свет.
Тамбов недавно нежился во сне,
С рассветом – встречи вновь, переговоры...

А в парке – тишина и благодать.
И дышит лес, и мысли так легки...
Эх, посидеть бы утром у реки,
В стихотворенье красоту объять!

Но снова пробуждается рассвет,
И не хватает времени на чай...
Но как приятно мне с утра встречать
На жизненном пути зелёный свет.

Елена Яцкова

Осенний Тамбов

Тамбов, ты осенью прекрасен!
Ты, как пожар, огнеопасен,
Ты просто чудо из чудес...
Прекрасен твой осенний лес!

Люблю твой холм и речку нашу.
А набережной нету краше!
Ты посмотри на липы, ивы
И на берёзы – как красивы!

Не видел ты тамбовский клён?
Как осенью прекрасен он!
Фонтаны в городе у нас –
От них не оторвёшь ты глаз...

Какие чудные аллеи,
Где деревца уже алеют...
Попробуй описать Тамбов –
Найдёшь хороших много слов.

Елизавета Семёнова

Тамбов встречает весну

Вот Цна, окутанная утренним туманом,
За нею – лес в прозрачной синеве.
Проникла в город к нам зима обманом
И затаилась в придорожной мгле.

Синеет даль, за нею солнце всходит,
Зарёю освещая наш Тамбов.
Весна бочком так тихо к нам приходит
И ищет средь деревьев себе кров...

Родительским теплом, добром и лаской
Весну встречает снова город мой.

Ну а зима под белоснежной маской
Скользит в карете поскорей домой...

Весна преобразила сонный город,
Согрела ярким солнцем день его.
А от зимы уж не осталось ничего,
И наш Тамбов по-прежнему так молод!

Елизавета Назарова

Гордый мой Тамбов

Как много городов великих!
А мой Тамбов хранит сам Бог...
Среди лесов, над Цной поднявшись,
Стоишь ты гордо, мой Тамбов.

Ни рать татар, ни немцев орды
Господь к тебе не допустил.
Раскаянье в грехах во храме
Услышав, он тебя простил.

Небесной благодатью край мой
Покрыл святитель Питирим,
И Серафим Саровский вместе
Тамбов оберегает с ним.

И нет защиты той сильнее
Во все века и времена:
Ведь святостью и добротой
Велика русская земля...

Пусть лет немало миновало,
Тебя всегда хранит сам Бог...
Среди лесов, над Цной поднявшись,
Стоишь ты гордо, мой Тамбов.

Дмитрий Орлов

Мой Тамбов

В самом сердце России
Есть город старинный на Цне,
Заложен был в годы лихие,
Как крепость – защита извне.

Царским указом поставлен
Город Тамбов на века.
Воздвиг его сам Боборыкин
Для пущей острастки врага.

Здесь храмы святые поставил
Вдоль чистой реки Студенца...
И есть у Тамбова начало,
И нет у Тамбова конца.

Стоит и поныне красавец,
Мой город любимый на Цне.
И липы цветения духом
Плывёт аромат по весне.

Блещат купола золотые,
Как яркое солнце горят,
И в них в самом сердце России
Со всех колоколен звонят.

И звук этот добрый, звенящий
Подарит надежду и мне,
Что выстоит город вовеки
На нашей священной земле.

А имя он носит такое,
Чтоб каждый сказать сразу мог:
Тамбов – это крепость, защита,
Его охраняет сам Бог.

Никита Соболев

Игорь МАРТЫНОВ

Казачи и основание Тамбова

Освещая историю Тамбова в средствах массовой информации или на различных встречах, экскурсиях или мероприятиях, зачастую не уделяют внимания участию казаков в основании и становлении города-крепости. Казачество внесло огромный вклад не только в развитие Российского государства, но и в становление Тамбова как одного из форпостов на рубежах России.

Во второй половине XVII века правительство приняло ряд мер, которые должны были прекратить набеги крымских, ногайских татар и калмыков на юго-восточные окраины Российского государства. Согласно этим планам в середине 30-х годов XVII века основаны города-крепости Козлов (современный Мичуринск) и Тамбов.

Города, выполняющие функцию крепостей, нуждаются в опытных воинах, имеющих практику и навыки ведения как оборонительных, так и наступательных действий. Козлов и Тамбов начали заселяться служилыми людьми, и в первую очередь казаками.

Первыми тамбовскими служилыми стали выходцы с Дона и Запорожья. 17 марта 1636 года правительство издало указ, согласно которому в место строительства новой крепости Тамбов переехало на жительство 45 атаманов и казаков с Дона. Донские казаки разместились в слободе Кузьмино-Гать (там и сейчас живут их потомки).

По прибытии на новое место казакам выделили земельные наделы, хлебное жалование и денежное пособие для каждой семьи «на дворовую селитьбу и зов», «на ружьё» и другие расходы. Много казаков и атаманов с Дона поселилось отдельной слободой Лысье Горы, образовав своеобразный форпост с северной стороны нового пограничья.

Запорожские казаки прибыли на Тамбовщину в количестве 73 человек и стали селиться в Панской слободе города-крепости Тамбова, пользовались привилегиями белослободцев, а позднее слились с полковыми казаками. За «выход» бывшие запорожцы получали по 5 рублей, их матери и жёны – по 1 рублю, дети до 15 лет – по полтине, старше 15 лет – по 1 рублю. Кроме того, казаки получали «государево» денежное жалованье в размере 5 рублей, а атаманы – по 7 рублей и хлебное жалованье.

Одновременно с Тамбовом возникла Покровская казачья слобода. Казаки Покровской слободы в основном несли службу на Татарском валу, защищая и охраняя город от набегов и осад. Тамбов выдержал 86 осад, принимая на себя удар как пограничный форпост белгородской черты.

Освящение города-крепости Тамбова состоялось 1 октября 1637 года, в день Покрова Пресвятой Богородицы. Таким образом, Покровская церковь была не только местом духовного окормления служилых людей, но и особым символом покровительства Богородицы защитникам города-крепости. В 60-х годах XVIII века деревянная Покровская церковь сгорела, и на её месте в 1763 году построили новую, каменную, которая стоит по сей день.

Рядом с церковью было казачье кладбище, где находили последний земной приют казаки, павшие в боях против недругов. Покровское кладбище функционировало до 1800 года, а в начале 1801 года по указу Синода

было закрыто. Это место не застраивалось, так как это считалось большим грехом и оскорблением памяти первых защитников города Тамбова и упокоенных при церковном погосте.

Покровская церковь была передана под управление военного ведомства, но для народа она всё ещё была казачьей церковью. Только после 1917 года она стала именоваться «солдатской». До 1918 года в этой церкви хранились все военные трофеи тамбовских полков и тамбовского ополчения, добытые в Отечественной войне 1812 года, в турецкой войне 1877–1878 годов. После известных революционных октябрьских событий Покровская церковь была разграблена. Сейчас на этом месте находится Кронштадтская площадь, также известная как парк «Сочи».

Хочется заметить, что до революции у здания духовной семинарии (сейчас корпус Тамбовского государственного технического университета) стоял памятный крест, установленный в честь казаков, похороненных на Покровском кладбище, погибших в бою при отражении набегов на Тамбов. В настоящее время на казачьем кладбище стоит памятник тамбовскому мужику.

Казачи селились также в Полковой слободе, которая находилась за восточной стеной современного Вознесенского монастыря. Полковая слобода была построена без всякого плана, и дома стояли в хаотичном порядке. Казачи, как и другие служилые люди, проживали своими семьями в маленьких избушках, сделанных из дерева и с соломенными крышами. Отпливались дома по-чёрному, а вместо стёкол в окнах были бычьи пузыри.

Только спустя 200 лет все 148 казачьих семей (!) переселены на земли близ границ города Тамбова. Так появилось село Полковое, которое существует и поныне, располагается недалеко от села Донского, пригорода современного Тамбова. Село Донское основано полковыми казаками во время строительства крепости. В те времена оно называлось Пячихильской слободой в честь речки Пячихильки, левого притока реки Цны. В 1719 году первые ревизские сказки упоминают, что к тому времени в слободе проживало 55 казачьих семей общим числом мужского населения 898 человек.

С другой стороны города-крепости, на левом берегу Цны, в 1648 году расположилось село Бокино, перенесённое с правого берега. Мужское население села было переведено в казаки и стало охранять валовые укрепления. В 1676 году монах Антоний при исчислении налога местной церкви писал: «Церковь Николая Чудотворца в селе Тамбовщине. Да в приходе к той церкви казачьих 131 двор, бобыльских три двора». В первой ревизской сказке 1719 года можно прочитать, что в селе Бокино проживают казаки, есаулы, солдаты. Только одних есаулов и казаков насчитывается 133 человека.

Как мы видим, строительство города-крепости Тамбова началось с прибытия казаков на Тамбовскую землю. Именно казаки стали костяком тех служилых людей, которые стояли в основе строительства крепости и тамбовского войска, защищавшего рубеж Российского государства.

Скорбит душа современных казаков, что нет в Тамбове памятника, посвящённого тем казакам-воинам, потомки которых впоследствии прославляли своими подвигами на исторических полях брани Тамбовскую область. Отечественная война 1812 года, Первая мировая война, Великая Отечественная война 1941–1945 годов, военные конфликты новейшей истории России дали множество ярких примеров таких подвигов.

Современный Тамбов расстраивается и расширяется. Старый город постепенно уходит в небытие, унося с собой память о предках-казаках. Военно-патриотическое и историческое воспитание молодёжи строится в основном на периоде, начинающемся с 1941 года. Таким образом, из сознания народа постепенно уходят подвиги и героизм тех, кто строил великую Российскую империю, являя чудеса силы духа и любви к Отечеству.

Вместе с тем в учебных заведениях не только города Тамбова, но и всей Тамбовской области проводится большая работа по изучению местного краеведения. Отдельной и важной темой в рамках этой дисциплины может стать ознакомление с ролью казаков в строительстве и защите города-крепости Тамбова.

Тамбовское казачество, история которого начинается с первой половины XVII века, было, есть и будет на нашей земле! Храня память о казаках-воинах, строителях и защитниках любимого города Тамбова, казаки Тамбовской области будут нести ответственность перед потомками за сохранение и укрепление родного края.

Наталья СЕЗЁВА

**АЛЕКСАНДР ТРАУГОТ
ЧУДО-КНИЖКА «КОНЁК-ГОРБУНОК»**

«Конёк-Горбунук» – самая любимая моя сказка детства и самая великая... Вообще все сказки мира всегда делятся на типы, и в каждой стране есть свои сказки. Но вот удивительно то, что в этом огромном сказочном мире вы нигде не найдёте сказки «Конёк-Горбунук».

А.Г. Траугот

90-летнему юбилею мастера посвящается

Александр Георгиевич Траугот (1931 г.р.) – выдающийся петербургский художник, признанный классик, «мастер книжного строения». Всё своё творчество он посвятил разгадке тайн этого искусства. Он проиллюстрировал более двухсот книг, в том числе сказки Пушкина, Перро, Гофмана, братьев Гримм, Андерсена и других авторов. Но только о «Коньке-Горбунке» П.П. Ершова он отзывается как о «самой любимой с детства и самой великой» и говорит, что нигде в мире нет ничего подобного.

А.Г. Траугот всегда тяготеет к таким произведениям, где предоставляется большая свобода его собственной авторской фантазии, и сказка нашего земляка как раз из их числа.

В 2010-х годах художник приступает к созданию оригинальной графической серии к «Коньку-Горбунку». В течение нескольких лет он живёт в её «духовной атмосфере». «С утра до вечера идёт внутренняя работа поиска и смены образов. Десятки раз возвращаешься к тексту. От чтения «вдоль и поперёк» в сказке обнаруживаются черты, бывшие дотоле скрытыми. Ты как будто получаешь доступ в творческую лабораторию писателя, становишься, можно сказать, его соавтором».

Этот необычный способ так называемого «медленного чтения», а на самом деле – тонкого погружения в ткань повествования позволяет А.Г. Трауготу постоянно открывать в нём что-то новое.

«Ершов – гениальный поэт, – говорит художник. – Для меня его сказка пушкинская по духу, в ней, по-моему, сквозит петербургский ветер, много загадок. Она покоряет своей поэтичностью, завораживает стройностью, прозрачностью и лёгкостью слога. Мне хотелось оторвать её от упрощённого решения и наполнить историческими реалиями и портретами современников».

Интересно, что первоначально создавались не столько иллюстрации, сколько графические листы «по мотивам» сказки. Они были настолько яркие и необычные, сложные в полиграфическом исполнении, что, вероятно, должны были остаться станковым циклом. Однако издательство «Вита Нова», постоянный партнёр художника (в нём были реализованы самые уникальные его проекты!), настояло на выпуске полноценной книги. А.Г. Трауготу предстояло пройти путь от разработки образов до

оригинал-макета. В 2019 году, в год юбилея книги П.П. Ершова, родился его «Конёк-Горбунук».

Художник свободно движется в пространстве книги и поэтому свободно переходит от портрета к пейзажу, от сюжетного рисунка – к импровизации лирического отступления. Иллюстрации составляют столь существенную часть книги, что без них она просто немыслима. Они создают параллельный тексту графический мир, соответствующий миру сказки, но не сливающийся с ним полностью. Внутри книги рождается диалог (порой парадоксальный!) писателя и художника, где, например, художник выходит даже за пределы авторского текста и помещает среди действующих героев сказки на её страницах портреты П.П. Ершова и А.С. Пушкина. Отметим, что эти образы проходят через весь иллюстративный цикл: то прогуливаются среди многолюдной толпы в сцене ярмарочного конного торга, то находятся в качестве гостей на свадебном пире Ивана с Царь-девицей...

В иллюстрациях к тексту создана удивительная портретная галерея сказочных образов. Обаятелен образ юного мечтательного Иванушки (мне в нём видится сходство с самим художником). Изысканно прекрасен, воздушен портрет Царь-девицы (угадывается сходство с Натальей Гончаровой, женой Пушкина). Колоритный образ капризного, жестокого царя навеян, конечно, Николаем I... Чрезвычайно выразительны образы отца и братьев Ивана, сцены крестьянской жизни, сельские пейзажи. Петербург является также одним из «героев» художника. Его образ присутствует на страницах в качестве фона, лишь намёком: силуэтами зданий, вертикалью триумфальной колонны...

«Книга – это интеллектуальная затея, мост между создателем и её читателем», – полагает А.Г. Траугот. Поэтому он оставляет простор для мысли и воображения. Его импровизации рассчитаны на ответ, сопереживание и понимание.

В тексте П.П. Ершова много насмешки, иронии, авторская манера повествования – шутливая, балагурная. А.Г. Траугот вторит сказочнику: его рисунки, исполненные быстро, на одном дыхании, искрятся весельем, добрым юмором. Он демонстрирует мастерство в искусстве композиции, пластики, в меткости портретных характеристик. Манера художника особенная: воздушная, изящная. Своё рисование он называет французским словом «туше» – прикосновение. По его мнению, оно должно производить впечатление лёгкого полёта пера или кисти.

И в самом деле: словно одним росчерком, без малейших усилий в сложнейшей технике перового рисунка с использованием акварели, гуаши, пастели сделаны все 250 иллюстраций, что вошли в книгу. Но это лишь вершина айсберга: едва ли не каждый рисунок имел несколько десятков вариантов. Об этом свидетельствуют хранящиеся в мастерской художника сотни эскизов и набросков. Пожалуй, только таким способом можно было создать оформление, в котором каждая иллюстрация имеет как бы особую мелодию, а вся серия приобретает полифоническое звучание.

Блестящая работа художника потребовала и соответствующих усилий от творческого коллектива издательства «Вита-Нова». В результате можно смело утверждать, что подготовленная и изданная ими книга – это образец самого высокого искусства книги. Но конечно, прежде всего это книга художника, что становится ясно каждому, кто возьмёт её в руки. Книга-выставка, книга-альбом, книга для рассматривания, для внимательного

вглядывания, книга, каждая иллюстрация которой поможет по-новому увидеть и саму сказку, и её героев, и автора сказки.

Отметим, что персональная выставка книжной иллюстрации «Александр Траугот. Чудо-книжка «Конёк-Горбунок» организована Централизованной библиотечной системой г. Тюмени в рамках культурно-просветительского проекта «Путешествие в сказку П.П. Ершова». В арт-салоне «На Никольской» (ул. Луначарского, 51) показан графический цикл из 40 оригинальных рисунков из петербургской мастерской художника. Экспозиция дополнена коллекцией книг, переданных А.Г. Трауготом в дар городской библиотеке, а также фотографиями, которые позволили заглянуть в волшебный, загадочный мир мастерской мастера.

О художнике

Г.А.В. Траугот – общая подпись, под которой публиковалась книжная графика трёх художников: Георгия Николаевича Траугота и его сыновей Александра и Валерия.

Братья Александр Георгиевич (р. 1931) и Валерий Георгиевич (1936–2009) Трауготы – живописцы, книжные графики, скульпторы. Заслуженные художники России. Родились в Ленинграде в семье художников. Главным учителем считают отца, Георгия Николаевича Траугота. С 1956 года работают в книжной графике. Первые книги создавались и задумывались совместно с отцом, отсюда коллективный псевдоним «Г.А.В. Траугот».

Художники оформили более 200 книг: «Сказки матушки Гусыни», «Волшебные сказки» Шарля Перро, «Сказки и истории» Ханса Кристиана Андерсена, «Кубинские сказки», «Сказки Камбоджи», «Илиада» и «Одиссея» Гомера, «Наука любить» Овидия, «Золотой осёл» Апулея, «Мастер и Маргарита» Булгакова и многие другие. Сказки Андерсена в их оформлении переиздавались 17 раз и вышли общим тиражом свыше трёх миллионов экземпляров.

Работали в самой разнообразной технике: гуашь и акварель, пастель, офорты, сангина, рисунки пером и офорты, раскрашенные пастелью. На всероссийских конкурсах А. и В. Трауготы получили более 30 дипломов, 14 из них – первой степени. Работы братьев А. и В. Трауготов находятся в музеях Москвы (в том числе в Третьяковской галерее), Санкт-Петербурга, Твери, Архангельска, Петрозаводска, Вологды, Иркутска, Красноярска, Рязани, Калининграда, а также за рубежом: в музее Андерсена в Одессе, в Японии, Германии, Чехии, во многих частных коллекциях в Европе, США, Израиле.

ЛИТЕРАТУРНАЯ ХРОНИКА

Январь

В Тюмени подвели итоги регионального конкурса «Книга года – 2020», организованного департаментом культуры Тюменской области, областной научной библиотекой и АНО «Центр творческих инициатив «МедиаСоюз» при поддержке регионального отделения Союза писателей России.

Полторы сотни книг в различных номинациях претендовали в этом году на звание лучшей, поэтому членам экспертного совета и жюри, для большей объективности состоящего из учёных, писателей, журналистов, сотрудников библиотек трёх субъектов Федерации, было что почитать и о чём поспорить.

Главной книгой 2020 года по решению жюри стал альбом Сергея Лугинина и Александра Бутца «Две реки: Сергей Лугинин. Резьба по кости».

Февраль

Февральский номер журнала «Александръ» целиком посвящён творчеству тюменских писателей.

Два с половиной десятка авторов журнала «Александръ» представили в номере широкую палитру тюменской литературы, в полной мере отразив наличие в регионе талантливых писателей, которые своими произведениями доказывают, что богата сибирская земля не только недрами, но и литературой.

«Контент пространства. Сибирь. Поколение. Литература» – с таким названием прошла в Тюмени Всероссийская научно-творческая конференция с участием видных учёных и писателей из Москвы и разных городов Сибири и Урала.

Участников конференции приветствовали председатель Тюменской областной Думы Сергей Корепанов и от имени губернатора директор областного департамента культуры Елена Майер.

С докладами выступили на конференции доктор филологических наук, профессор, заведующий кафедрой русской литературы XX века Уральского государственного университета Леонид Быков, председатель Тюменского отделения Союза писателей России, доктор политических наук Леонид Иванов, лауреат Государственной премии России Валерий Попольев, великий бурятский поэт Баир Дугаров (Улан-Удэ), доктор философии, профессор МГУ Фёдор Гиренок, генеральный директор издательства ТюмГУ Сергей Симаков, депутат Думы ХМАО-Югра, известный писатель, номинант Нобелевской премии Еремей Айпин, доктор культурологии, историк, сопредседатель Союза писателей России Александр Кердан, поэт, переводчик Геннадий Кельчин, доктор исторических наук, профессор ТюмГУ Александр Еманов, доктор исторических наук, профессор ТюмГУ Александр Ярков, Почётный гражданин Тюменской области, знаменитый косторез Минсалим Тимергазеев, директор ГТРК «Ямал» Александр Добрынин и другие. В своих речах они делали акцент не только на документальной прозе современной Сибири, но и на творчестве Почётного гражданина Тюменской области Анатолия Омельчука, который как раз в эти дни отмечал своё 75-летие.

По итогам конференции между писательской организацией и областной научной библиотекой им. Д.И. Менделеева достигнута договорённость проводить аналогичные масштабные форумы ежегодно.

В Тюменском региональном отделении Союза писателей России состоялось отчётно-выборное собрание. Председателем правления в третий раз на три года избран Леонид Иванов.

В новый состав правления, которое каждый раз обновляется наполовину, чтобы дать возможность большему числу писателей проявить свои организаторские способности, вошли известные в регионе поэты и прозаики Александр Новопашин, Ольга Гультаева, Антонина Маркова, Аркадий Захаров.

В Тюменской областной научной библиотеке им. Д.И. Менделеева возобновились встречи клуба любителей литературы.

Ключевой темой встречи стала презентация альманаха «Врата Сибири», два номера которого, вышедших за время карантина, получили все гости вечера.

Март

В Тюменской областной Думе открылась выставка, посвящённая 75-летию известного российского писателя, Почётного гражданина Тюменской области Анатолия Омельчука.

Анатолий Омельчук издал 47 книг, в основном посвящённых Сибири и её людям, написал сценарии к 500 документальным фильмам, при создании которых вместе с режиссёрами и операторами исколесил почти всю Сибирь и побывал во многих уголках планеты, поэтому на выставке помимо увесистых и прекрасно изданных томов представлены и памятные предметы, привезённые из путешествий, портреты, написанные художниками Сибири, фотографии и документы.

В экспозиции показан и раритетный выпуск популярного советского журнала «Крокодил» за 1961 год, где опубликован рассказ пятнадцатилетнего школьника из Томской области – от этого события и идёт отсчёт шестидесятилетней творческой деятельности Анатолия Омельчука.

В Казанском районном Доме культуры по инициативе и при активном участии Тюменского регионального отделения Союза писателей России в рамках Ермаковских чтений прошла вторая Международная научно-практическая конференция.

В этом году она прошла под девизом «Живая память о былом. 1921 год» и была посвящена 100-летию Западно-Сибирского крестьянского восстания и 90-летию Казанского района. В форуме приняли участие учёные, писатели, школьные преподаватели, студенты и старшеклассники из Казанского района, Ишима, Тюмени, Омска и Петропавловска (Казахстан).

По итогам конференции принята резолюция, в которой отмечено, что аналогичные научно-практические форумы решено проводить в Казанском районе ежегодно.

В Курганской областной универсальной научной библиотеке им. А.К. Югова состоялась презентация альманаха «Врата Сибири».

На протяжении последних лет деловое сотрудничество тюменских и курганских писателей ширится и набирает силу. Курганцы два года назад принимали участие в «Пикнике книг на площади Солнца», тюменцы провели в Курганской областной универсальной научной библиотеке им.

А.К. Югова две встречи с читателями и коллегами, а в очередном номере литературно-художественного альманаха «Врата Сибири» опубликовали большую подборку произведений авторов соседней области.

Апрель

Два десятка литературных объединений городов и районов области подключились к первому областному семинару начинающих авторов, который провело в режиме видеоконференции Тюменское региональное отделение Союза писателей России на базе областной научной библиотеки им. Д.И. Менделеева.

Член Союза писателей России Антонина Маркова четверть века руководит детской поэтической студией «Вершок», и за эти годы многие её воспитанники стали лауреатами областных и всероссийских литературных конкурсов, приняты в Союз писателей, но главное – большинство связало свою жизнь с литературой. Работая в библиотеке, Антонина Маркова была координатором и организатором многих литературных конкурсов, а после создания в городе Литературного лицея стала его директором.

На семинаре был сделан детальный разбор заранее полученных текстов, очерчен круг наиболее типичных ошибок, на конкретных стихах показаны примеры удачных поэтических образов, дан ответ на вопросы слушателей.

Тюменский писатель Станислав Ломакин отметил в апреле свой 80-летний юбилей. Писатель, учёный, философ, общественный деятель родился в селе

Кыштовка Новосибирской области, после седьмого класса окончил училище механизации сельского хозяйства, работал механизатором. Учился в лётном училище. В 1966 году окончил Томский государственный университет, аспирантуру. С 1970 года – доцент кафедры философии Тюменского нефтегазового университета. Литературным творчеством занимается с 1965 года, автор нескольких книг, в которые вошли рассказы, литературно-критические статьи и научная публицистика. Член Союза писателей России с 1997 года.

Май

Тюменские писатели приняли активное участие в очередной научно-практической конференции, посвящённой Дням славянской культуры и письменности. Литературному творчеству в рамках форума было посвящено проведение круглого стола.

Июнь

Тюменская делегация приняла участие в работе Международного фестиваля книг на Красной площади в Москве. Традиционно среди региональных делегаций тюменская выгодно отличалась большой выставочной площадью и количеством презентаций своих издательских проектов. В их числе была научная, публицистическая и художественная литература. Одна из презентаций посвящена деятельности альманаха «Врата Сибири» по возрождению единого литературного пространства и развитию международных связей.

В рамках фестиваля в тёплой дружественной обстановке прошла встреча тюменских писателей с членами Западно-Сибирского землячества в Москве.

Коротко об авторах

АЛЕКСАНДРОВА Марина родилась в октябре 1960 года в городе Худжанде (Ленинабад, Таджикистан). В детстве жила с родителями в разных городках и геологических посёлках Средней Азии. После института (МХТИ им. Д.И. Менделеева) работала в разных городах России и Азии инженером, химиком-технологом. Более 30 лет живёт в Нижневартовске. Член Союза российских писателей.

БЕЦКО Анжела более двадцати лет живет в Ханты-Мансийском автономном округе – Югре. Автор двух поэтических сборников, книги прозаических миниатюр «Про одну девочку» (2014). Публиковалась в журналах «Наш современник», «Неман», журналах «Югра», «proЛучшее», «Наш Филиппок», «Рюкзачишка», альманахах «Эринтур» и «Чаша круговая», поэтической серии «Антология живой литературы». Член Союза писателей России (2017). Живёт в г. Нефтеюганске.

ГОНЦОВА Наталья родилась в Курганской области. В 1959-м году семья переехала в Заводоуковск. Воспитанием девочки в основном занималась бабушка – мама работала. С самого первого класса повезло с учителями особенно с преподавателями русского языка и литературы. Печаталась в различных литературных изданиях.

ДВОРЦОВ Василий – прозаик, поэт, публицист. Родился в Томске. Сейчас живёт в Москве. Генеральный директор правления Союза писателей России. Лауреат международных и всероссийских литературных премий. Романы и повести неоднократно переиздавались, стихи вошли в антологию «Русская поэзия. XXI век» и «Молитвы русских поэтов. XX–XXI».

ЕФРЕМОВА Людмила родилась в 1959 году в Киргизии в семье рабочих. Окончила филологический факультет Фрунзенского государственного педагогического университета. Работала на заводе, затем корреспондентом и редактором многотиражных газет в городах Фрунзе, Сургуте, Надыме. Стихи Людмилы Ефремовой публиковались во многих журналах, альманахах и газетах: «Литературная газета», «Наш современник», «День поэзии», «Урал», «Бийский вестник», «Эринтур», «Врата Сибири». Автор десятка поэтических сборников, лауреат нескольких литературных премий. Член Союза писателей России. Живёт в Надыме.

ЗЕНЗИН Николай родился 3 марта 1933 года, полковник ФСБ в отставке, член Союза журналистов России, лауреат премии имени В.И. Муравленко. С 2011 года выпустил несколько книг о войне и разведке, сборник стихов.

КОШКАРЁВА Альбина родилась в 1942 году в городе Тобольске в простой семье. В 1965 году окончила педагогический институт, в котором проработала 17 лет. В 1988 году Альбина Михайловна приехала в Нижневартовск в качестве декана филологического факультета в открывшийся филиал Тобольского государственного педагогического

института, ныне это Нижневартовский гуманитарный университет, которому она посвятила 24 года. Автор сборников «Одолень», «Осеннее настроение», «От весны до осени».

КУЗИНА Полина родилась в г. Казани. Окончила филологический факультет Тюменского государственного университета. Будучи студенткой, печаталась в «Тюменском курьере», в университетском издании. После окончания ТюмГУ совмещала работу журналистом с педагогической деятельностью.

ЛОМАКИН Станислав Константинович родился в селе Кыштовке Новосибирской области. После седьмого класса поступил в училище механизации сельского хозяйства, работал механизатором. Учился в лётном училище. В 1966 году окончил Томский государственный университет, аспирантуру. Более сорока лет преподавал в вузах Тюмени. Литературным творчеством занимается с 1965 года, его рассказы печатались в журнале «Уральский следопыт», в местной периодике. Автор нескольких книг и многих научных работ по истории философии, краеведению. Член Союза писателей России с 1997 года. Живёт в Тюмени.

ЛУЦКИЙ Сергей родился в 1945 году в с. Дзыговка Ямпольского района Винницкой области. Окончил Черновицкий индустриальный техникум (1965) и Литературный институт им. А.М. Горького. Автор книг прозы «Десять суток, не считая дороги» (1980), «Яблоко в жёлтой листве» (2000), «Ускользящее время» (2005), «Причастный (2010), «На восток от Гольфстрима» (2010) и других. Член Союза писателей России. Лауреат премии губернатора автономного округа в области литературы, Всероссийской им. Д.Н. Мамина-Сибиряка. Живёт в Подмосковье.

МАЙСЮК Елена родилась в г. Челябинске. Окончила филологический факультет ТюмГУ, много лет отдала работе в различных СМИ Тюменской области. Член Союза журналистов РФ, секретарь Тюменского отделения Национальной родительской ассоциации, член Общественных советов при Росздравнадзоре Тюменской области и при департаменте имущественных отношений Тюменской области. Ветеран труда. Имеет около полусотни наград как журналист и столько же – как руководитель НКО. Награждена медалью «Материнская слава». Мать семерых детей.

МАРКОВА Антонина родилась в 1959 году в г. Усолье-Сибирское Иркутской области. Детство и ранняя юность прошли в небольшом живописном посёлке Среднем. Там окончила школу. В Тюменском государственном университете получила диплом филолога. С 1991-го работала в разных библиотеках города. Первые публикации на страницах областных газет появились в 90-е годы. Затем вышли персональные сборники «Застенчивый рассвет» (1999) и «Каждый лист у сентября свят» (2002). В 2014 году появился на свет третий сборник стихов «Судьбы потаенная нить». В творческом союзе с тюменским композитором Валерием Серебренниковым написано около 30 лирических и детских песен. 20 лет является руководителем авторской студии для детей и молодёжи «Вершок». Член Союза писателей России (2018). Живёт в Тюмени.

МАТАЕВ Александр – автор тонких, чувствительных стихов, понятных людям языка, поэзии и музыки. Активный участник фестивалей авторской песни. Впервые стихи опубликованы в сборник уральских поэтов «России маленькая часть», изданный в честь 40-летия Шаимской нефти, затем появился авторский сборник стихов «Красные плюс белые». Помимо стихов пишет прозу.

ОЖГИБЕСОВА Ольга – член Союза писателей России, Союза журналистов России, прозаик, краевед, поэт, кинодокументалист, победитель международных, всероссийских журналистских и литературных конкурсов. Редактор издательства Тюменской областной научной библиотеки им. Д.И. Менделеева. Живёт в Тюмени.

ПАПАНОВА Юлия родилась в городе Фрунзе. Окончила исторический факультет Тюменского государственного университета. Стихи пишет с 2004 года.

ПЕРУНОВ Сергей родился в городе Шадринске Курганской области. После школы учился в институте, служил в армии, после армии снова учился, работал учителем русского языка и литературы. Поступил на службу в МВД. Автор трёх поэтических книг «Весна-река», «Неопалимая рябина» и «Берёзовое причастие», печатался в различных литературных изданиях, в том числе «Наш современник», «Москва», «Проталина», «Чаша круговая». Лауреат литературной премии Уральского федерального округа. Член Союза писателей России. Живёт в Тюмени.

СЕЗЁВА Наталья – доктор искусствоведения, член Союза художников России, член Ассоциации искусствоведов РФ (АИС). Автор нескольких книг и художественных альбомов. Живёт в Тюмени.

СМЕТАНИН Сергей окончил факультет иностранных языков БГУ в Уфе (1975). Работал инженером, дворником в детсаду, редактором книжного издательства «Северный дом», ответственным секретарём журнала «Югра». Лауреат Международного конкурса «Золотое перо Руси – 2007». Автор полутора десятков поэтических сборников. Член Союза писателей России. Живёт в Санкт-Петербурге.

СОФРОНОВ Вячеслав – коренной сибиряк, по первому образованию – преподаватель физики, но со временем переквалифицировался, много лет снимал документальные фильмы, писал сценарии, а став доктором исторических наук, более двадцати лет преподавал в Тобольском педагогическом институте имени Менделеева (филиал) ТюмГУ. Член Российского родословного и геральдического обществ, член Союза писателей России. Живёт в г. Тобольске.

СТЕШЕНКО Александр – доцент, кандидат технических наук. Работал заведующим кафедрой АСУ, топ-менеджером компьютерной компании, был одним из руководителей комитета связи и информатизации Тюменской областной администрации. В настоящее время занимается

творчеством. Живёт в Тюмени. Серебряный лауреат международного конкурса «Национальная литературная премия «Золотое перо Руси – 2017» в номинации «Проза».

ТИХОМИРОВ Артём родился в 1989 году. Окончил Тюменскую государственную академию культуры и искусств. Дипломант и лауреат областного конкурса молодых авторов «Лёгкое перо» (2015, 2017). Живёт в Тюмени.

ТРУБА Анатолий – прозаик, член Союза писателей России. Родился в Тамбовской области, окончил Мичуринский государственный аграрный университет, аспирантуру. Доктор экономических наук, профессор, главный научный сотрудник ВНИИОПТУСХ, профессор кафедры РосНОУ. С 2016 года – главный редактор литературно-исторического журнала «Александръ».

ЧИСТЯКОВ Владимир – заслуженный работник культуры РФ, член Общественной палаты Тамбовской области, член Союза журналистов России. Владимир Чистяков не издаёт дорогостоящих поэтических сборников и не стремится к славе, он просто пишет стихи.

ЧУПИНА Ирина родилась в Ишиме. Одновременно с общеобразовательной окончила художественную школу, затем получила специальность декоратора-оформителя. Член творческого Союза профессиональных художников. Стихи пишет всего несколько лет, публиковалась в нескольких коллективных сборниках и литературных альманахах.

ЯНЕНАГОРСКИЙ Олег (Ширманов Игорь Александрович) родился в 1959 году в г. Кургане, живёт в Ханты-Мансийске. Член Союза писателей России, опубликовал пять печатных сборников, в том числе в США. Ответственный секретарь Ханты-Мансийского регионального отделения Союза писателей России.

ВРАТА СИБИРИ

ЛИТЕРАТУРНО-ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ И ИСТОРИКО-КРАЕВЕДЧЕСКИЙ АЛЬМАНАХ

На вклейках: работы художника А.М. Герасимова

На обложке:

Иллюстрация к книге «Конёк-Горбунок»

Художник: А.М. Герасимов

Альманах зарегистрирован
Управлением Федеральной службы по надзору
в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций
по Тюменской области, Ханты-Мансийскому автономному округу –
Югре и Ямало-Ненецкому автономному округу.
Свидетельство о регистрации ПИ № ТУ72-01429 от 10 февраля 2017 г.

Журнал издается при финансовой поддержке правительства Тюменской области.
Выходит два раза в год. Издается с 1999 года.

Адрес редакции:

625002, г. Тюмень, ул. Осипенко, 81

тел./факс: (3452) 49-00-18

e-mail: ivanovlk@yandex.ru

Учредитель и издатель: АНО «Тюменская область сегодня».

625002, г. Тюмень, ул. Осипенко, 81, 4 этаж, оф. 410

Директор-главный редактор Шестаков Сергей Александрович

тел. (3452) 49-00-18, e-mail: editor@tumentoday.ru

Подписано в печать ?.?.2021 г.

Дата выхода номера в свет 15.12.2020 г.

Формат 70x108¹/₁₆. Бумага ВХИ.

Печать офсетная. Усл. печ. л. 17,85.

Тираж 2 000 экз. Заказ № ?. Цена свободная.

Журнал отпечатан в типографии АО «Тюменский издательский дом».

625031, г. Тюмень, ул. Шишкова, 6.

Верстка номера: Павлова Александра Павловна.

Корректор: Рыжкова Елена Александровна.

Рукописи редакцией не рецензируются и не возвращаются. По желанию автора рукопись может быть возвращена, если ее объем не менее: проза – 10 а. л., поэзия – 5 а. л., публицистика – 3 а. л. Вместе с текстом просим присылать краткую биографическую справку, данные паспорта, ИНН и номер страхового свидетельства.

За достоверность фактов несут ответственность авторы статей. Их мнения могут не совпадать с мнением редакции.

Перепечатка материалов и их распространение, в том числе в электронной версии, допускаются только с разрешения редакции. Ссылка на «Врата Сибири» обязательна.